

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 3/4 2026 (МАРТ/АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 12.03.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

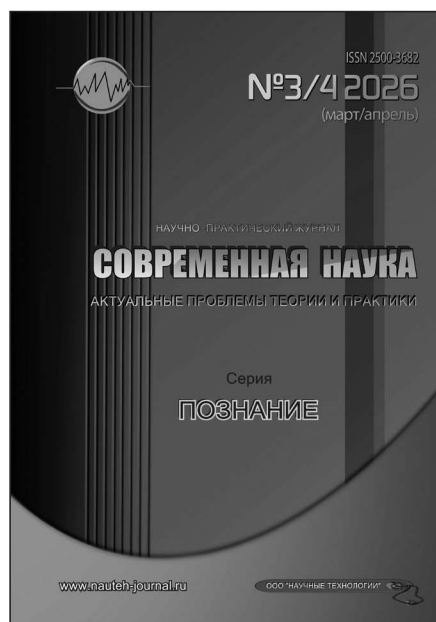
Серия: Познание №3/4 (март/апрель) 2026 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Молина Л.В., Океанская Ж.Л. – Социокультурные истоки и смысл «Положения о публичных маскарадах, балах и других увеселениях в столицах» (1851)

Molina L., Okeanskaya Zh. – Sociocultural origins and meaning of the "Regulations on public masquerades, balls and other entertainments in the capitals" (1851) 5

Ся Цзюньвэй – Исследование построения системы живого наследия народной музыки провинции Цзилинь

Xia Junwei – Research on the construction of a living heritage system for folk music in Jilin province 12

Фаттахов Р.А. – Творческая свобода в культуре: идеи классической философии

Fattakhov R. – Creative freedom in culture: the ideas of classical philosophy 17

Черепакха Д.Г. – Экзистенциальное самовыражение и культурная идентичность - две характерные черты современного танца

Cherepakha D. – Existential self-expression and cultural identity are two characteristic features of modern dance 22

Психология

Ардашев Р.Г. – Психология суицидального поведения молодежи: воздействие информационного поля социальных сетей

Ardashev R. – Psychology of suicidal behavior in youth: the impact of the information field of social media 26

Даренских С.С. – Особенности ролевых ожиданий и притязаний у незамужних молодых женщин

Darenskih S. – Features of role expectations and aspirations of unmarried young woman 30

Исагулова Е.Ю. – Психологические особенности подростков с аддиктивным поведением коморбидным с пограничным расстройством личности

Isagulova E. – Psychological characteristics of adolescents with addictive behavior comorbid with borderline personality disorder 33

Легостаева Е.С., Преснецов Е.Е. – Генезис коллективного сознания как агента ноосферы: критерии перехода от Homo sapiens к Homo conscious

Legostaeva E., Presnetsov E. – The genesis of collective consciousness as an agent of the noosphere: criteria for the transition from Homo sapiens to Homo conscious 40

Мыльников Е.А. – Восприятие коммуникативных барьеров в ситуациях профессионального общения (на примере совещаний в компании по производству потребительской электроники)

Mylnikov E. – Perception of communication barriers in professional communication situations (based on meetings in a consumer electronics) 45

Набок О.А. – Связь общих ценностей и внутренних коммуникаций в трудовом коллективе в контексте инновационной деятельности

Nabok O. – The relationship between shared values and internal communication in the working team in the context of innovation 50

Першин Ю.Л., Сурков А.М., Штукин Н.Н. –

Воспитание стрессоустойчивости единоборцев перед ответственными соревнованиями

Pershin Yu., Surkov A., Shtukin N. – Education of stress resistance of martial arts competitors before responsible competitions 57

Философия

Ван Хунминь – Социально-философское осмысление интерпретации процесса информатизации в Китае

Wang Hongmin – A socio-philosophical understanding of the interpretation of the informatization process in China 61

Жамбаев Б.Ц., Жамбаева У.Б. – Политическое устройство исторического прошлого бурят
Zhambaev B., Zhambaeva U. – The political structure of the historical past of the Buryats 65

Королева-Конопляная Г.И. – Идеи всеединства и богочеловечества в философии В. Соловьева и С. Булгакова
Koroleva-Konoplyanaya G. – The ideas of unity and God-manhood in the philosophy of V. Solovyov and S. Bulgakov 69

Рябова Е.Ю. – Осознанное потребление: путь к устойчивому будущему
Ryabova E. – Conscious consumption: a path to a sustainable future 75

Скопа В.А. – Временные аспекты человеческого бытия: трансформация классических представлений в постсовременную реальность
Skopa V. – Temporal aspects of human existence: the transformation of classical concepts into a postmodern reality 80

Фетисова Е.Н., Пащенко Н.А. – Экзистенциалы в мире русской сказки
Fetisova E., Pashchenko N. – Existentials in the world of Russian fairy tales 84

Шустов А.Ф. – Социальная ответственность в развитии технической деятельности
Shustov A. – Social responsibility in the development of technical activities 88

Информация

Наши авторы. Our Authors 91

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 92

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ И СМЫСЛ «ПОЛОЖЕНИЯ О ПУБЛИЧНЫХ МАСКАРАДАХ, БАЛАХ И ДРУГИХ УВЕСЕЛЕНИЯХ В СТОЛИЦАХ» (1851)

SOCIOCULTURAL ORIGINS AND MEANING OF THE "REGULATIONS ON PUBLIC MASQUERADES, BALLS AND OTHER ENTERTAINMENTS IN THE CAPITALS" (1851)

**L. Molina
Zh. Okeanskaya**

Summary: The article examines the social origins of the formation of cultural policy in Russia in the 19th-century. The full text of the archival document "Regulations on public masquerades, balls and other entertainments in the capitals" (1851) is introduced into scientific circulation. It determined the dynamics of the development of cultural and theatrical life of that time, as well as the regulations for holding public events, including concerts, in St. Petersburg and Moscow. Overall, the document reflected the complex sociocultural balance between state control, social norms, security issues, economic interests, and the cultural traditions of the 19th-century Russian Empire, making power strategies, social hierarchies, and cultural values of the era the subject of legal regulation.

Keywords: cultural policy, musical culture, concert activity, secular music, sacred music, spiritual values, cultural traditions, legislation.

Молина Любовь Владимировна
Творческое объединение «Лига музыки»
post@lmusic.pro

Океанская Жанна Леонидовна
доктор культурологии, профессор, Российский
государственный социальный университет (г. Москва);
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС
России (г. Иваново)
ocean_2004@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются социальные истоки формирования культурной политики в России в XIX веке. В научный оборот вводится полный текст архивного документа «Положение о публичных маскарадах, балах и других увеселениях в столицах» (1851), определившего динамику развития театральной жизни того времени, а также регламент проведения общественных мероприятий, в том числе концертов, в Санкт-Петербурге и Москве. В целом, документ отражал сложный социокультурный баланс между государственным контролем, социальными нормами, вопросами безопасности, экономическими интересами и культурными традициями Российской империи XIX века, делая предметом правового регулирования властные стратегии, социальные иерархии и культурные ценности эпохи.

Ключевые слова: культурная политика, музыкальная культура, концертная деятельность, светская музыка, духовная музыка, духовные ценности, культурные традиции, законодательство.

Введение

Одной из самых продолжительных форм правления в российской истории стало самодержавие, просуществовавшее около трех столетий. Оно охватило периоды Московского государства (конец XV в. – XVII в.) и Российской империи (XVIII в. – начало XX в.). Как форма государственного устройства, самодержавие опиралось на неограниченную власть монарха, а духовную и стержневую основу общества составляла многовековая традиция православия, оказавшая значительное влияние на формирование культурной жизни общества [5, 6, 7].

XIX век в истории русской культуры по праву называют «золотым веком». На этот период приходится расцвет литературы (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), музыки (М.И. Глинка, композиторы «Могучей кучки», П.И. Чайковский), изобразительного искусства

(И.Е. Репин, В.И. Суриков, В.М. Васнецов), театра (широко известны имена актеров того времени – Е.С. Семенов, М.С. Щепкина, П.С. Мочалова, В.Н. Асенковой, М.Н. Ермоловой) [12]. В этот период театральная и концертная деятельность перестает быть только развлечением и становится важной культурной составляющей жизни общества.

Вместе с тем XIX век стал одним из ключевых, переломных этапов российской истории, что не могло не сказаться на законодательной базе. В период правления Николая I происходит усиление государственного контроля в области культурной политики, регламентирующей организацию театральной и концертной жизни Москвы и С.-Петербурга.

Методика исследования

Для проведения исследования были использованы диахронический и генетический подходы, а также мето-

ды анализа нормативно-правовых актов, искусствоведческих, исторических и музыковедческих текстов. Таким образом, рассмотрев и сопоставив данные различных источников, нам удалось сформировать целостное представление о предмете исследования.

Результаты исследования

Культурная политика как целенаправленная деятельность государства по формированию и поддержке культурных процессов начала формироваться в России в XVIII веке. Особую роль здесь сыграла эпоха правления Петра I (годы правления 1682–1725). Модернизация страны, внедрение западных культурных практик, создание новых государственных институтов (Академия наук, первый музей, учебные заведения), реформы в области образования, науки и искусства способствовали развитию светского общества, что заложило основы для дальнейшего определения культурной политики. Начался период сближения с Западом [9]. Однако связь светской и духовной сфер общества оставалась крепкой. В общей характеристике исторических этапов становления концертной деятельности Н.И. Тетерина пишет: «В период царствования Екатерины II концерты давались почти исключительно во время Великого поста в оперных театрах, для того чтобы компенсировать в эти недели отсутствие представлений русских и итальянских, французских и немецких опер...» [8, с. 291]. Данный пример наглядно демонстрирует ориентированность культурной и концертной жизни на церковный календарь.

В период правления Павла I (годы правления 1796–1801) организация публичных увеселений была строго регламентирована. По его указу нужно было гасить свет в десять часов, неисполнение данного предписания строго наказывалось [3]. Также Павел I специальными указами запретил ношение локонов и бакенбард, не разрешил танцевать вальс, вел борьбу с иностранной литературой. Эти и другие запреты, вызванные в том числе реальной угрозой (во Франции победу одержала революция), спровоцировали волну недовольств в светском обществе.

Культурная политика Александра I (годы правления 1801–1825) была направлена на модернизацию и европеизацию страны. Император поддерживал тесные культурные связи с Западной Европой. Приглашал иностранных специалистов, артистов и музыкантов для работы в России. В период его правления после победы в Отечественной войне 1812 года произошел всплеск патриотизма и национального самосознания, возрос интерес к родной истории и культуре.

Политика Николая I (годы правления 1825–1855) в области культуры была ориентирована на усиление традиционных ценностей. Его правление часто харак-

теризуется с позиции ужесточения цензуры. В своем исследовании искусствовед Е.М. Шабшаевич пишет: «Устройство концертов как вида публичной деятельности подчинялось сфере жесткого государственного регулирования. Идеологическая подоплека такого положения заключалась в отсутствии фактической свободы собраний, опасениях в возможном распространении свободолобивых идей. Поэтому власть подвергала устройство любых публичных зрелищ тотальному полицейскому контролю» [17, с. 95].

Изучая маскарад как социокультурный феномен в оптике теории жертвенного кризиса Р. Жирара, исследователь С.М. Волошина аргументирует утверждение о том, что «публичные маскарады, проводившиеся в Дворянском собрании и доме Энгельгардта, становились пространством для социальных экспериментов, где маски позволяли временно снять ограничения, налагаемые сословными и гендерными ролями» [2].

Автор приводит достаточно примеров, как исторически достоверных, так и литературных или откровенно мифических, для демонстрации того, к чему приводили эти «эксперименты», освобождающие, пусть и временно, от традиционных ролей.

Обратим внимание и на пример искусствоведа А.А. Гозенпуда из рассказа Н. Неверина «Маскарад» (1839), в котором описываются нравы светского общества и поведение на балах: «Было одиннадцать. <...> Между тем в зале уже начиналось движение, настал законный час непринужденной веселости. Маскарад оживился, все старались любезничать; все шутили и дозволяли шутить с собой. Маскарад, как известно, свет наизнанку. Мужчины скромничают и порой даже краснеют. Женщины бегают за мужчинами, шепчут им любовные признания, назначают свидания, упрекают в ветренности. <...> Н-нь бранил маскарады. Для удовольствия бранить он бывал на всех маскарадах, приезжал одним из первых, уезжал одним из последних; нередко там ужинаял и после каждого маскарада писал бессмертные стихи в альбом смутных красавиц» [3, с. 73]. А.А. Гозенпуд отмечает, что в этом герое не трудно узнать Пушкина.

Э.А. Фрадкина следующим образом характеризует нравы публики того времени: «Столь же открыто, как и негодование, публика выражала и свои восторги. <...> Крики и топанье ног во время исполнения симфонии – причем еще до того, как музыка отзвучала, – на последних тактах! Прямо как на футбольном матче» [16, с. 45-46]. Публику пытались вежливо перевоспитывать, но даже спустя время многое оставалось по-прежнему [1, 5].

В этот период был выпущен один из первых официальных документов, в котором подробно излагается

регламент по организации и проведению публичных мероприятий и концертов: «Положение о публичных маскарадах, балах и других увеселениях в столицах» (1851). Его содержание определяло время, место, порядок и другие особенности проведения балов, маскарадов, театральных и концертных событий. Например, в области концертной жизни впервые законодательно закреплялось требование разделить публичные концерты на духовные и светские, что влияло в том числе на репертуарную политику (исполнение духовной музыки в светских концертах не допускалось). Также в документе обозначались некоторые правила, связанные с вопросами платы за проведение и посещение концертов. Определялись условия взаимодействия с российскими и зарубежными исполнителями. Все эти меры были направлены на укрепление традиционных ценностей и сохранение духовной основы общественной жизни.

Обсуждение результатов

Дирекция императорских театров

Распорядительное Отделение

Положение о публичных маскарадах, балах и др. увеселениях в столицах (копия) и переписка¹

1851–1854 г.

[нрзб.] 1851 г. №10 стр. 3.

По полученному Вашею Светлостью секретному отношению к Вам Г. Московского Военного Генерал Губернатора относительно маскарадов, даваемых в Москве от Театральной Дирекции имею честь донести, что по существующему правилу Московская театральная контора доносит мне неотлагательно о всякого рода происшествиях, выходящих не только из границ благопристойности, но доселе я не получал от нее никаких сведений, обнаруживающих то состояние маскарадов Дирекции, об которых говорится в отношении Графа А.А. Закревского².

Не зная и теперь, до какой степени справедливы получаемые Графом о состоянии маскарадов наших донесения, я со всем тем предписан также секретно Управляющему Конторою Московских театров Коллежскому Советнику Веротовскому, обратить на помянутый предмет строгое внимание, и немедленно донести мне о положении наших маскарадов. По получении какого ответа буду иметь честь представить оный Вашей Светлости.

¹ В статье авторы приводят полный текст документа, включая фрагмент переписки, предшествующий основному содержанию. С документом можно ознакомиться через доступ в электронный читальный зал ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина», а также в фондах РГИА [12].

² Граф Арсений Андреевич Закревский (1783–1865) – русский военный и государственный деятель, Генерал-губернатор Москвы (1848–1859).

³ Александр Михайлович Геденов (1792–1867) – русский театральный деятель, с 1833 по 1858 гг. возглавлял императорские театры С.-Петербурга и Москвы.

Причем приказан:

1) Чтобы в уборные близ боковых зал во время маскарадов из публики вовсе никого не впускать и запереть. Для поправки же туалета, если нужно, поставить в залах зеркала.

2) Чтобы в буфет, содержимый в нижнем этаже театра, не были допускаемы женщины, с отобранием в исполнение сего подписки от содержателя буфета. Впрочем, присмотреть за этим зависит более от Полиции, имеющей средства удержать тех, которые стали бы тому противиться.

3) По окончании маскарадов невозможно немедленно высылать всех тех, которые начинают только с того времени ужинать, занимаясь прежде прогулками. По Высочайшему повелению объявленному в предписании Вашей Светлости от 17 Января прошедшего года [1850 – *вписано карандашом*], [нрзб.] окончание маскарадов постановлено вещать с прекращением музыки, которое бывает в 4 часа утра; [нрзб.] и ужинные столы могут прекращаться только около этого времени. Если же посетители останутся в буфетных комнатах дольше положенного времени, то я приказал впредь это воспретить, с содействием в нужных случаях Полиции.

4) Строго наблюдать, чтобы время продолжения маскарадов простиралось не более как до 4 часов утра, как это бывает и при маскарадах в С.-Петербурге.

Что же касается до одежды, в которой являются посетители маскарадов, то для такого публичного собрания как маскарад, допускающий по своему значению переживание мужчин в женское платье и обратно, трудно определить строго одежду. Ваша Светлость изволите быть известны, что при здешних маскарадах встречаются маски в манковых брюках и в сюртуках не первой свежести. Это происходит от того, что билеты продаются по произволу всем желающим. Если же очень стеснить посетителей маскарадов, то от того весьма уменьшаются доходы Театра, и потому приказано мною наблюдать за приличием одежды по возможности.

Подписано: Директор Им. Театров Геденов³

[нрзб.] Января 1851 г.

Копия
На подлинном Господином
Министром Императорского
Двора написано: «Высочайше утверждено».
7 Марта 1854 г.

О публичных маскарадах, концертах, балах с лотереями и других увеселениях в столицах.

§1. Право давать публичные маскарады и концерты принадлежит Дирекции Императорских Театров.

§2. *Маскарады.* По особым уважениям дозволяется С.-Петербургскому Дворянскому и Московскому Благотворительному Собраниям на основании их уставов давать для членов и гостей до шести маскарадов в год; в Москве преимущественно по вторникам, в другие же дни по соглашению с Дирекциею, а в С.-Петербурге каждый раз по сношению с оного. Из числа этих шести маскарадов могут быть назначаемы от сих собраний по одному на святках и по одному на масленицу в дни также по соглашению с Дирекциею.

§3. Клубы и другие подобного рода собрания, могут с дозволения Правительства давать маскарады публичные для членов своих и гостей в дни по обоюдному с Дирекциею Театров соглашению, но с платежом в доход оных четвертой части от наличных сборов.

§4. Собрания и Клубы, которые, на основании сих правил и своих уставов будут назначать от себя маскарады, обязаны давать по одному в год в пользу Инвалидов в дни по соглашению с Дирекциею, исключая святков и не позже как за две [?] недели до масленицы.

§5. Благотворительным Обществам и Заведениям давать маскарады воспрещается.

§6. Постановленные в сих правилах ограничения не относятся до маскарадных балов, назначаемых иногда безденежно в Учебных Заведениях, как равно до частных маскарадов в клубах, коль скоро те и другие даются без платежа за вход.

§7. *Публичные концерты.* Публичные концерты, кроме даваемых от Дирекции Театров, допускаются с разрешения оной от Благотворительных обществ, Дворянских Собраний и от артистов: певцов, певиц, капельмейстеров, репетиторов и вообще музыкантов, как от приезжающих на время в столицы, так и от постоянно в оных проживающих.

§8. Для назначения публичных концертов в каждом году определяется преимущественно Великий пост.

§9. По особым уважениям к тем из Благотворительных

обществ, а равно иностранным певцам, певицам и музыкантам, известным по своим дарованиям и искусству или признанным таковыми Дирекциею Императорских Театров, которые, по обстоятельствам не могли бы дать своих публичных концертов в Великом посту, дозволяется давать оные на Святой неделе и в период времени от 1 Октября до начала святков, в дни по соглашению с Дирекциею Театров, вечером, когда не бывает на Театрах представлений и в течение дня до начала спектаклей.

§10. Публичные концерты разделяются на два рода: духовные и светские. В духовных концертах исполняется одна духовная церковная музыка, в светских все другая. Посему смешение светской музыки с музыкаю духовною в концертах светских не допускается.

§11. В публичных концертах духовных, исполнение которых на Театрах воспрещается, не дозволяется петь псалмов и молитв, в Православном Богослужении употребляемых, а только других вероисповеданий, но и те отнюдь не в Русском переводе.

§12. Воспрещается давать публичные концерты как духовные, так и светские, на первой и страстной неделях Великого поста, накануне Благовещения, в Вербные Субботу и Воскресение. По другим же Субботним дням как Великого поста, так и во весь круг года, а равно накануне двенадцатых праздников дозволяются лишь духовные публичные концерты.

§13. В публичных концертах артистов, не подлежащих ведомству Императорских Театров, кроме инструментальной музыки и пения ничего другого не допускается. Публичные же концерты, назначаемые от артистов Императорских Театров, могут заключать в себе и живые картины. В концертах, даваемых от Благотворительных обществ, допускаются сверх музыки и живых картин лотереи, томболы, аллегри, базары, ярмарки и аукционы, также декламирование лирических сочинений и отрывков из поэм, но не иначе, как с особого на то разрешения Правительства. Представление в концертах драматическими артистами театральных пьес или сцен из оных, хотя бы и не в костюмах, а равно и самая их чтения, воспрещаются. Участие артистов, как Италианской, так и других оперных трупп Императорских Театров, в подобных концертах зависит от их согласия и дозволения Дирекции.

§14. Благотворительные общества могут назначать в пользу своих заведений не более, как по одному публичному концерту в год, в сроки, выше объясненные, исключая С.-Петербургское Филармоническое общество, коему в пользу музыкантских вдов и сирот дозволяется давать в течение года два концерта.

§15. Назначение публичных концертов, по правилам

вышестоящим, имеют право только те из Дворянских Собраний, Благотворительных обществ и Заведений, по уставам которых таковые допускаются, равно артисты, певцы и музыканты, которые сами в своих концертах будут участвовать. Лица, не принадлежащие к сословию артистов, музыкантов или певцов, права давать публичные концерты не имеют.

§16. Приезжие артисты, коим Дирекцию дозволено будет давать концерты в их пользу, обязаны участвовать безвозмездно в одном из концертов оной, если то признано будет нужным.

§17. *Публичные балы.* Публичные танцевальные балы в клубах и собраниях, где дозволены уставами, назначаются в дни по усмотрению своих распорядителей.

§18. Публичные балы с лотереями, томболами, аллегри, базарами и аукционами, даваемые Благотворительными обществами и Заведениями с разрешения Правительства, допускаются в дни по взаимному соглашению с Дирекцию Театров.

- а) На Святой неделе в то время, когда не бывают еще открыты спектакли в Театрах.
- б) С Фоминой недели, за исключением постов, до последующих шести недель перед Великим постом.

§19. Каждое из Благотворительных обществ и Заведений может дать только по одному публичному балу в год, в который либо из означенных сроков.

§20. Благотворительное общество и Заведение может дать бал с лотереєю, томболою, аллегри, базаром, ярмаркою, аукционом только в таком случае, когда в течение того же года ими не было дано концерта с указанными добавлениями. Равным образом и концерт такого рода устраняет уже право на подобный бал того же общества.

§21. Годичный термин для назначения всех вышесказанных публичных увеселений определяется сообразно с Карнавалом Театральных представлений, от первого Воскресения Великого поста до того же дня в следующем году.

§22. Публичные балы для детей, устраиваемые разными Благотворительными обществами и Заведениями, ярмарки для сбыта работ, и другие публичные увеселения, – при получении на то дозволения от Правительства, – допускаются в условленные с Дирекцию Театров

дни и часы, в те же самые периоды, как и балы с лотереями (§18) и также не более, как по одному разу в год.

§23. *Мелочные зрелища и увеселения, представления акробатов, фокусников и пр.* При дозволении Полициею в столицах, не исключая окрестностей в черте города состоящих различного рода общенародных забав, как-то: акробатов, фокусников и других мелочных зрелищ, не принадлежащих к драматическому искусству, а равно музыки, исполняемой разными оркестрами, хорами цыган, тирольцев, и тому подобными, оныя распределяются в дни и часы по соглашению с Дирекцию, кроме представлений даваемых на масленице и Святой неделе в балаганах, которые сему не подлежат.

§24. С представлений, упомянутых в предыдущем параграфе, кроме балаганных и тех, которые по роду своему не могут вредить сборам Дирекции Императорских Театров, ей предоставляется взимать с дающих представления плату, по обоюдному условию, но не более четвертой части чистого сбора.

§25. Публичными маскарадами, концертами, и балами надлежит почитать не только те, которые даются за установленную при входе плату, но и все, для коих на основании ст. 193 XII⁴ т. св. зак. /Устав о пред. и пресеч. преступл./, нужно дозволение Полиции.

§26. Что же касается до обязанностей содержателей различных зрелищ и музыки (§23) давать их в пользу Инвалидов и вносить известную часть сбора в Опекунские Советы, то существующее на тот предмет Постановление остается в прежней силе.

Подписал: Министр Императорского Двора Граф Адлерберг⁵:

С подлинным верно: Начальник Отделения Свечин.

Заключение

Ранее текст «Положения» фрагментарно публиковался в литературных источниках и исследовательских работах искусствоведческой направленности на правах рукописи. В статье авторы приводят ссылки на данные работы [3, 4, 10, 11, 14, 16, 17]. На документ достаточно часто ссылаются в статьях в СМИ (преимущественно посвященных истории развития театра в России, проведения балов и т.д.) как на пример ужесточения цензуры в период правления Николая I, укрепления политики отделения России от Запада. Полагаем, что важно оз-

⁴ Устав о предупреждении и пресечении преступлений (Свод законов, т. 14, изд. 1857). В данном месте дается ссылка на статью 194, которая звучит так: «Запрещается без дозволения полиции чинить в городе или вне его общенародные игры и забавы и театральные представления» [14, с. 53].

⁵ Граф Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888) – приближенный императора Александра II, генерал от инфантерии (1869), генерал-адъютант (1855). В 1870–1881 гг. министр императорского двора и уделов.

накомить с ним более широкий круг исследователей и читателей. Осмысление текста данного документа может иметь особое значение для работ культурологической направленности. Для развития концертной жизни «Положение» сыграло знаковую роль: были сформированы основы государственной культурной политики (в области зрелищных мероприятий), ориентированной на централизацию управления и использование концертной деятельности в фискальных и идеологических целях. Документ поддерживал традицию тесного взаимодействия религиозных институтов с государственными интересами. Православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», а император выступал ее «верховным защитником». При этом государство использовало религиозные нормы для достижения светских целей – поддержания порядка, контроля над массовыми зрелищными мероприятиями и формирования культурной политики.

Таким образом, документ стал примером того, как в законодательстве и общественной практике сочетались религиозные и светские элементы, причем первые служили инструментами для реализации вторых.

Сохранение религиозной традиции в сочетании со светской культурной политикой государства определяет духовные и ценностные ориентиры жизни российского общества в исторической перспективе.

Анализ «Положения о публичных маскарадах...» позволяет раскрыть социокультурную перспективу принципов и подходов к организации публичных меропри-

ятий. Так, «Положение о публичных маскарадах...» и Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2015 г. №2395-р «О Концепции развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации до 2025 года» отражают принципиально разные подходы к государственному регулированию культурной жизни: от жесткого административного контроля в XIX веке до стратегической государственной поддержки и развития отрасли в XXI веке через декларацию необходимости создания организационно-творческих, экономических и правовых условий для развития этой сферы. Первый документ направлен на упорядочение и ограничение увеселительных мероприятий, второй – на системное развитие академической музыки как части культурного наследия и инструмента международного позиционирования страны. Тем не менее, преемственность документов в сфере регулирования массовых мероприятий реализована в общих принципах централизованного контроля, требования к уведомлению властей⁶, обеспечения безопасности⁷, регламентации условий проведения мероприятий⁸.

Таким образом, современные нормативные акты значительно расширили и систематизировали эти принципы, адаптировав их к текущим вызовам, включая вопросы антитеррористической защищенности, технического оснащения и государственной поддержки отрасли, однако базовые стратегические принципы государственной культурной политики в области концертной деятельности формировались, в том числе, и в публикуемом «Положении...».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б.В. Путеводитель по концертам. (Словарь наиболее необходимых терминов и понятий). – М.: Советский композитор, 1978. – 200 с.
2. Волошина С.М. «Истинная вакханалия абсолютной власти»: маскарады Николая I // Философско-литературный журнал «Логос». 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istinnaya-vakhanaliya-absolyutnoy-vlasti-maskarady-nikolaya-i> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Гозенпуд А.А. Дом Энгельгардта: Из истории концертной жизни Петербурга первой половина XIX века. – СПб.: Советский композитор, 1992. – 248 с.
4. Грошенко Н.А. Законодательство и его применение в области публичных танцевальных увеселений в Санкт-Петербурге и Москве середины XIX в. // Ассоциация Исторического Танца. 29 апреля 2022. – URL: <https://inlnk.ru/PmVnx5> (дата обращения: 18.02.2026).
5. Дуков Е.В. Концертная деятельность как социальная практика в истории европейской культуры: дис. ... д-ра философских наук: 24.00.01. – М., 1999. – 339 с.
6. История русской музыки: в 10 т. Т. 1: Древняя Русь XI–XVII века / Редкол.: Ю.В. Келдыш, О.Е. Левашева, А.И. Кандинский. – М.: Музыка, 1983. – 381 с.
7. История русской музыки: в 10 т. Т. 2: XVIII век. Часть 1 / Редкол.: Ю.В. Келдыш, О.Е. Левашева, А.И. Кандинский. – М.: Музыка, 1984. – 333 с.

6 Например, согласно изменениям, внесенным в «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (Федеральный закон от 21.04.2025 №87-ФЗ), организатор обязан заблаговременно уведомлять органы исполнительной власти субъекта РФ и местного самоуправления о тематике, месте, дате, времени проведения мероприятия, планируемом количестве посетителей и мерах по обеспечению.

7 Современные нормативные акты значительно расширили перечень требований к безопасности. Например, с 2025 года организатор и собственник объекта обязаны обеспечивать охрану, техническую оснащенность, укрепленность и антитеррористическую защищенность места проведения мероприятия. Также введены требования к контролю доступа посетителей, недопущению превышения их количества и информированию о мерах безопасности.

8 Федеральный закон от 19.06.2004 №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»

8. История русской музыки: в 10 т. Т. 10Б: 1890–1917-е годы / Общ. ред. Л.З. Корабельниковой, Е.М. Левашева. – М.: Музыка, 2004. – 1071 с.
9. Мельникова Л.Л. Основы организации концертно-просветительской работы в музыкальном учебном заведении: учебное пособие. – Магнитогорск: МаГК, МГОПУ, 2007. – 131 с.
10. Молина Л.В., Океанская Ж.Л. Влияние религиозной традиции на формирование культурной политики в России XIX века (на примере организации концертной жизни Москвы и С.-Петербурга) // В сборнике: Современное социокультурное пространство России: вопросы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – М.: РИТМ, 2025. С. 53–56.
11. Молина Л.В. Вокальный концерт как культурный феномен: актуализация просветительских традиций России XIX века // Вопросы вокального образования: Сборник научных трудов. – М.: ООО «Мастерпринт»; РАМ имени Гнесиных, 2025. С. 415–424.
12. Одоевский В.Ф. Музыкально-литературное наследие. – М.: Музгиз, 1956. – 723 с.
13. Положение о публичных маскарадах, балах и других увеселениях в столицах (копия) и переписка (1851, РГИА. 497 / 18 / 230, 12 листов). URL: <https://www.prlib.ru/item/1956474?mode=full> (дата обращения: 18.02.2026).
14. Театральная цензура в Российской империи // Новый драматический театр. 18 июля 2021. – URL: <https://clc.li/jXmcE> (дата обращения: 18.02.2026).
15. Устав о предупреждении и пресечении преступлений: (Свод законов, т. 14, изд. 1857): доп. и изм. по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – М.: [Тип. Т. Рис], 1872. – VIII, 159 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/459984?ysclid=m72cybir8641381859> (дата обращения: 18.02.2026).
16. Фрадкина Э.А. Зал Дворянского собрания: Заметки о концертной жизни Санкт-Петербурга: Очерки. – СПб.: Композитор, 1994. – 200 с.
17. Шабшаевич Е.М. Музыкальная жизнь Москвы XIX столетия и ее отражение в концертной фортепианной практике: дис. . . . д-ра искусствоведения: 17.00.02. – М., 2011. – 1489 с.

© Молина Любовь Владимировна (post@lmusic.pro), Океанская Жанна Леонидовна (ocean_2004@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ЖИВОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ¹

Ся Цзюньвэй

Директор, Центр исследований и инноваций
в области художественного образования,
Чанчуньский университет Гуанхуа
(г. Чанчунь, Китайская Народная Республика)
100583109@qq.com

RESEARCH ON THE CONSTRUCTION OF A LIVING HERITAGE SYSTEM FOR FOLK MUSIC IN JILIN PROVINCE

Xia Junwei

Summary: The article provides a comprehensive analysis of the emerging model for the safeguarding and revitalization of intangible musical heritage in the multi-ethnic region of Northeast China. Examining Jilin Province, it explores the interrelations between legal frameworks, scholarly and field research activities, digitalization strategies, integration into tourism and education, as well as approaches to sacred forms and contemporary creative interpretation. The methodological foundation is a systemic and interdisciplinary analysis, which helps to identify the key components, driving forces, and challenges in constructing a sustainable "living heritage" system. The research findings can be applied to optimize cultural policy and develop similar regional models aimed at harmonizing the preservation of cultural diversity with modern development. The analyzed regional experience holds significant methodological potential for understanding similar processes in other multi-ethnic regions of the world.

Keywords: intangible cultural heritage, folk music, living heritage, Jilin Province, heritage safeguarding, cultural policy, digitalization.

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу формирующейся модели сохранения и актуализации нематериального музыкального наследия в полиэтничном регионе Северо-Восточного Китая. На примере провинции Цзилинь исследуются взаимосвязи между правовыми механизмами, научно-экспедиционной деятельностью, стратегиями цифровизации, интеграцией в туристическую и образовательную сферы, а также подходами к работе с сакральными формами и современной творческой интерпретацией. Методологическую основу составляет системный и междисциплинарный анализ, позволяющий выявить ключевые компоненты, движущие силы и вызовы в построении устойчивой системы «живого наследия». Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации культурной политики и разработки аналогичных региональных моделей, направленных на гармонизацию сохранения культурного разнообразия и современного развития. Анализируемый региональный опыт обладает значимым методологическим потенциалом для осмысления аналогичных процессов в других полиэтничных регионах мира.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, народная музыка, живое наследие, провинция Цзилинь, сохранение наследия, культурная политика, цифровизация.

Введение

Проблема сохранения и актуализации нематериального культурного наследия в современном мире приобретает особую значимость на фоне процессов глобализации и цифровой трансформации. Народная музыка, будучи одной из наиболее уязвимых и одновременно жизнеспособных форм такого наследия, требует выработки комплексных системных подходов к её документированию, изучению и интеграции в современный социокультурный контекст. Провинция Цзилинь в Северо-Восточном Китае представляет собой уникальный полиэтничный регион, где исторически сосуществуют маньчжурская, корейская, монгольская и ханьская музыкальные традиции, находящиеся под влиянием процессов урбанизации и культурной унификации. Актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления формирующейся

в регионе целостной системы поддержки «живого наследия» (living heritage), под которым понимается не консервация, а динамичное воспроизводство традиции через адаптацию к новым социальным, технологическим и экономическим условиям [6, с. 110]. Целью данной статьи является анализ компонентов и механизмов этой формирующейся системы на основе изучения нормативных актов, полевых исследований, цифровых стратегий и проектов культурного развития. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявление правовых и институциональных основ регулирования музыкального наследия; анализ методологии его изучения и фиксации; оценка стратегий цифровизации и интеграции в сферы туризма и образования; рассмотрение специфики работы с сакральными формами и практиками творческой интерпретации. Методологическую основу исследования составляют системный и междисциплинарный анализ, позволяющий рассмотреть право-

¹ Название проекта: Программы «Пятилетка-15» науки об образовании провинции Цзилинь (2025 г.). «Исследование преемственности и инновационного развития ресурсов народной музыкальной культуры провинции Цзилинь» Регистрационный номер проекта: GH25729

вые, культурологические и социокультурные аспекты проблемы в единстве. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении формирующейся региональной модели сохранения наследия через синтез данных из нормативных документов, научных публикаций и описаний конкретных практик. Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования выявленных закономерностей и проблем для разработки аналогичных систем в других полиэтничных регионах, а также для оптимизации культурной политики в сфере сохранения нематериального наследия.

Правовые и институциональные основы регулирования музыкального наследия

Правовой фундамент системы наследия закладывается на национальном уровне, создавая общее поле для региональных инициатив. Как отмечает Б.Б. Борисов, хотя термин «музыкальная культура» (音乐文化, *yīnyuè wénhuà*) прямо не дефинирован в китайском законодательстве, его регулирование осуществляется через совокупность конституционных норм, гарантирующих свободу творчества и защиту этнических традиций, и специализированных законов [1, с. 236]. Ключевым является Закон КНР о нематериальном культурном наследии (《中华人民共和国非物质文化遗产法》), который относит традиционную музыку, танцы и театр к охраняемым объектам, устанавливая механизмы их идентификации, документирования и поддержки хранителей (*chuánchéng rén*, 传承人) — официально признанных носителей традиции [4]. Конституционные положения, гарантирующие «свободу использования и развития национальных языков, письменности, а также сохранения или реформирования традиционных обычаев» [1, с. 236], создают базис для защиты, в том числе, музыкальных практик этнических групп. В провинции Цзилинь этот правовой каркас наполняется конкретным содержанием через включение локальных музыкальных форм в Реестр объектов нематериального культурного наследия провинциального и национального уровня. Так, музыка корейской дудки тунсяо (*tongxiao*, 洞箫) была включена во второй национальный список в 2008 году, а такие явления, как маньчжурские шаманские священные песни Ула (*wula*, 乌拉) и музыка танца с барабанами уланьских ханьских войск восьмизнаменной системы Чэнь Ханьцзюньцисян (*Chen Hanjun Qixiang*, 陈汉军旗香), фигурируют в провинциальных реестрах [13, с. 60]. Государственные программы, такие как «План развития культуры и туризма на 14-ю пятилетку (2021–2025)», подчеркивают роль наследия в укреплении «мягкой силы» и национальной идентичности, интегрируя вопросы его сохранения в макростратегию развития. Таким образом, правовое регулирование создаёт необходимые институциональные рамки и легитимизирует статус музыкальных практик как объектов

государственной защиты. Однако, как справедливо подчёркивает исследователь, эффективная реализация этих норм на местах требует их интерпретации через более широкие категории культуры и образования, а также развития подзаконных актов, регулирующих, например, финансирование экспедиций или авторские права на расшифровки [1, с. 238].

Научно-исследовательская деятельность и экспедиционная работа как основа документирования

Важнейшим элементом построения системы, обеспечивающим её фактическим содержанием, является научно-исследовательская и собирательская деятельность, основу которой составляют музыкально-этнографические экспедиции. Этот процесс служит связующим звеном между живой традицией и системой её последующей архивации, изучения и трансляции. Как показывает опыт кафедры народной музыки Мордовского государственного университета и других вузов, такие экспедиции решают двоякую задачу: научной фиксации исчезающих образцов и педагогического погружения студентов в среду бытования традиции, что формирует «навыки творчества в рамках традиции» [5, с. 70; 8, с. 25]. В контексте Цзилиня полевые исследования приобретают особую актуальность, учитывая стремительное старение основных носителей маньчжурского и корейского фольклора. Методология экспедиционной работы эволюционирует от простой аудиозаписи к комплексной цифровой фиксации, включающей многоканальный звук, видео высокой чёткости и метаданные о контексте исполнения. Опыт российских коллег, таких как руководитель фольклорной практики Нижегородской консерватории А.В. Харлов, демонстрирует передовые подходы: использование многоканальной записи и специализированного программного обеспечения для создания «темповых карт», что позволяет максимально точно зафиксировать импровизационную природу и микроритмические *puances* народного исполнения [5, с. 72]. Подобные высокотехнологичные методы пока не стали повсеместной нормой в регионе Цзилинь, однако осознание их необходимости, как и острой проблемы хранения, оцифровки и каталогизации архивных записей прошлых лет (включая уникальные коллекции на восковых валиках), уже присутствует в профессиональной среде. Организационные трудности, в первую очередь финансовые, часто преодолеваются через участие в грантовых конкурсах, что, однако, не обеспечивает системности работы. Следовательно, развитие этого компонента системы требует не только технологического оснащения, но и стабильного бюджетного планирования, а также подготовки кадров, владеющих современными методами полевого исследования (*field research*).

Цифровизация как стратегическое направление модернизации системы

Цифровизация выступает стержневым направлением модернизации всей системы сохранения наследия, трансформируя способы его фиксации, хранения, изучения и презентации. Е.Д. Жабко определяет её как деятельность по переводу объектов, уже зафиксированных на материальных носителях, в электронную среду с целью их актуализации и широкой трансляции [3, с. 24]. Для народной музыки Цзилина реализация цифровой стратегии предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач. Во-первых, это создание централизованных цифровых репозиториях и баз данных, объединяющих разрозненные аудио-, видео-, нотные и текстовые материалы из архивов вузов, музеев и научных институтов. Во-вторых, как предлагают Ли Дань, Сюэ Фэнпин и Цуй Юэяо, разработка специализированных образовательных онлайн-ресурсов, например, интерактивных курсов по обучению игре на тунсяо или маньчжурскому горловому пению, что способствует подготовке новых кадров и преодолению географических барьеров в передаче мастерства [9, с. 41]. В-третьих, использование технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) для создания иммерсивных культурно-туристических продуктов, таких как виртуальные реконструкции шаманских обрядов или интерактивные экспозиции в музеях. Преимущества цифровых методов, как отмечают Тэн Ичжу и Лю Ин, носят фундаментальный характер: они обеспечивают аутентичность и неизменность цифровой копии, долговечность хранения, возможность неограниченной репликации без ухудшения качества, а также обеспечивают интерактивный и дистанционный доступ для исследователей и широкой публики [11, с. 169]. Однако эффективность цифровизации напрямую зависит от двух факторов: качества первичной полевой фиксации, о которой шла речь выше, и наличия скоординированной межведомственной политики, устанавливающей единые технические стандарты и протоколы описания. Отсутствие таких стандартов может привести к созданию несовместимых цифровых «островов», что остаётся сложной практической задачей, требующей регуляторного вмешательства на провинциальном уровне.

Интеграция в туристическую и образовательную сферы: механизмы обеспечения жизнеспособности

Интеграция музыкального наследия в сферы туризма и образования представляет собой ключевой социально-экономический механизм обеспечения его «жизнеспособности» и устойчивости. Культурные стратегии северо-восточных провинций Китая, как анализируют Л.В. Лбова, Люй Шуаншун и Ли Сюечань, сознательно делают акцент на использовании наследия для формирования уникальной региональной идентичности и

развития экономики, следуя установке «рационального использования» [7, с. 56]. В Цзилине это выражается в создании крупных тематических событий, таких как Международный фестиваль инея и снега, где народная музыка становится неотъемлемой частью зрелищного действия, и в организации этнографических деревень-музеев (например, посёлок Улацзе), где реконструируются обрядовые действия для туристов. Гао Сючжу подчёркивает симбиотическую связь между маньчжурской музыкой и туристической индустрией: аутентичное музыкальное искусство повышает культурную привлекательность и глубину восприятия дестинации, а устойчивый туристический поток, в свою очередь, создаёт экономические стимулы, рабочие места и заинтересованную аудиторию для бытования традиции [2, с. 86]. Показателен пример масштабной музыкально-танцевальной постановки «Маньчжурская мелодия, чистый ветер», которая служит одновременно высокохудожественным продуктом, инструментом патриотического воспитания и эффективным средством продвижения культурного бренда региона. Образовательное направление системы реализуется через формальное и неформальное обучение. Концепция «живой музыки», предложенная М.А. Левченко, предполагает не пассивное изучение нотных текстов, а активное, действенное вовлечение учащихся в воссоздание целостного контекста исполнения — обряда, праздника, игровой ситуации, что является «способом «оживления» исторической памяти» [8, с. 201, 205]. Это созвучно китайской практике интеграции знаний о нематериальном наследии в учебные программы школ и вузов, закреплённой в государственных планах. В вузах провинции, таких как Бэйхуаский университет, ведётся профессиональная подготовка музыкантов-исполнителей и исследователей, а в школах районов компактного проживания корейцев или маньчжуров вводятся факультативные уроки по изучению детских песенок или игре на народных инструментах. Таким образом, образование становится основным социальным каналом трансляции традиции между поколениями, формируя не только специальные исполнительские навыки, но и ценностное, эмоциональное отношение к наследию как части собственной идентичности.

Специфика работы с сакральными формами и практики творческой интерпретации

Отдельного концептуального и методического внимания заслуживает специфика работы с сакральными и обрядовыми музыкальными формами, которые составляют значительный пласт наследия Цзилина, в частности, шаманские традиции маньчжуров. Ли Хуэй указывает, что шаманская культура, будучи включённой в реестры наследия, подвергается сложному, амбивалентному процессу музеефикации, адаптации и презентации для туристического и образовательного показа [10, с. 92]. С одной стороны, это способствует её физическо-

му сохранению, документации и популяризации, как в случае с ритуалами семьи Чжан в Улацзе, ставшими объектом показа, или созданием специализированных музеев и парков (Шаманский парк счастья Лунвань в Чанчуне). С другой стороны, возникает неизбежный риск десакрализации, упрощения и превращения глубокого ритуала в театрализованное шоу, ориентированное на внешний эффект. Построение этически и культурно сбалансированной системы требует выработки деликатных подходов, учитывающих мнение и интересы самих хранителей традиции (*chuánchéng rén*) и необходимость сохранения внутреннего, смыслового и духовного ядра практики при её внешней репрезентации. Важным элементарным ресурсом для актуализации наследия без прямого вторжения в сакральные формы является его творческая интерпретация и синтез с современными художественными направлениями. Хань Липинь и Чжан Минци исследуют, как элементы ледяно-снежной культуры Цзилиня — эстетика инея, динамика горных лыж, созерцательность зимних пейзажей — находят отражение в новых музыкальных произведениях, от симфонических поэм и камерных сочинений до театральных саундтреков и электронной музыки [12, с. 98]. Такое художественное переосмысление, основанное на глубоком знании фольклорного материала, не только расширяет аудиторию, но и позволяет традиционным мелодическим, ладовым и ритмическим моделям обрести новую звуковую форму и семантику, оставаясь при этом узнаваемыми носителями регионального культурного кода. Этот процесс способствует формированию «звукового ландшафта» региона, обогащая его современную культурную палитру.

Заключение

Проведённый анализ позволяет заключить, что система живого наследия народной музыки провинции Цзилинь представляет собой динамично развивающийся комплекс, архитектура которого складывается из нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов. Во-первых, это проработанная правовая база, опирающаяся на национальное законодательство и конкретизированная на региональном уровне через реестры и программы, что создает институциональные

рамки для деятельности. Во-вторых, научно-исследовательский комплекс, основанный на экспедиционной работе, который является источником актуального эмпирического материала и постепенно осваивает современные цифровые методы фиксации для обеспечения аутентичности и детальности документирования. В-третьих, стратегическая цифровизация как сквозной процесс, трансформирующий все этапы работы с наследием — от архивации до презентации, — хотя её полная реализация сдерживается необходимостью выработки единых стандартов и преодоления технологического неравенства. В-четвертых, действенные механизмы интеграции в туристическую и образовательную сферы, обеспечивающие экономическую устойчивость, социальную востребованность и межпоколенческую преемственность традиции. Наконец, формируются подходы к работе со специфическими, в том числе сакральными, формами наследия и практикам его творческой интерпретации, направленные на баланс между сохранением аутентичности и адаптацией к современному контексту.

Основными вызовами для дальнейшего развития системы остаются проблемы кадрового обеспечения, связанные со старением основных носителей традиций и необходимостью подготовки квалифицированных исследователей и педагогов; риск фольклоризации и коммерциализации сакральных практик; а также потребность в более тесной координации и сетевом взаимодействии между академическими институтами, органами управления культурой, образовательными учреждениями и самими сообществами-носителями. Дальнейшая оптимизация системы видится в углублении междисциплинарных исследований, создании единой региональной цифровой платформы, агрегирующей музыкальные ресурсы Цзилиня, и выработке более тонких, этически выверенных механизмов поддержки подлинного, а не сугубо репрезентативного бытования музыкальных традиций. Успешный опыт Цзилиня, несмотря на существующие трудности, представляет собой ценный кейс для других полиэтничных регионов, стремящихся к гармоничному сочетанию сохранения уникального культурного многообразия с инновационным социально-экономическим развитием в условиях глобализирующегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Б.Б. Некоторые аспекты правового регулирования музыкальной культуры в Китайской Народной Республике // Культура мира. — 2025. — Т. 13. — № 4(47). — С. 236-243.
2. Гао Сючжу. Краткий анализ взаимодействия и развития маньчжурской музыки и туристической индустрии в регионе Цзилинь // Фуцзяньский чай. — 2019. — Т. 41. — № 9. — С. 86.
3. Жабко Е.Д. Сохранение нематериального этнокультурного наследия в электронной среде // Библиосфера. — 2024. — № 2. — С. 22-33.
4. Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gov.cn/flfg/2011-02/25/content_1857449.htm (дата обращения: 30.01.2026).

5. Исаева С.А. Этнографические экспедиции вузов в контексте изучения народной музыкальной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2024. — № 2(59). — С. 69-75.
6. Каменец А.В., Иванова Е.Ю. Основные проектные стратегии сохранения и использования культурного наследия // Культура и цивилизация. — 2020. — Т. 10. — № 1-1. — С. 109-116.
7. Лбова Л.В., Люй Ш., Ли С. Современные практики и стратегии сохранения нематериального культурного наследия в северо-восточном Китае // Россия в глобальном мире. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 55-77.
8. Левченко М.А. «Живая музыка» как инструмент актуализации фольклорных традиций в современном образовательном процессе // IX Лазаревские чтения. — 2020. — С. 201.
9. Ли Дань, Сюэ Фэнпин, Цуй Юэяо. Исследование стратегий цифрового сохранения и передачи музыки корейской дудки тунсяо в провинции Цзилинь // Новая культура Чу. — 2025. — № 21. — С. 40-42.
10. Ли Х. Шаманская культура народов северо-восточного Китая как часть нематериального культурного наследия Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая: докл. двух междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск, 12 мая 2018 года – 18 мая 2020 года / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. — Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2020. — Вып. 13. — С. 91-97.
11. Тэн Ичжу, Лю Ин. Исследование цифровой охраны традиционной музыки провинции Цзилинь // Исследование коммуникативного потенциала. — 2019. — Т. 3. — № 31. — С. 169-170.
12. Хань Липинь, Чжан Минци. Исследование способов выражения элементов ледяно-снежной культуры района Цзилинь в музыкальном творчестве // Журнал Аньшаньского педагогического университета. — 2025. — Т. 27. — № 6. — С. 97-101.
13. Чэнь Цифэн. Современное состояние охраны и значение наследия традиционной музыкальной культуры провинции Цзилинь // Вестник Академии искусств провинции Цзилинь. — 2012. — № 3. — С. 59-61.

© Ся Цзюньвэй (100583109@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТВОРЧЕСКАЯ СВОБОДА В КУЛЬТУРЕ: ИДЕИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Фаттахов Рифат Ахметович,

кандидат философских наук, профессор,
Казанский государственный институт культуры
riffat-66@mail.ru

CREATIVE FREEDOM IN CULTURE: THE IDEAS OF CLASSICAL PHILOSOPHY

R. Fattakhov

Summary: The article examines the philosophical foundations of creative freedom in art and culture. This subject of research is inextricably linked with the philosophy of human freedom, while we compared our reflections with the ideas of the most significant thinkers of the two thousand-year history of European classical philosophy. Of course, artistic creativity forms its own trajectory for the development of personal freedom of a writer or musician, but the author is interested in its assessment by a professional philosopher; it is also important to understand the role and place of such a story with other aspects of the development of society. The methodological impetus of our article is given by the philosophical concept of freedom in general. The classical philosophical tradition articulates freedom as freedom of will. Its origins date back to antiquity. The Homeric epic reveals the following meaning: "a free man is one who acts without compulsion, by virtue of his own nature." The power of nature can manifest itself in overcoming fate, elevating a person to God. In the article, our subject is creative freedom, or rather, freedom in culture and art.

Keywords: creative freedom of the artist, human freedom, freedom of will, goal-setting, genius.

Аннотация: В статье рассмотрены философские обоснования творческой свободы в искусстве и культуре. Такой предмет исследования неразрывно связан с философией человеческой свободы, при этом мы сопоставляли наши размышления с идеями наиболее значительных мыслителей двух тысячелетней истории европейской классической философии. Разумеется, у художественного творчества формируется своя траектория развития личностной свободы писателя или музыканта, но автора интересует ее оценка профессиональным философом; важно также уяснить роль и место такой истории с другими аспектами развития социума.

Методологический толчок нашей статье дает философское понятие вообще свободы. Классическая философская традиция артикулирует свободу как свободу воли. Ее истоки идут с античности. В гомеровском эпосе обнаруживается следующий смысл – «свободный человек тот, кто действует без принуждения, в силу собственной природы». Сила природы может проявляться в преодолении судьбы, возвышая человека до бога. В статье нашим предметом является творческая свобода, а точнее, свобода в культуре и искусстве.

Ключевые слова: творческая свобода художника, свобода человека, свобода воли, целеполагание, гений.

Обращаясь к той же античности, можно заметить, что культурософские воззрения античности – Сократа, Платона, Демокрита, Аристотеля и других не ограничивались общим разбором категории прекрасного, их интересовали и социальная сторона эстетического, поднимались вопросы взаимодействия искусства и общества, культуры и государства.

Сократа волнует человек лишь со стороны его практической деятельности, поведения, нравственности и он подходит к искусству с точки зрения его значения для жизни общества [2, с. 23]. По мнению античного просветителя для свободы нужно знание, нужны ясные понятия блага и доблести, следовательно, можно заключать – свобода художника творчество, осознающее эти понятия и действующее на их основе. Осмысливая сущность художественного творчества, Платон вникает в социальную сторону эстетического. «Поступать свободно – значит действовать, ориентируясь на идеал блага, согласуя личные устремления с общественной справедливостью» [1, с. 881]. По мысли Платона в идеальном государстве необходимо обеспечить простор «упорядоченной» Музе,

осуществляя контроль над художественной деятельностью в государстве [3, с. 541].

Демокрит исходит из строго детерминистского толкования свободы и происхождение искусства связывает с определенными социальными потребностями и обстоятельствами – «все искусства порождены с течением времени, потребностями и обстоятельствами» [4, с. 351]. Эпикур, в отличие от Демокрита, который придерживался строгого детерминизма, предполагал возможность случайных отклонений движения атомов. Именно это случайное движение, по его мнению, открывало путь к свободе воли, что особенно актуально для творческой личности. В этом контексте можно вспомнить взгляды Аристотеля, который рассматривал творческий процесс как управляемый определенными нормами и правилами искусства. По его мнению, истинная свобода достигается через нравственное знание и умение, которые формируются благодаря жизненному опыту и служат основой для принятия правильных, добродетельных решений художником. «Мудрость в искусстве, – заявляет Аристотель, – мы признаем за теми, которые наиболее

точные в своем искусстве, например, Фидия мы признаем мудрым скульптором и Поликлита мудрым ваятелем, выражая этим то, что мудрость есть не что иное, как совершенство [добродетель] в искусстве» [5, с. 76].

В эпоху Средневековья культурная сфера была глубоко пронизана теологическими идеями, характеризовалась абстрактностью и склонностью к спекулятивному мышлению, а также имела отчетливо выраженный схоластический оттенок. Главным постулатом тогдашнего мировоззрения было убеждение, что человек находит свое истинное предназначение лишь в гармонии с божественным промыслом. Свобода воли проявлялась в осознанном и рациональном выборе целей и способов достижения добра, однако само добро могло быть реализовано исключительно через божественную благодать. В связи с этим церковь оказывала непосредственное влияние на формирование положительных начал в искусстве. Следовательно, в рамках историко-философского осмысления свободы подчеркивается не только субъективный аспект человеческой деятельности, связанный с постановкой целей, но и объективный, включающий практическую реализацию этих целей через конкретные действия [1, с. 880]. Отсюда и вывод отцов церкви: наука, и вся культура, должна стать «служанкой богословия» [2, с. 50]. В античной философии свобода творчества рассматривается через призму конкретных социальных нужд и условий, которые ограничивают её объективные и материальные аспекты. Напротив, теологический подход ставит богословие в центр художественного творчества, признавая его главным фактором, определяющим творчество.

В эпоху Возрождения представления о свободе воли претерпевают значительные изменения: теперь свобода понимается как способность действовать и принимать решения без внешних навязанных целей, что кардинально меняет её смысл и роль. Характеризуя эпоху Возрождения, Энгельс писал: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными» [6, с. 247]. Появление новой гуманистической идеи человека стало вызовом церковному владычеству, стремясь освободить общество от ее влияния в духовной, экономической и политической сферах. Гуманисты прославляли человеческую личность, выражали веру в ее безграничные возможности и творческие потенции в культуре, искусстве, архитектуре. По мнению Рабле, ограничение лишь одно: «Делай, что хочешь» [7, с. 154]. Человек, по мнению гуманистов, не нуждается во внешнем ограничении и какой-либо узде: он обладает внутренней гармонией и мерой, и мера эта - мера титанов.

При этой абсолютной личностной творческой свободе, художественная культура считалась возникшей из запросов практики и признана была решать практические задачи.

XVII век в Европе означал победу принципа универсальной регламентации во всех сферах жизни и подавление личной инициативы и свободы индивида. Художник мыслится уже не как свободное существо, что характерно для ренессансного мировоззрения, а подчиненное чуждым ему нормам и правилам, ограниченное неподвластными ему силами. Таковыми могли предстать априорные законы рассудка. При всех недостатках философия классицизма все же была шагом вперед в художественном развитии человечества.

Ставя разум на пьедестал верховного судьи в области художественного творчества, классицисты тем самым наносили сокрушительный удар феодальной анархии, феодально-религиозной авторитарности в теории и практике искусства. Просветители XVI-XVIII веков не считали, что необходимы насильственные методы для уничтожения «неразумных» общественных порядков. Они полагали, что преобразование общества должно быть осуществлено путем распространения передовых идей, посредством борьбы с невежеством, религиозным дурманом, средневековой псевдонаукой, с антигуманной феодальной моралью, с искусством и эстетикой, которые отвечали запросам феодально-верхушечных слоев, прежде всего абсолютистского государства. Особое внимание уделялось критике феодальной морали, которая не учитывала гуманистические ценности, а также искусству и эстетике, созданным в интересах правящих классов и абсолютистской власти. Только через преодоление этих устоев можно было добиться подлинных социальных преобразований. Такое нацеленное творчество мы фиксируем в произведениях Пушкина-романтика, основными компонентами их фабулы становятся «герой и среда: герой – человек цивилизованного общества – показан в поисках абстрактного идеала свободы и счастья в новом для себя окружении; среда преподносится в двух аспектах: цивилизация, не удовлетворяющая героя и враждебная ему, и экзотическое окружение, которое родственно порывам мятежной и разочарованной души» [8, с. 377].

«Отсутствие внешнего целеполагания еще не есть гарант подлинной свободы, ибо не снимает связанности деятельности с условиями ее протекания. Понимание последних в качестве объективных задает традицию усеченного понимания свободы: от фатализма в его как иррационалистических (типа астрологии), так и рационалистической (Локк, Спиноза, Лаплас) трактовках...» [1, с. 880]. Джон Локк, которого К. Маркс называл «отцом свободомыслия», выстроил свою философию, исходя из специфического понимания человеческой природы. В отличие от Гоббса, считавшего все поступки человека об-

условленными внешними воздействиями, он поддерживает Жан Жака Руссо, считавшего человеческую свободу умением быть господином самому себе, действовать по собственной воле, неограниченно действовать по данному природой индивиду разуму [9, с. 66]. Для Локка идеальный человек проявляет такие прагматичные качества, как рассудительность, самообладание, расчетливость и стремление к накоплению материального благосостояния. В то же время, творческая личность в науке и культуре должна обладать наибольшей степенью свободы, ограниченной лишь природными способностями.

В размышлениях о творческой свободе художника невозможно обойти внимание к идеям Иммануила Канта. Он подчеркивал важное различие между искусством и ремеслом: искусство представляет собой свободную деятельность, тогда как ремесло — это занятие, связанное с наемным трудом и целью заработка. Искусство воспринимается как игра, деятельность, которая ценна сама по себе и приносит удовольствие. На ремесло смотрят как на работу, т.е. на занятие, которое само по себе неприятно (обременительно), заманчиво только по своему результату (например, заработку) и для кого-то является принудительным [10, с. 319].

Идея Канта, утверждающая, что творческая свобода существует преимущественно в искусстве, соответствует исторической реальности. В условиях капиталистического общества человеческий труд часто превращается в процесс отчуждения важных внутренних способностей личности. Однако именно через художественное выражение человек получает возможность сохранить определённую степень свободы в познании и преобразовании мира. Хотя по Канту искусство и не имеет цели, «но все-таки содействует культуре способностей души для общения между людьми» [10, с. 322]. Пожалуй, это единственное общественное значение искусства.

Кант утверждал, что искусство проявляется закономерным образом, хотя и не подчиняется никаким установленным законам, и действует целенаправленно, несмотря на отсутствие чёткой цели. В европейской культурной традиции свобода, особенно свобода воли, занимает центральное место. Искусство регулируется внутренним законом, который задаёт природа самого творца — его духовная одарённость, именуемая гением. Именно гений художника выступает источником творческих правил и норм, делая художественное произведение результатом уникального вдохновения. Искусство неразрывно связано с присутствием гения, ведь именно он наделён способностью создавать новые принципы, являясь воплощением абсолютной оригинальности и творчества. В отличие от знаний, которые можно передать и изучить, как, например, законы Ньютона, вдохновение и творческая сила гения невозможно приобрести путём обучения. Никакой «Гомер или Виланд не может

показать, как появляются и соединяются в его голове полные фантазии и вместе с тем богатые мыслями идеи» [10, с. 325].

Индивидуум может иметь не меньшую, а порой и большую значимость, чем само общество. Уникальность человека в первую очередь проявляется через его эмоциональный мир. Важно противопоставлять холодному рассудку огонь чувств, а вместо строгой логики — пылкий энтузиазм; вдохновение должно заменить механический труд. Гений — это высшее проявление личности, для которого общие моральные нормы не имеют силы. Благодаря своему дару он по определению честен, а в творчестве существуют особые принципы, отличные от повседневных правил, применимых за пределами искусства. Темперамент, личностные особенности и переживания — вот единственные ориентиры для гения. Полностью освобожденный от внешних ограничений, он творит, руководствуясь лишь своей фантазией, которая, как считают романтики, является главным источником поэтического вдохновения [10, с. 4].

Шиллер уделял большое внимание свободе в эстетическом творчестве, но его подход был менее детальным и системным по сравнению с Кантом. При этом он намеренно связывал вопросы искусства с ключевыми вызовами своего времени, рассматривая культурное творчество как отражение значимых общественных проблем «...Обстоятельства времени так настойчиво призывают философскую пытливость заняться самым совершенным из произведений искусства, а именно, построением истинной политической свободы» [10, с. 168]. Гете придавал ключевое значение эстетическим категориям, тесно переплетая их с главными проблемами своего времени. Он настойчиво утверждал, что искусство невозможно отделить от экономических и социально-политических процессов, влияющих на общество. По его убеждению, талант формируется под воздействием внешних факторов, а не существует изолированно: именно условия среды задают рамки для вдохновения и свободы творчества. Таким образом, значимые социальные обстоятельства становятся источником творческого порыва. «Почему мы так редко создаем эпиграмму в греческом духе? Потому, что мы видим мало вещей, заслуживающих этого. Почему нам так редко удается эпическое? Потому что у нас нет слушателей. А почему так велико стремление к театральным работам? Потому, что драма является у нас единственно обаятельным родом поэзии, от которого можно ожидать определенного наслаждения в настоящем» [11, с. 247].

Г.Ф. Гегель сыграл ключевую роль в формировании философско-культурологических взглядов, особенно в области искусства. Его философия искусства достигает вершины классической немецкой мысли, представляя художественное творчество как динамичный диалекти-

ческий процесс. Этому процессу подчинено и обретение человеческой свободы вообще, и творческой свободы художника. Ее конкретизация вплетена в концепцию художественного воспитания Гегеля. Дело в том, что в общей воспитательной работе огромное значение имеют не только идеи просвещения, но и «непозитивная», «народная религия», ибо она идет рука об руку со свободой. «Народная религия» обращается к широким народным массам и формирует их гражданские чувства, используя при этом художественные средства, искусство. Для этого наиболее подходящим, по Гегелю, является античное искусство, взращенное в условиях политической свободы. Это - искусство красоты, меры, гармонии; оно прямо противоположно трансцендентному искусству восточных и христианских народов, которые, по мнению Гегеля, не создали ни одного прекрасного образа ни в живописи, ни в поэзии, ни в скульптуре.

Следует отметить, что зрелый Гегель связывал расцвет искусства с наличием демократического общества. По его мнению, именно демократический строй предоставляет наибольшие возможности для формирования сильных политических личностей. Он подчеркивал, что такой порядок не только разрешает людям проявлять свои таланты, но и активно стимулирует их к этому. Хотя в его высказывании прямо не упоминаются художники или литераторы, подразумевается развитие любой индивидуальности и деятельность, полезная для общества, куда, безусловно, входит и искусство.

В своей теории о трех этапах развития искусства и появлении «свободного» искусства Гегель использует диалектический подход. Он считает, что наиболее плодотворным временем для художественного творчества был период античности, который он называет «веком героев». Современное же состояние определяется как прозаическое и малоподходящее для искусства. Гегель далее рассматривает ситуацию, главные части содержания искусства - коллизии, характеры - в процессе их исторического развития, как отражающие различные ступени развития человеческой истории.

Изменение художественного направления не происходит путем простого накопления, а представляет собой резкий скачок. Так, например, восточное искусство сменилось древнегреческим, а затем древнегреческое уступило место современному и романтическому направлениям. Хотя этот процесс развития творческого потенциала абсолютного разума в искусстве движется вперед, он сопровождается внутренними противоречиями и напряжёнными переходами.

Гегель внес значительный вклад в методологию социального познания, применяя принцип противоречия к изучению искусства. Он связывал развитие художественной культуры с общественно-историческими

процессами, подчеркивая, что разные эпохи создают либо благоприятные, либо неблагоприятные условия для творчества. В искусстве находится неисчерпаемый источник тем, идей и конфликтов, черпаемых из разнообразных форм материальной и духовной жизни, что воплощает творческую свободу. Однако в обществах с устоявшимися политическими и правовыми системами индивидум часто теряет свободу действий и инициативу. «Субстанциальность, – пишет Гегель, – теперь уже не представляет собою лишь особого достоинства того или иного индивида, а существует сама для себя и развита всеобщим и необходимым образом во всех своих сторонах до мельчайших деталей. Какие бы правовые, нравственные, закономерные поступки ни совершали отдельные лица в интересах и в ходе развития целого, их воля и достижения, как и они сами, остаются всегда чем-то незначительным, всего лишь частным примером по сравнению с целым. Их поступки реализуют единичный случай как нечто совершенно частное, а не как всеобщее в том смысле, что данный поступок или случай благодаря этому стал бы законом или выступал бы в явлении как закон» [13, с. 192].

Вопрос о том, как художник может достичь творческой независимости в обществе, был ключевым в идеях французских романтиков XIX века, таких как Гюго, Жорж Сант, Сен-Симон и Фурье. Главной целью для них являлось освобождение искусства от жестких правил и канонов. Искусство должно подчиняться лишь внутренним импульсам самого творца, а не внешним нормам или скуке, которая действует как своего рода жандарм. Гений, по их мнению, творит спонтанно и свободно, что ведет к формированию романтического индивидуализма. Яркий пример этого — герои лермонтовских поэм «Ангел смерти» и «Демон», чья социальная активность проявляется через протест против ограничивающих свободу законов и сдерживающих развитие личности рамок. Несмотря на сложность их художественного образа, в этих персонажах отчетливо звучит борьба за свободу чувств и самовыражения [8, с. 383]. Поэты, согласно Шелли – это законодатели и творцы гражданского общества, учителя и наставники людей, провидцы будущего. «Они, – писал поэт, – создатели законов, основатели общества, изобретатели ремесел и наставники» [8, с. 320]. Творческая свобода проявляется у художников не только в стихах, но и в фантазийных и сатирических произведениях. В частности, восхищение вызывает сатирическая аллегория, созданная Джонатаном Свифтом — выдающимся деятелем английской литературы, автором знаменитого «Путешествия Гулливера». «Облеченная в фантастическую форму» сатира «глубоко реалистична, рациональна, отражает противоречия и пороки реальной жизни» [8, с. 265].

В завершение статьи хочется выделить ключевые обобщения и выводы. В европейской философии, уходя-

щей корнями в античность, понятие свободы человека традиционно связано с возможностью действовать без внешнего принуждения, исходя из собственной природной и социальной сущности. Однако историко-философская перспектива расширяет это понимание, рассматривая свободу не только как способность ставить цели (субъектный аспект деятельности), но и как возможность их осуществления (объективно-предметный аспект). В данном контексте важную роль играют социальные факторы — такие как благо, справедливость и моральные нормы, а также следование определённым правилам и канонам, что особенно заметно в сфере искусства.

В Средние века в рамках историко-философского взгляда на свободу творчества центральное место занимала объективная и предметная сторона художественного процесса — акцент делался на реализацию заранее заданных целей. В теологической культуре того времени творческий акт понимался как проявление божественной благодати, что приводило к признанию богословия главным и абсолютным фактором, определяющим искус-

ство.

Совсем иная ситуация наблюдалась в эпоху Ренессанса, когда свобода творчества достигла своего пика благодаря практически полному отсутствию внешних ограничений и навязываемых целей. Гуманистические идеи, провозглашающие необходимость освобождения человека от господства церкви в общественной, политической и духовной сферах, создали условия для того, чтобы художники могли свободно раскрывать и развивать свои таланты и творческие возможности.

Крайности Средневековья и эпохи Возрождения в толковании творческой свободы стабилизируют ее траекторию в более узком диапазоне между субъективной составляющей художественной деятельности и объективно-предметном детерминанте этой деятельности. При просторе целеполаганию реализация этого целеполагания имели свои границы. Всесилие человеческого разума ограничивалось как ее природными или априорными пределами, так и объективными обстоятельствами общественно-исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1280 с. — (Мир энциклопедий).
2. Овсянников М.Ф. История эстетической мысли/М.Ф. Овсянников. - М.: Высшая школа. 1978. — 335 с.
3. Платон. Законы/Платон. — М.:Мысль, 1999. — 656 с.
4. Лурье С.Я. Демокрит/С.Я. Лурье. — Л., 1970. — 503 с.
5. Аристотель. Об искусстве поэзии/Аристотель. - М., Гослитиздат, 1957. — 125 с.
6. Маркс К. О литературе. (Сборник)/К. Маркс, Ф. Энгельс. - М., Гослитиздат, 1958. — 317 с.
7. Рабле Франсуа. Сборник/Рабле Франсуа, Гаргантюа и Пантагрюэль. - М., 1961. — 218 с.
8. Основы теории и истории искусств. Музыка. Литература: Учебное пособие/ Под науч.ред. Т.С. Паниотовой.-Спб.:Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2015. 416 с.
9. Ухов А.Е., Ковров Э.Л., Симонян Э.Г. - Проблема свободы в философии Локка: семиотическое прочтение// Философская мысль, № 10. 166 с.
10. Кант. Сочинения. Т. 5./Кант. - М., 1964. — 519 с.
11. Обломовский Д.Д. Французский романтизм/Обломовский Д. Д. - М., 1947. - С.4
12. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 1./Ф. Шиллер. - М., - Л., 1950. — 243 с.
13. Гергель Г.В.Ф. Эстетика. Т. 1./Г.В.Ф. Гергель. - М., 1973. — 233 с.

© Фаттахов Рифат Ахметович (riffat-66@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ САМОВЫРАЖЕНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – ДВЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ТАНЦА

Черепакха Дмитрий Геннадиевич

Аспирант, Луганская государственная Академия
культуры и искусств имени Михаила Матусовского
dmmitriy@yandex.ru

EXISTENTIAL SELF-EXPRESSION AND CULTURAL IDENTITY ARE TWO CHARACTERISTIC FEATURES OF MODERN DANCE

D. Cherepakha

Summary: The relevance of the research is related to the need to consider dance as a means of self-expression of a person and his belonging to a certain national culture, which allows him to identify. The article examines this concept from the standpoint of philosophy, psychology, sociology, and art history. The novelty of the research is related to the definition of the structurality of dance, the identification of its four types and elements that make up cultural identity. The combination of various methods and research approaches allowed us to consider dance as one of the ways of communication and a means of socialization, to determine its value in preserving traditions and their transmission to future generations.

Keywords: dance, self-expression, culture, identity, traditions.

Аннотация: Актуальность исследования связана с необходимостью рассмотрения танца как средства самовыражения личности и его принадлежности к определенной национальной культуре, позволяющей его идентифицировать. В статье это понятие рассмотрено с позиций философии, психологии, социологии, искусствоведения. Новизна исследования связана с определением структурированности танца, выявлением четырех его типов и элементов, из которых состоит культурная идентичность. Сочетание различных методов и исследовательских подходов позволило рассмотреть танец как один из способов коммуникации и средство социализации, определить его ценность в сохранении традиций и их транслирования будущим поколениям.

Ключевые слова: танец, самовыражение, культура, идентичность, традиции.

Введение

В современном искусстве танец становится одним из значимых средств самовыражения человека, благодаря которому внутренний мир танцора доносится до зрителей при помощи движений и эмоций.

Философы утверждают, что экзистенциальное самовыражение помогает внутренней сущности человека обрести внешнее воплощение. Психологи видят в нем поиск личного смысла, а с точки зрения искусствоведов – это осознание и выражение своей уникальной сущности через творчество.

С помощью танцевальных движений их исполнитель старается донести приоритетность ценностей, характерные черты и качества сообщества, которое он представляет, иными словами культурный код нации. В современной науке об искусстве танца эти два понятия рассматриваются отдельно друг от друга.

В танце словно в зеркале отражаются ценности и исторические традиции того или иного региона, что способствует формированию чувства принадлежности к сообществу и становится одним из средств самовыражения и несет в себе признак культурной идентичности.

Понятие идентичности находилось в центре внимания философов (Дж. Локк, Р. Декарт, Тойнби, О. Шпенглер), психологов (З. Фрейд, К. Юнг), социологов (Э. Дюркгейм и др.).

Русские философы связывали культурную идентичность с жизнестойкостью культуры (В.И. Ильин, Н.Я. Данилевский), рассматривали ее как одну из важных жизненных ценностей (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев). Среди современных исследователей следует выделить Н.М. Лебедеву, Е.К. Луговую, Д.Р. Майданскую, К.Л. Япринцеву.

Исследовательская проблема заключается в рассмотрении танца как двустороннего процесса, связанного как со стремлением к экзистенциальному самовыражению, так и обладающего качеством культурной идентичности. Целью исследования становится анализ и взаимодействие этих двух составляющих или характерных черт танца.

Методы и результаты

Сочетание сравнительного подхода с описательным методом, структурно-функционального и синтетически-интерпретационного методов позволило воссоздать обобщающую картину развития современного танца.

Методология исследования дала всестороннее представление о понятии танца как соотношения индивидуального и коллективного, и позволила проследить эволюцию соотношения идентичности и самовыражения в танцевальном искусстве.

Обсуждение

Танец воспринимается на уровне интуиции и по праву обладает таким качеством как универсальность самопроявления, это способ общения, в котором объединены тело и разум. Это вид деятельности, которая одновременно является средством и способом коммуникации и инструментом взаимодействия [8, с. 65], связывая воедино человеческое тело и человеческую психику. Во время танца человек может совершать не только определенные движения, но и неосознанные, следуя динамике самого движения.

Основатель феноменологии, немецкий философ Э. Гуссерль, рассматривая экзистенциальные реалии, писал о том, что «каждое движение тела наполнено душой: приход и уход, стояние и сидение, ходьба и танец и т.д.» [9, с. 252], отсюда возникает слияние в танце, создающее неповторимое эстетическое единство.

В смысловом подтексте танца лежат нравственные правила и традиции общества. Это отчетливо видно на примере мужского и женского танца, отличающихся силой, резкостью или плавностью движений, жестами, костюмами и прочими атрибутами. Каждый танец это некое коллективное историческое повествование, в котором танцор представляет свою индивидуальную историю.

В плане конкретизации танца можно выделить несколько типов:

- 1) *бесконтекстные*, с акцентом на использование атрибуты (танец бхаратанатям);
- 2) *высококонтекстные/многослойные* (танец хула);
- 3) *проводники энергии* (танец дервишей);
- 4) *средство аутотерапии* (танец анкоку буту).

Экзистенциальное самовыражение особенно проявляется в последнем виде, так как «анкоку буту» представляет собой долгий и сложный путь танцора к себе, своему собственному «я». Для его достижения нужно сбросить груз условностей, не заставляя себя следовать правилам и нормам поведения в обществе.

Танец называют языком тела, способным преодолевать барьеры как языковые, так и культурные, и расширяющим понимание тела, искусства и жизни. В этом диалоге танцоры, хореографы и зрители совместно участвуют в формировании его разнообразия и глубины. Поэтому становится все более актуальным изучение тела как средства экзистенциальной самопрезентации.

Танец, выходит за рамки простого физического мастерства или стремления к красоте; он проникает в глубины человеческого существования и опыта [10], благодаря его интуитивному восприятию и пониманию тела как способа существования, средства коммуникации, символа и носителя смысла и ценностей.

Каждый танец создается в соответствии с установленной в обществе системой ценностей, несущем послание новым поколениям. Танец воплощает в себе «мифологические особенности, единство человека с природой, реального и сакрального миров» [5, с. 164]. Передача подлинных, а не наигранно-фальшивых эмоций позволяет установить доверительный контакт со зрительской аудиторией, побуждая ее к размышлениям.

Как справедливо замечает М. Бежар «Пока танец рассматривается как обряд, одновременно сакральный и человеческий, он выполняет свою функцию. Превращенный в забаву, танец перестает существовать» [1, с. 91].

Взаимосвязь индивидуального и коллективного в танце осуществляется не только при помощи тела, но и эмоциональных чувств танцора и опирается на ценности, нормы и опыт поколений. Присутствие танца в качестве неперенной составляющей религиозных культов, народных праздников и культурных событий подтверждает соответствие потребностям, как отдельных людей, так и сообществ.

Культурная идентичность проявляется в любом национальном танце, в его непрекращающемся диалоге с другими видами искусства, например, с музыкой и театром.

Танцевальная лексика в совокупности со средствами художественного выражения позволяют раскрыть перед зрителями все богатство и своеобразие национальной культуры страны. Современный танец характеризуется такими качествами как:

- мощное визуальное воздействие, в том числе при помощи спецэффектов;
- адаптивность самовыражения, в котором тело становится катализатором трансформации.

Парадигма танца заключается в раскрытии внутреннего конфликта человеческой природы, стремящейся обрести язык, который был бы одновременно осязаемым и абстрактным в разрешении противоречивости человеческой души.

Менталитет личности складывается из соотношения в сознании индивида внешнего и внутреннего мира и базируется на его ценностных ориентациях.

Н.М. Лебедева предлагает определить культурную

идентичность как «совокупность идентификаций индивида с определённой культурной общностью, проявляющаяся в системе ценностей, норм поведения, языковых и символических структур» [3, с. 46].

К.Л. Япринцева считает, что понятие культурной идентичности состоит из четырех взаимосвязанных элементов:

- знание (культурная компетентность);
- отношение (единство связи и ограниченности, традиций и инноваций);
- стратегия (выбор путей развития);
- культурная деятельность [7, с. 22-23].

Таким образом, культурная идентичность представляет собой комплексное явление, в котором успешно соединились «эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты, которые обеспечивают чувство принадлежности к этнокультурному сообществу и играют важную роль в развитии личностного и социального «я» [6, с. 96].

Танец является одним из инструментов социализации, влияющим на формирование идентичности и вызывающим эмоциональную вовлечённость зрителей. Это достигается благодаря использованию импровизации и искусству обмена личными историями, что позволяет достичь материализации культурной уникальности в танце.

Своеобразие своего народа и этноса артисты доносят с помощью образов. Так для армянских танцев характерно почитание традиций, а для казачьих – яркая демонстрация боевого духа.

Формирование того или иного танцевального стиля включает в себя: «замысел художника, поиск им фактуры произведения и ее обработку, политические требования момента, социальные запросы потребителей» [4, с. 24].

В процессе сохранения культурной идентичности

большая роль отводится народному танцу, который называют «архивом национальной культуры». Он несет в себе двойственную функцию:

- является формой художественной деятельности;
- выступает в качестве механизма социализации.

Без него невозможно сформировать культурную тождественность своей стране и осуществлять трансляцию нематериальных ценностей, так как в условиях «взаимопроникновения культур все острее заявляет о себе проблема самоидентификации нации, народа и личности» [5, с. 162].

С одной стороны, танец – это духовная практика, которая предоставляет свободу выбора и дает возможность обрести чувство гармонии и свободы. Свобода – ключевой элемент экзистенциализма, помогает с помощью танца выразить мысли, чувства, эмоции. С другой стороны, в современных условиях глобализации и цифровизации именно танцевальное искусство является «эффективным способом сохранения культурной идентичности и укрепления межкультурных связей» [2, с. 49].

Заключение

В ходе проведенного исследования автором осуществлен подход к пониманию танца как двойственного явления, несущего объединительную и индивидуализирующую функции. Первая дает возможность экзистенциального самовыражения личности и ее взаимосвязи с миром. Вторая, с точки зрения культурной идентичности, выполняет когнитивную, аксиологическую, аффективную и защитную роль. Таким образом, происходит процесс осознания себя не просто как личности, а отождествляющей свою персону с определенной группой, обществом на основе общего исторического прошлого. Таким образом, танец, обладая универсальностью выполняет несколько важнейших функций в жизни общества. Он является средством коммуникации и социализации личности, носителем эстетического единства и межпоколенческих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бежар М. Мгновение в жизни другого. Мемуары. М.: Союзтеатр СТД СССР, 1986. 296 с.
2. Васильева М.А., Трухачева Л.А., Фаренбрух А.С. Роль и возможности развития танцевального искусства в современном обществе // В сборнике: Физическая культура, спорт и туризм в высшем образовании. Сборник материалов XXXVI Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых, профессорско-преподавательского состава. Ростов-на-Дону, 2025. С. 48-50.
3. Лебедева Н.М. Культурная идентичность: сущность, структура, типология // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Психология. 2004. № 2. С. 46-52.
4. Лободанов А.П. Взаимопроникновение и взаимодействие философских, семиотических и психологических составляющих в изобразительном искусстве XX века // Теория и история искусства. Вып. 1/2. М.: БОС, 2019. С. 10-26.
5. Луговая Е.К. Роль традиционных танцев в сохранении культурной идентичности // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2015. № 4 (39). С. 162-166.

6. Майданская Д.Р. Формирование культурной идентичности через изучение народных танцев и этнических хореографических стилей // Наука в жизни человека. 2025. № 2. с. 94-103.
7. Япринцева К.Л. Феномен культурной идентичности в пространстве культуры. Автореферат дис. . . канд. культурологи. Челябинск, 2006. 25 с.
8. Wyczkowska-Owczarek D. Dance as a Sign: Discovering the Relation Between Dance Movement and Culture // Kultura i Społeczeństwo. 2019. № 3. P. 63-74.
9. Husserl, E. Ideas Pertaining to Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy: Book 2 (Ideas II), trans., eds. R. Rojcewicz and A. Schuwer. Boston: Kluwer Academic Publishers. 1989, 432 p.
10. Merleau-Ponty, M. The Visible and the Invisible. Northwestern University Press. 1968. 170 p.

© Черепаха Дмитрий Геннадиевич (dmmitriy@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

PSYCHOLOGY OF SUICIDAL BEHAVIOR IN YOUTH: THE IMPACT OF THE INFORMATION FIELD OF SOCIAL MEDIA

R. Ardashev

Summary: This article analyzes the development of suicidal ideation and behavior among young people under the influence of social media. The information field is considered as the basis for virtual influence on the consciousness of young people. The study, conducted with 120 young people who had previously attempted suicide, utilized Z. Korolev's "Your Suicidal Tendencies" test and the author's questionnaire on the influence of the information field of the virtual internet. Our analysis identified three types of youth susceptible to the influence of information about suicide; we identified key characteristics of their perception of the information context; and we also outlined the role and impact of cognitive, affective, and behavioral messages on social media dedicated to suicide. We also drew conclusions about strategies for informational prevention of suicidal behavior with different communities and groups of youth.

Keywords: suicide, psychology of suicidal behavior, youth, information environment, social media.

Ардашев Роман Георгиевич

*доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор, Восточно-Сибирский институт МВД России;
Иркутский государственный университет
ardashevrg@yandex.ru*

Аннотация: В статье проводится анализ формирования суицидального мышления и поведения в молодежной среде под влиянием пространства социальных сетей. Информационное поле рассматривается как основа виртуального воздействия на сознание молодых людей. В качестве методов исследования 120 молодых людей, ранее имевших попытку суицида, применялся тест «Ваши суицидальные наклонности» З. Королева и авторская анкета о влиянии информационного поля виртуального пространства сети интернет. В результате анализа мы смогли выявить три типа молодежи, склонного к воздействию информационного поля о суициде; обозначили ключевые особенности восприятия ими информационного контекста; также обозначили роль и особенности воздействия когнитивных, аффективных и поведенческих сообщений в социальных сетях, посвященных самоубийствам. Сделали выводы о стратегиях информационной профилактики суицидального поведения с разными сообществами и группами молодежи.

Ключевые слова: суицид, психология суицидального поведения, молодежь, информационное поле, социальные сети.

Суицидальное поведение молодежи – острая проблема современности. Это одна из форм, позволяющих фиксировать нарушение социальных и моральных норм общества. Суицидальные попытки или завершённый суицид наносит вред не только самому молодому человеку, но и его друзьям, родителям, педагогам.

На сегодняшний день, Россия в пятерке стран лидеров по суицидам среди подростков и молодежи. Наиболее часто этому деструктивному действию подвергаются молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет. По данным статистики, в этом возрасте на одну смерть приходится более 250 попыток самоубийства и 800 мыслей о самоубийстве [8].

Причинами суицида молодых людей могут быть как внутренние мотивы (непринятия себя), так и сложности в коммуникации со сверстниками или в кругу семьи (буллинг, stalking, стигматизация и т.д.) [3]. Но в последнее время усиливает и еще один аспект внешнего воздействия – это информационное влияние сети Интернет в виде социальных сетей, где в «сообществах смерти»

формируется особая атмосфера притяжения деструктивного контента, провоцирующего молодых людей на мысли, а затем и реальные попытки суицида [4]. Через фото, видео и текстовые сообщения (фильмы, сериалы, музыка, стихи, книги и личное манипулирование администраторов) формируется желание участвовать в данных сообществах, получать поддержку и внимание, подсказку в направлении действий и так далее.

Деструктивный информационный контент влияет на мировоззренческие и ценностные ориентиры молодых людей, заставляя выстраивать свое время таким образом, чтобы как можно больше находится в виртуальном пространстве. Это, в свою очередь, понижает критичность восприятия информации, и деструктивные сообщения которые могут приходиться в виде игр, квестов управляют вниманием и формируют суицидальные мысли как игру и приводят к реальным попыткам суицида или завершённого суициду. Эти данные частично отражены в работах автора [1,2] и других коллег [5,6,7], указывающих на психологическую зависимость молодежи от информационного контента социальных сетей.

Особенности исследования

Целью исследования стало изучение влияния информационного поля социальных сетей на суицидальное поведение молодежи.

Объектом исследования стали молодые люди, имеющие попытки суицида в возрасте от 16 до 20 лет, 55% девушек и 45% юношей, проживающих в разных регионах Российской Федерации. Для исследования респонденты отбирались через открытую информацию о совершенных попытках суицида, выложенную на их страницах в социальных сетях, не менее года назад. После их согласия – им присылалась анкета. Всего приняло участие 250 человек.

Методикой исследования стал тест «Ваши суицидальные наклонности» З. Королева и авторская анкета о влиянии информационного поля виртуального пространства сети интернет. Результаты обрабатывались в программе SPSS.

Анализ результатов исследования и их обсуждение

В результате анализа результатов теста мы выявили три группы молодежи: с низким уровнем склонности к повторному суициду (29%) – молодые люди не закрашивали фигуры, а просто их обвели; со средним уровнем выраженности готовности к суициду (45%) – молодые люди закрашивали не более трех деталей, это указывает на то, что при определенных ситуациях (зачастую сформированных специально через разнообразные информационные каналы сети Интернет и в частности в сообщениях в разных сообществах социальных сетей) – могут привести к повторной попытке суицида; и с высоким уровнем готовности к повторному суициду (26%) – они имеют более трех заштрихованных деталей, образно обозначают фигуры или формы, указывающие хоть и косвенно, на их стрессовое или тревожное состояние, которое может подтолкнуть их к суициду.

Молодые люди с низким уровнем склонности к суициду отмечают то, что они знают о «сообществах смерти»

Таблица 1.

Сравнение информационного контекста социальных сетей, влияющего на суицидальные попытки молодых людей из разных групп суицидального риска*

Группы молодежи с разным уровнем суицидального риска	Когнитивные аспекты		Аффективные аспекты		Поведенческие аспекты	
	Процент	Пример	Процент	Пример	Процент	Пример
Высокий уровень	35%	Сила в смерти; Смерть как решение; Самоубийство как признак силы	33%	Яркая смерть; Красивая смерть; Запоминающаяся смерть	32%	Смелость выбора смерти; Решимость действовать и расстаться с жизнью; Самоубийство срывает маски и показывает истинное лицо всех, кто находится вокруг самоубийцы
Средний уровень	40%	Смерть – это искусство; За смертью идет перерождение; Смерть одного становится примером другим	45%	Умирать можно играя и тем самым становится сильнее; Легкая смерть; Смерть понятная всем – не привлекает внимания, а та, которая заставляет задавать вопросы – меняет жизнь	15%	Смерть расставляет всех по своим местам; Смерть меняет ситуацию у самого человека, а также у тех, кто виновен в его поступке; Смерть убирает конфликты
Низкий уровень	22%	Смерть – это выбор Самоубийство как облегчение Смерть не решает проблем	68%	Самоубийство это страх жизни; Самоубийство как результат тревоги и страха;	10%	Самоубийство – это убежание от жизни; Смерть находит тех, кто ее ищет; Самоубийство рождается внутри, но находит реализацию во вне при внешнем давлении или поддержке

*Составлено на основе ответов открытых вопросов о том, на какую информацию о суициде, молодые люди обращают внимание в социальных сетях

и других тематических пабликах в социальных сетях, но не являются их активными участниками, отслеживают новости и сообщения не регулярно. Мы можем говорить, что информационного «подкрепления» предыдущего опыта суицидальных мыслей и суицидального поведения в виртуальном пространстве этой группы молодежи нет. Это помогает им более оптимистично смотреть на свою жизнь и видеть альтернативные стратегии решения трудных жизненных вопросов, кроме как суицид.

Те молодые люди, что находятся в группе со средним уровнем склонности к суициду – входят в два раза большее количество виртуальных сообществ, раскрывающих особенности и техники самоубийств, игровых форм подготовки к самоубийству и прочее, чем те, кто входят в группу с низким уровнем готовности к суициду. Они говорят о наличии интереса, поддержки и ощущения того, что они не одни в этом мире – со стороны модераторов подобных сообществ. Это говорит о психологической обработке молодых людей с целью формирования суицидальных мыслей и суицидального поведения.

Те молодые люди, что входят в группу с высоким уровнем суицидального риска – все свое свободное время проводят в сообществах с деструктивной тематикой, активно участвуют в подготовке и реализации «квестов смерти» и других заданий, способных подготовить или реализовать самоубийство и, например, заснять это на фото или видео носители. Для представителей этой группы – в данных сообществах «ощущается настоящая жизнь», а не то, что происходит в реальной жизни, где есть проблемы с родителями, одноклассниками или однокурсниками, отсутствием друзей и низкой самооценки личных жизненных перспектив. Тогда как в данных сообществах они приобретают вес и значимость, фиксируют социальные успехи и могут повышать свой социальный капитал (хоть и построенный на искаженных представлениях о значимости совершаемых действий в виде суицида).

Информационное пространство социальных сетей влияет на суицидальные мысли и суицидальное поведение через когнитивные аспекты (преподнесение

информации с заведомо искаженной сутью, пересмотр ориентиров и смыслов жизни и смерти), аффективные аспекты (эмоциональный контекст интерпретации и оценок суицида как явления, процесса и действия) и поведенческие аспекты (реальная готовность подтолкнуть участникам к действиям, попыткам суицида). В таблице представлено соотношение данных аспектов, где когнитивные аспекты отражаются через существительные, описывающие информационные сообщения, влияющие на восприятие себя и суицидального поведения; аффективные через прилагательные, описывающие эмоции и чувства; поведенческие через глаголы, фиксирующие внимание участников на определенных действиях. Это то, что определяет суицидальные мысли, а затем и поведенческие реакции, то есть суицидальные попытки молодых людей с разным уровнем суицидального риска.

Для молодых людей с высоким риском суицида якорными словами и смыслами являются все три рассматриваемые нами категории, для респондентов из группы со средним уровнем риска – когнитивные и аффективные (знания и эмоции, которые их увлекают), для молодежи с низким уровнем повторного суицида запоминающимися выступают только эмоциональные сообщения, касающиеся их личных прошлых мотивов или ныне переживаемых чувств, остальные аспекты существенно уступают по значимости.

Таким образом, информационное воздействие из социальных сетей существенно влияет на молодых людей, уже ранее имевших попытку суицида. Да и те, кто только думает о суициде, могут попасть под влияние деструктивной информации данных сообществ. Поэтому, важно проводить профилактическую работу с разными группами молодежи, позволяющую формировать знания (когнитивный уровень), эмоции (аффективный уровень) и действия (поведенческий уровень) на основе позитивного взгляда на жизнь, веру в себя и готовность бороться с любыми трудностями. Важно ставить фокус внимания на возможностях позитивного решения любой ситуации, разрешая себе выбирать яркую и интересную жизнь, а не деструктивную стратегию самоубийства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение молодежи: виртуальное информационное воздействие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. – Т. 25. № 4. – С. 393-397.
2. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение учащейся молодежи: современная аддикция // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. – № 12. – С. 40-42.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социальный этюд. – М.: Мысль, 1994.
4. Полюшкевич О.А. Роль социальной эмпатии в формировании субъективного здоровья в кризисные моменты общественного развития // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы V Международной научно-практической конференции. – Москва, 2023. – С. 192-194.
5. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Сычева О.А. Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического изучения // Вестник Института социологии. 2023. – Т. 14. № 2. – С. 174–190. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.10; EDN: GHKWDO

6. Фаустова И.В., Комлик Л.Ю., Филатова И.Ю., Копылова Н.М. Социально-психологические детерминанты саморазрушающего поведения подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. – № 4. Т. 8. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/39PSMN420.pdf> (дата обращения: 05.01.2026). DOI: 10.15862/39PSMN420.
7. Хабибулин Д.А., Овсянникова Е.А., Тугулева Г.В., Плехотнюк Д.В. Личностные детерминанты суицидального риска у студентов // Перспективы науки и образования. 2020. – № 1 (43). – С. 271–281. DOI: 10.32744/pse.2020.1.19.
8. World Health Organization. Suicide data. 2026. URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mental-health/suicide-rates/> (дата обращения: 05.01.2026).

© Ардашев Роман Георгиевич (ardashevrg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ И ПРИТЯЗАНИЙ У НЕЗАМУЖНИХ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

Даренских Светлана Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент, Автономная
некоммерческая организация высшего образования
«Московский международный университет»
svetla-ss@yandex.ru

FEATURES OF ROLE EXPECTATIONS AND ASPIRATIONS OF UNMARRIED YOUNG WOMAN

S. Darenskih

Summary: Role expectations and aspirations during the premarital period reveal perceptions of one's own readiness to fulfill family responsibilities, as well as expectations of one's partner. A study of the content of relationship expectations and aspirations among young women from two-parent, single-parent, and divorced families reveals their willingness to take responsibility in various areas of the family and their desires regarding their partner's involvement and actions in the marital relationship. The article demonstrates significant differences in the expectations and aspirations of young women from two-parent, single-parent, and divorced families. Respondents expect greater involvement from their partners in household and educational areas.

Keywords: role expectations, role aspirations, unmarried women, young women in two-parent families, single-parent families, divorced families.

Аннотация: Ролевые ожидания и притязания в добрачный период раскрывают представления о собственной готовности к реализации функций семьи, так и ожидания от партнера. Исследование содержания ожиданий и притязаний в отношениях у молодых женщин из полной, неполной и семей в разводе раскрывает готовность молодых женщин брать ответственность в той или иной сфере в семье и их желания относительно активности и действий партнера в супружеских отношениях. В статье показаны достоверные отличия в ожиданиях и притязаниях молодых женщин из полных, не полных и семей в разводе. Выявлено, что респондентки ожидают большей активности от партнера в хозяйственно-бытовой и воспитательной сферах.

Ключевые слова: ролевые ожидания, ролевые притязания, незамужние женщины, молодые женщины, полная семья, неполная семья, семья в разводе.

В условиях стремительных перемен социума традиционные представления о семье и браке подвергаются глубокой трансформации. Сегодня многие молодые женщины предпочитают не спешить с созданием семьи или вообще отказываются от этого шага. Исследование ролевых ожиданий в отношении партнера у молодых женщин, не состоящих в браке и выросших в различных семейных условиях, позволит разработать действенные методики консультационной помощи, направленной на гармонизацию семейных ролей и их адекватное распределение.

Теоретический обзор

В.Н. Дружинин рассматривает ролевые ожидания как уровень готовности супругов осуществлять определённые функции в семейной жизни, а ролевые притязания — как индивидуальное желание реализовывать эти функции. Научные исследования подтверждают: разногласия между ожиданиями и притязаниями нередко становятся почвой для семейных конфликтов. Гармония в семейных отношениях во многом зависит от того, насколько едины партнеры в своём видении распределения семейных обязанностей и ролей [1].

Исследуя ролевые ожидания и притязания Е.М. Фещенко выявила интересную закономерность: в зависи-

мости от этапа семейной жизни меняются требования к партнеру со стороны женщин. Так, на более поздних стадиях отношений запросы и ожидания в хозяйственно-бытовой сфере и в сфере воспитания детей снижаются, в отличие от начальных этапов брака. Этот факт свидетельствует о том, что представления о ролях могут трансформироваться по мере развития отношений, поэтому от обоих партнёров требуется гибкость и готовность к адаптации [2].

Вопрос ролевых ожиданий и притязаний в браке привлекает внимание многих исследователей. Ю.Е. Алёшина, В.А. Сысенко и Л.А. Гозман, рассматривают семейное благополучие через призму согласованности ключевых аспектов жизни супругов — распределения ролей, притязаний и ценностных ориентиров. По их мнению, именно единство в понимании ролевых функций и их согласованная реализация создаёт основу для стабильности и удовлетворённости в брачных отношениях [3,4].

В.С. Торохтий, А.С. Кубекова, М.А. Сергеева и Л.Ф. Фурси в своих трудах подчёркивают: когда супруги сходятся во взглядах на распределение ролей, это значительно повышает их удовлетворённость семейной жизнью. Исследователи отмечают, что помимо ролевой адекватности и ориентации на внешнюю социальную активность, важную роль в укреплении брака играют также доста-

точный уровень дохода [5,6].

А.П. Малыгина и Д.В. Иванов в своих работах демонстрируют, что согласованность представлений о ролях и их реализации непосредственно коррелирует с уровнем удовлетворённости отношениями. Их исследования выявили интересные различия в приоритетах мужчин и женщин: для представителей сильного пола в браке первостепенное значение имеют воспитательная функция, социальная активность и внешние данные партнёра, тогда как женщины больше ценят эмоциональную поддержку, внешнюю привлекательность и социальную активность супруга [6].

Зарубежные авторы Т. Парсон и Р. Бейлз выделяют инструментальные и экспрессивные семейные роли, которые в свою очередь предполагают реализацию тех или иных ожиданий и притязаний. Так, мужчины в большей степени реализуют инструментальные функции, которые связаны с внешними сторонами семейной жизни, а женщины в большей степени отвечают за эмоциональный фон в семье [8].

Одной из причин неблагополучия в отношениях, как в добрачный период, так и в браке, может стать несоответствие ролевых ожиданий, когда представления супругов о том, что и как должен делать партнер, не совпадают с реальностью. Несоответствие ролевых ожиданий порождает чувство неудовлетворённости и обостряет конфликты. Ролевые ожидания и притязания — ключевые факторы, определяющие характер как брачных, так и добрачных отношений, поскольку именно они формируют представления о том, какие обязанности должен выполнять каждый из партнёров и какие роли стремятся реализовать. От степени согласованности этих ожиданий во многом зависит устойчивость и гармоничность отношений в добрачный период и в дальнейшей семейной жизни.

Методы исследования

Целью данного исследования является изучение ролевых ожиданий и притязаний у молодых женщин из разных типов семей.

Для исследования ролевых ожиданий и притязаний молодых женщин из разных типов семей был применен опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А.Н. Волкова, Т.М. Трапезникова), а также методы математико-статистической обработки данных: критерий Краскела-Уоллиса.

В исследовании приняли участие 48 женщин в возрасте от 20 до 25 лет, согласно возрастной периодизации К. Колберга. Из них 17 из полной семьи (m1), 16 из неполной семьи (m2), у 15 молодых женщин родители развелись в подростковом периоде (m3).

Результаты исследования

Статистический анализ с помощью критерия Краскела-Уоллиса выявил достоверные различия по шкалам: интимно-сексуальная ($p = 0,04$), родительско-воспитательная (притязание) ($p = 0,03$), родительско-воспитательная (ожидание) ($p = 0,01$), внешняя привлекательность (ожидание) ($p = 0,03$). Так, мы можем констатировать, что для молодых женщин из неполных семей достоверно более значимы сферы интимно-сексуальная, и родительско-воспитательная (ожидания), в то время как для женщин, чьи родители развелись более значимы сферы родительско-воспитательная (притязания) и внешняя привлекательность (ожидания) в сравнении с другими группами.

Результаты психологической диагностики в группе молодых женщин, которые выросли в неполных семьях показал, что респондентки не придают первостепенного значения интимной близости в партнёрстве ($m2 = 2,66$). Они не стремятся доминировать в вопросах управления домом и решения бытовых трудностей и проблем ($m2 = 3,12$), в воспитании детей ($m2 = 3,67$), а предпочитают разделять эти обязанности с партнёром, ожидая от него более активного участия, чем от себя. Для них важны как общие с партнёром интересы и ценности, так и свои собственные ($m2 = 6,01$). Женщинам важно иметь возможность проводить время как в одиночестве, так и в компании партнёра. Кроме того, они стремятся быть более заметными и социально активными по сравнению с партнёром. При этом требования к внешнему виду партнёра у них выше ($m2 = 6,65$), чем у других групп, а также выше, чем их требования к самим себе ($m2 = 5,17$). Комфортная психологическая атмосфера в отношениях, её создание и сохранение имеет для них критическое значение (ожидания $m2 = 7,91$, притязания $m2 = 7,55$).

Результаты, полученные в группе женщин, которые выросли в полных семьях, во многом перекликаются с данными, характерными для респонденток из неполных семей. Интимная близость также не рассматривается как главный аспект партнёрских отношений ($m1 = 4,12$). Женщины не стремятся единолично решать вопросы ведения хозяйства (притязания $m1 = 4,96$) и воспитания детей (притязания $m1 = 4,67$), рассчитывая на более активную вовлечённость партнёра в эти сферы (хозяйственно-бытовая сфера $m1 = 6,28$, воспитательная $m1 = 6,77$). При этом особых требований к внешнему виду как у себя ($m1 = 6,12$), так и у партнёра ($m1 = 6,55$) они не предъявляют. Как и в первой группе, для них важно превосходить партнёра в социальном плане и проявленности в социуме. Поддержание благоприятной психологической обстановки в отношениях остаётся значимым аспектом (ожидания — 7,64, притязания — 6,98).

В группе молодых женщин, родители которых развелись в подростковом возрасте, прослеживается

ожидание, что мужчина должен играть ведущую роль в воспитании детей ($m3 = 7,18$). Это свидетельствует о представлении о партнере, как о главе семьи, который должен принимать ключевые решения. Такие женщины не стремятся доминировать в ведении домашнего хозяйства ($m3 = 5,11$) и готовы делить бытовые обязанности с мужчиной. Хотя интимная близость и не является для них приоритетом, она всё же имеет большее значение, чем в двух предыдущих группах ($m3 = 5,41$). Как и другие участницы исследования, они стремятся быть более заметными и социально активными, чем их партнёры. Создание комфортной психологической атмосферы в отношениях остаётся для них важным аспектом отношений (ожидания $m3 = 7,82$, притязания $m3 = 7$).

Выводы

По результатам исследования мы можем констатировать, что молодые женщины не зависят от типа семьи

ожидают более высокую включенность партнера в дела семьи и воспитание детей, чем от себя. Данные результаты можно трактовать, как желание переложить ответственность, стремление к лёгкости в семейной жизни. Для молодых женщин высокое значение имеет психологический климат в семье и психологическая поддержка партнера, в свою очередь они также готовы к реализации психотерапевтической функции. Вероятно, повышение психологической грамотности, доступность информации о важности психотерапевтической составляющей супружеских отношений приводит к высоким ожиданиям и притязаниям в данной сфере у молодых женщин. Независимо от типа семьи, молодые женщины не придают первостепенного значения интимной близости при этом, в группе молодых женщин, из семей в разводе данный параметр выше. Важным моментом является стремление к социальной активности и «заметности» у респонденток всех групп, что показывает потребности и в профессиональной реализации и активной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин В.Н. Психология семьи. М.: Питер, 2012. 176 с.
2. Фещенко Е.М. Ролевые ожидания и притязания супругов на разных этапах развития семьи // Вестник БГУ. 2012. № 1 (2). С. 172-175.
3. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я. Комплексный подход к проблеме удовлетворенности браком. В сб.: Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983, с.43-44.
4. Гозман Л.Я. Процессы межличностного восприятия в семье. - В кн.: Межличностное восприятие в группе. /Под ред. Г.М.Андреевой, А.И. Донцова. М.: Изд-во Моск.ун-та, 1981, с.210-232.
5. Торохтий В.С. Ролевые ожидания и притязания супругов как фактор семейного благополучия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2001. – № 3. – С. 112–118.
6. Кубекова А.С. Связь личностных особенностей супругов и их удовлетворенность брачными отношениями / А.С. Кубекова, М.А. Сергеева, Л.Ф. Фурси // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022 — Т. 10 — № 1. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/12PSMN122.pdf>
7. Малыгина, А.П. Взаимосвязь ролевых ожиданий и притязаний супругов с удовлетворенностью браком / А.П. Малыгина, Д.В. Иванов // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6, № 12. – С. 386-395.
8. Parsons T., Bales R.F. Family Socialization and Interaction Process. 1955.

© Даренских Светлана Сергеевна (svetla-ss@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ КОМОРБИДНЫМ С ПОГРАНИЧНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Исагулова Елена Юрьевна

*Кандидат психологических наук, директор
НМУ «Клинический центр психического здоровья»
9477877@gmail.com*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF ADOLESCENTS WITH ADDICTIVE BEHAVIOR COMORBID WITH BORDERLINE PERSONALITY DISORDER

E. Isagulova

Summary: Patients with addictive behaviors comorbid with borderline personality disorder experience worse clinical outcomes. Significant gaps remain in determining the optimal treatment pathway for this group of patients. This is primarily due to the difficulty in diagnosing addictive behaviors in their combination with borderline personality disorder, which may be a product of psychological features of adolescence that aggravate the course of such comorbid conditions.

The aim of the study was to identify psychological features of adolescents with addictive behavior comorbid with borderline personality disorder.

Keywords: borderline personality disorder, addictive behavior, addictions, dependence, comorbidity, destructiveness, deficiency.

Аннотация: Пациенты с аддиктивным поведением коморбидным с пограничным расстройством личности испытывают худшие клинические результаты. Остаются значительные пробелы в определении оптимального пути лечения этой группы пациентов. Это в первую очередь связано с трудностью диагностики аддикций в их сочетании с пограничным расстройством, что может являться продуктом психологических особенностей подросткового возраста, усугубляющих течение подобных коморбидных состояний.

Цель исследования – выявить психологические особенности подростков с аддиктивным поведением коморбидным с пограничным расстройством личности.

Ключевые слова: пограничное расстройство личности, аддиктивное поведение, аддикции, зависимость, коморбидность, деструктивность, дефицитарность.

Введение

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) описано в DSM-5 как характеризующееся нарушением и всеобъемлющей дисрегуляцией аффектов, образа себя, межличностных отношений и поведения. Было обнаружено, что оно присутствует примерно у 2–6 % взрослого населения и у 3 % подростков в возрасте 12–14 лет [6]. По сравнению с общей популяцией, лица с ПРЛ в два раза чаще имеют сопутствующее химическое и/или психологическое аддиктивное расстройство, связанное с употреблением психоактивных веществ, нарушением пищевого или сексуального поведения, игроманией, интернет-зависимостью и т.д. [5]. У более чем 20% лиц с ПРЛ регистрируются те или иные аддикции. Аналогичным образом, люди с аддиктивным поведением более чем в 15% случаев имеют сопутствующее психическое заболевание, в частности ПРЛ [4].

По данным исследований Кулешова А.А. и соавт., структура ПРЛ в юношеском возрасте отличалась клинической неоднородностью, что позволило выделить три типологических разновидности: с явлениями «аффективного шторма», характеризующуюся доминированием аффективных нарушений, в том числе после завершения юношеского возраста с некоторой стабили-

зацией личностной структуры (I тип); с доминированием расстройств влечений по типу «аддиктивной адреналиномании», при которой одну из ключевых позиций занимали нарушения влечений, с постоянной потребностью в поиске новых экстремальных увлечений, употреблением психоактивных веществ, которые сохранялись после завершения юношеского возраста (II тип); с преобладанием «когнитивной диссоциации», которая характеризовалась наиболее полиморфной картиной расстройств, с преобладанием нарушений самоидентификации с диссоциативными нарушениями, сохраняющими свою выраженность после завершения юношеского возраста (III тип) [1, 2].

Сложные механизмы, приводящие к коморбидности аддиктивного поведения и ПРЛ, предположительно объясняются генетической, экологической и, действительно, двунаправленной причинностью [6]. Эти коморбидные расстройства являются огромной проблемой в программах лечения пациентов с ПРЛ подросткового возраста. Исследования показали, что у подростков с коморбидными аддикциями и диагнозом ПРЛ результаты психотерапии хуже, поскольку они в недостаточной степени могут быть диагностированы и имеют более хроническую и устойчивую к лечению траекторию [3].

В связи с этим актуальным является как можно более раннее выявление психологических особенностей подростков с аддиктивным поведением коморбидным с ПРЛ, что может являться важным в профилактике прогрессирования симптомов этих расстройств.

Цель исследования – выявление психологических особенностей подростков с аддиктивным поведением коморбидным с пограничным расстройством личности.

Материал и методы

Исследование психологических особенностей подростков с аддиктивным поведением коморбидным с ПРЛ проведено на базе кафедры клинической психологии и психологической помощи Института психологии в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена» в период с 2023 по 2025 годы с участием 300 подростков в возрасте от 12 до 18 лет, которые соответствовали ряду критериев для включения в исследуемую группу (подростковый возраст, наличие информированного письменного согласия на участие в исследовании, диагноз «Эмоционально неустойчивое расстройство личности, пограничный тип» (МКБ-10 F60.31). Среди подростков с ПРЛ было 51% девушек и 49% юношей. Большинство подростков проживали в неполных семьях (58,7%). Среди всех подростков с ПРЛ были выявлены склонности к таким аддикциям, как: сексуальная

(у 35,3%), нарушение пищевого поведения (у 52%), риск табакокурения (41,7%), риск употребления алкогольных напитков (у 19%), риск употребления наркотических веществ (у 6%), интернет-зависимость (у 7,7%).

Выявление психологических особенностей подростков с аддиктивным поведением коморбидным с ПРЛ проводили с помощью ряда психодиагностических тестов: Я-структурный тест Аммона (ISTA) и опросник СМИЛ (ММПИ) (авт. С. Хатуэй, Дж. Маккинли, в адаптации Л.Н. Собчик).

Статистическая обработка результатов проводилась при помощи пакета статистических программ Microsoft Excel, IBM SPSS Statistics 17 © SPSS Inc. (2020). Выборка не соответствовала нормальному распределению (критерий Колмогорова-Смирнова). Полученные результаты интерпретировали с помощью вычисления абсолютных показателей (n) и описания долевого соотношения (%), средних медианных значений (Me), максимума и минимума (max:min), квартилей [межквартильный интервал] (Q1-Q3). Для оценки результатов выборки в процессе сравнения с нормативными показателями шкал использовали χ^2 -критерий Пирсона.

Результаты

Согласно данным, полученным в ходе проведения тестирования подростков анализируемой выборки по методике ММПИ, были выявлены повышенный уровень

Таблица 1.

Результаты психодиагностики профиля подростков анализируемой выборки по шкалам опросника ММПИ.

Шкалы	высокие значения		средние значения шкалы		низкие значения шкалы		Me (max:min)	Q1-Q3
	n	%	n	%	n	%		
0 шкала «интроверсии»	101	33,7	163	54,3	36	12,0	46 (88:21)	[32,00-55,00]
1 шкала «невротического сверхконтроля»	37	12,3	221	73,7	42	14,0	47 (102:25)	[31,00-66,00]
2 шкала «пессимистичности»	20	6,7	218	72,7	62	20,7	60 (82:20)	[33,00-62,00]
3 шкала «эмоциональной лабильности»	30	10,0	203	67,7	67	22,3	54 (83:20)	[52,00-72,00]
4 шкала «импульсивности»	103	34,3	188	62,7	9	3,0	63 (85:23)	[48,00-73,00]
5 шкала «мужественности-женственности»	73	24,3	203	67,7	24	8,0	61 (97:20)	[53,00-65,00]
6 шкала «ригидности»	49	16,3	227	75,7	24	8,0	59 (99:22)	[61,00-72,00]
7 шкала «тревожности»	105	35,0	179	59,7	16	5,3	68 (88:22)	[55,00-77,00]
8 шкала «индивидуальности»	139	46,3	155	51,7	6	2,0	63 (88:22)	[41,00-50,00]
9 шкала «оптимистичности»	38	12,7	202	67,3	60	20,0	47 (83:20)	[7,00-12,00]

общего рассогласования в системе личности испытуемых, акцентуаций и психопатических черт характера, а также уровня невротизации (табл. 1).

Особый интерес в рамках изучаемой проблемы представляют собой шкалы невротического сверхконтроля, пессимистичности и эмоциональной лабильности (группа невротической триады), а также шкалы импульсивности, ригидности, тревожности, индивидуалистичности (группа психотической тетрады). Так, по первой группе (невротической триаде) определяется доминирование показателя по шкале «пессимистичности» (60 (82:20) [33,00-62,00] баллов), показатель «эмоциональной ла-

бильности» в среднем составил 54 (83:20) [52,00-72,00] баллов, показатель «невротического сверхконтроля» находился на уровне 47 (102:25) [31,00-66,00] баллов.

По второй группе (психотической тетраде) установлено доминирование показателей «Шкала индивидуалистичности» и «Шкала тревожности» – 63 (88:22) [41,00-50,00] и 68 (88:22) [55,00-77,00] баллов. Показатели «Шкала ригидности» и «Шкала импульсивности» имели менее выраженные проявления – на уровне 59 (99:22) [61,00-72,00] и 63 (85:23) [48,00-73,00] баллов соответственно.

Таблица 2.

Результаты тестирования подростков с аддиктивным поведением при ПРЛ по методике «Я-структурный тест Аммона».

Шкалы		Уровень						Me (max:min)	Q1-Q3
		Ниже нормы		Норма		Выше нормы			
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%		
Агрессия	конструктивная	0	0,0	164	54,7	136	45,3	60 (80:40)	52-66
	деструктивная	97	32,3	60	20,0	143	47,7	68,5 (88:30)	59-77
	дефицитарная	166	55,3	102	34,0	32	10,7	36,0 (81:15)	32-44
Страх	конструктивный	140	46,7	116	38,7	44	14,7	40,0 (74:15)	32-52
	деструктивный	124	41,3	138	46,0	38	12,7	41,0 (87:15)	36-50
	дефицитарный	23	7,7	198	66,0	79	26,3	52,0 (76:15)	44-62
Внешнее Я-отграничение	конструктивное	175	58,3	90	30,0	35	11,7	36,0 (81:15)	32-44
	деструктивное	100	33,3	181	60,3	19	6,3	44,0 (77:18)	36-50
	дефицитарное	1	0,3	168	56,0	131	43,7	60,0 (80:25)	52-66
Внутреннее Я-отграничение	конструктивное	136	45,3	124	41,3	40	13,3	40,0 (74:15)	32-50
	деструктивное	115	38,3	118	39,3	67	22,3	44,0 (88:15)	36-58
	дефицитарное	24	8,0	174	58,0	102	34,0	54,0 (88:15)	48,5-63
Нарциссизм	конструктивный	205	68,3	61	20,3	34	11,3	36,0 (73:15)	28-40
	деструктивный	144	48,0	99	33,0	57	19,0	40,0 (73:15)	32-57
	дефицитарный	88	29,3	168	56,0	44	14,7	44,0 (71:18)	39-55
Сексуальность	конструктивная	200	66,7	66	22,0	34	11,3	36,0 (73:15)	28-44
	деструктивная	185	61,7	30	10,0	85	28,3	54,0 (70:20)	50-63
	дефицитарная	195	65,0	102	34,0	3	1,0	36,0 (76:15)	31-44
Индексы МОПЗ									
Блок конструктивности А		171	57,0	129	43,0	0	0,0	43,1 (56.5:28.7)	38-46
Блок деструктивности В		0	0,0	2	0,7	298	99,3	43,0 (56.8:25.8)	44-50
Блок дефицитарности С		0	0,0	1	0,3	299	99,7	51,4 (65.2:27.5)	47-55
α-индекс		30	10,0	237	79,0	33	11,0	-0,3 (19.8:27)	
β-индекс		133	44,3	165	55,0	2	0,7	-8,3 (10.5:27.2)	

Результаты тестирования подростков с аддиктивным поведением при ПРЛ с помощью Я-структурного теста Аммона представлены в таблице 2.

Согласно результатам исследования, у большей доли подростков с аддиктивным поведением при ПРЛ выявлен более высокий уровень деструктивной агрессии (у 47,5%) при дефицитарном страхе (у 26,3%), дефицитарном внешнем (у 43,7%) и внутреннем (у 34,0%) Я-отграничении. У 19,0% подростков выявлен деструктивный нарциссизм, а у 34% подростков – деструктивная сексуальность. Следует отметить существенные вариации уровня выраженности показателей по всем анализируемым шкалам среди подростков. Их медианные показатели были на уровне умеренной выраженности (кроме шкалы «деструктивная агрессия» с высоким уровнем выраженности и шкал «Агрессия дефицитарная», «Внешнее Я-отграничение конструктивное», «Нарциссизм конструктивный», «Сексуальность конструктивная», «Сексуальность дефицитарная» с низким уровнем выраженности).

Обсуждение

Таким образом у большинства подростков выраженность симптомов невротической триады находилась на среднем уровне. Высокие показатели по шкале «пессимистичности» выявлены у 6,7% подростков анализируемой выборки. У данных подростков есть поведенческие и мыслительные характеристики, которые включают избегание неудач, склонность к мышлению, медлительность в принятии решений, глубокие эмоциональные реакции, аналитический склад ума, вербальное мышление и некоторую нерешительность. В этой возрастной группе наблюдается повышенное желание эмоциональной поддержки, внимания и позитивного отношения к себе. Глубокое понимание своих внутренних проблем и отказ от достижения запланированных целей приводят к ухудшению настроения. У 10,0% подростков выявлены высокие показатели по шкале «эмоциональной лабильности». Они проявляют желание быть замеченными, сосредоточены на себе, стремятся к успеху, имеют переменчивое настроение и любят капризничать. Высокие показатели по шкале «невротического сверхконтроля» выявлены у 12,3% подростков анализируемой выборки. Анализ данных показывает, что эти подростки проявляют повышенное внимание к своему благополучию, большую склонность к невротическому контролю и физическим проявлениям тревоги, а также желание избежать неудач. Для данного типа людей характерно проявление эмоциональной нестабильности и истерических черт характера из-за их социальной пассивности и влияния на них.

При этом у 34,3% подростков выявлены высокие показатели по шкале импульсивности. Они характеризуются

отрицанием общепринятых норм и ценностей, которые могут проявляться в различных формах, включая нонконформизм, оппозицию, протест и антиобщественное поведение, включая нарушение законов, что может восприниматься как антиобщественное поведение. Трудности адаптации к новым обязанностям взрослой жизни могут быть вызваны отсутствием положительной модели поведения в детстве и негативным отношением к авторитаризму. Этот процесс приводит к фиксации определенных типов поведения, начиная от небольшого отклонения от общепринятых стандартов и заканчивая явно антиобщественным поведением. Отказ от установленных правил поведения, неспособность извлекать уроки из негативного опыта, спонтанность, склонность к формированию антисоциальных групп могут способствовать злоупотреблению наркотиками и алкоголем.

Около 16,3% подростков проявляют чрезмерную скованность, что приводит к чрезмерным неблагоприятным ситуациям, нарушению отношений с друзьями, учителями или родителями, которые принимают форму «несправедливых конфликтов». В некоторых случаях возможна переоценка действий других людей, с избытком недоверия и подозрительности.

У 35% подростков высокий уровень тревожности. Этой группе подростков трудно выполнять повседневные задачи и общаться из-за чувства тревоги, внутреннего беспокойства и незащищенности. В стрессовых ситуациях возникает предчувствие негатива и возникают сомнения из-за мелочей, которые вызывают страх неудачи. Сильная чувствительность может привести к длительному депрессивному состоянию после негативных событий.

Синдром с навязчивыми состояниями, ритуальное поведение и ипохондрический синдром встречаются реже среди патологических образований. У 46,3% подростков выявлен высокий уровень индивидуализма, что может указывать на аутистические тенденции и отсутствие эмоциональной реакции на социальные взаимодействия. Отсутствие адекватной обратной связи со стороны общества часто приводит к тому, что подросткам трудно понять свои отношения с другими и оценить последствия своих действий. Поведение подростков, склонных к аутизму, может проявляться по-разному, что не всегда вписывается в нынешнюю среду. Кроме того, они часто не проявляют прямолинейности и интенсивности эмоциональных переживаний, типичных для их возраста. Обычно наблюдаются различные эмоциональные выражения, которые могут быть противоположны друг другу, такие как холодность и чувствительность.

Повышение показателей по определенным шкалам профиля, которые связаны с психологией возраста, может свидетельствовать о склонности к протестным

реакциям, особенно в подростковом возрасте, а также о погружении во внутренний мир, особом восприятии ситуации, переоценке собственных возможностей и оптимистическом настрое. Такие подростки проявляют заметные признаки изменения поведения, проявляющиеся в агрессивности, конфликтности, перепадах настроения и интересов, а также пренебрежении общепринятыми нормами и ценностями. Возникает чрезмерное беспокойство, нерешительность в принятии решений, постоянные сомнения в выборе и целях, подозрительность, неуверенность.

«Шкала мужества-женственности» демонстрирует средний уровень выраженности ($60,7 \pm 19,05$ баллов), что закономерно в связи с практически равным в анализируемой выборке подростков количеством девушек и юношей в пределах 1,04:1. Высокие баллы по этой шкале у 24,3% указывают на возможность несоответствия между формальной принадлежностью подростка к определенному полу и его (или ее) идентификацией с социальной и культурной ролью мужчины или женщины. 8% подростков с низкими баллами, как правило, отождествляют себя со своим полом, что может указывать на возможность чрезмерной компенсации противоположных сексуальных желаний.

Сочетание пиков клинических шкал (шкалы 3-7) показало наличие у большинства этих подростков тревожные и фобические расстройства, которые проявляются через желание привлечь внимание окружающих, проявить бессилие и желание получить поддержку. Точное выполнение задач, внимание к деталям и акцент на социальной вежливости не всегда сочетаются с желанием привлечь к себе внимание, эгоцентризмом и стремлением к лидерству. Когда требуется много внимания, одобрения и проявления эмоций, реакция на негативные признаки остается сильной и чувствительной. Проявляется поведение, признаки которого указывают на желание получить сочувствие и поддержку от окружающих, используя это воздействие на близких людей. Эта возрастная группа имеет недооценку собственной ценности и склонность к негативному взгляду на будущее (шкалы 2-3). Интрапунитивность стабильна и сочетается с постоянной внутренней напряженностью, тревогой или страхами, с ощущением собственной неполноценности (шкалы 2-7).

Поведение может проявляться в ярких эмоциональных реакциях, а также в усилении критики и использовании саркастических высказываний. Энергия, которую необходимо выразить, проявляется в нестабильных визуализациях или ужасающих снах. У таких людей также возникают проблемы с управлением своими эмоциями и способностью контролировать свои действия, которые могут быть временными или постоянными. Даже если подростки с высокими показателями по этой шкале

проявляют только агрессию по отношению к окружающим, это все равно негативно сказывается на их способности адаптироваться в обществе из-за создания вокруг них негативной атмосферы.

В психологии человека страх дефицита интерпретируется как стремление избежать встречи лицом к лицу со своими страхами, что приводит к отказу бороться за свою индивидуальность. Подросток с дефицитом страха испытывает чувство вялости, скуки или внутренней пустоты вместо страха. Страх перед другими людьми также мало влияет на наши собственные страхи, что может привести к улучшению отношений и эмоциональной независимости, а также к более объективной оценке поведения других людей. Приобретенный опыт не способствует личностному росту, а новые дружеские отношения не приносят пользы обеим сторонам.

Подростки с высоким баллом по шкале дефицита страха характеризуются отсутствием тревожной реакции в различных ситуациях, склонностью к рискованным поступкам без учета возможных последствий, эмоциональным отчуждением от важных событий и отношений, таких как расставания и потери близких.

При высоком уровне дефицитарного страха существует вероятность того, что в качестве компенсации люди будут употреблять алкоголь, наркотики или психотропные вещества. Чувство бессилия перед лицом смерти может увеличить вероятность возникновения зависимости, преступной деятельности и самоубийства. Выравнивание этого недостатка может мешать использованию эффективных стратегий для выхода из трудных ситуаций. Границы личности подростков с личностной и бумажной лабильностью проявляются в более выраженном дефиците внутреннего и внешнего самоопределения. Молодые люди, которые часто ищут поддержки и одобрения, часто в значительной степени лишены индивидуальной независимости и предпочитают поддерживать групповые нормы и ценности, не всегда способны выработать собственную точку зрения. Эти люди часто предпочитают очень близкие отношения зрелым, взаимовыгодным отношениям и часто испытывают проблемы с поддержанием здоровых связей, особенно когда им приходится разрывать отношения.

Характерные черты подростков с высокими показателями по шкале дефицита внутренней самооценки включают эмоциональную нестабильность, отсутствие самоконтроля, трудности с принятием решений, чувство «переполненности» различными эмоциями и мыслями и трудности с установлением интимных отношений. Поведенческий аспект деструктивного нарциссизма проявляется в неправильном восприятии себя и других, неадекватной самооценке, осторожности в общении, страхе перед интимными отношениями и стремлении к обще-

ственному признанию. Иногда люди могут чувствовать, что их внутренний мир недоступен для окружающих, не доверять им и испытывать уныние и апатию. Высокие значения по этой шкале указывают на трудности в самопонимании, противоречивость внутренних убеждений, нестабильность в отношениях с самим собой и окружающими, чувствительность, страх, скрытность, стремление к контролю над собой, сдержанность и подозрительность. Им трудно строить глубокие и близкие отношения из-за проблем с интимной близостью. Поэтому они предпочитают избегать или разрывать эти отношения, используя различные методы замещения. В контакте присутствуют только разрозненные части личности, а не целое. Использование этого вида сексуальной практики не учитывает важность взаимного уважения и интимности, что делает сексуальные отношения менее значимыми и безличными для участников. Интерес к интимным отношениям часто фокусируется на специфических характеристиках партнера, что может привести к фетишизации. Сексуальные фантазии и интимные развлечения проявляются в особом формате. Часто между партнерами возникают разногласия по поводу сексуальных предпочтений из-за ограничений в сексуальном поведении. Деструктивная сексуальность часто сопровождается сильными негативными эмоциями после интимных событий. Прошлые интимные отношения воспринимаются как негативный опыт, который может быть вредным или унижительным. Обычно это сопровождается чувством вины, потерей самоуважения или неприятным ощущением манипулирования. Подростки, сталкивающиеся с высоким уровнем деструктивной сексуальности, часто испытывают трудности с установлением полных и глубоких эмоциональных связей в сексуальной сфере и предпочитают избегать близости, открытости и тепла. Обычно в отношениях с сексуальным партнером возникает интерес к каким-то особым аспектам, которые могут вызвать возбуждение, например, к новизне или нестандартным особенностям. У некоторых подростков деструктивное сексуальное поведение может проявляться в агрессивном поведении, включая склонность к конфликтам или даже физическому насилию и саморазрушительным действиям.

При изучении взаимосвязи между различными признаками и проявлениями ПРЛ у подростков были обнаружены определенные виды проблем, связанных с зависимым поведением, такие как:

- I тип – ПРЛ с преобладанием эмоциональных расстройств по типу аффективного шторма – 99 (33%);
- II тип – ПРЛ с доминированием расстройств влечения и аддиктивной адреналиномании – 118 (39,3%);
- III тип – ПРЛ с нарушениями самоидентификации – 73 (24,3%).

Похожие результаты были получены в исследованиях различных аддикций у подростков с ПРЛ, которые наиболее часто проводились среди лиц с зависимостью от психоактивных веществ [1, 2, 8, 9].

Авторами публикаций отмечено, что только точное выявление и диагностика лиц с расстройством личности с сопутствующим аддиктивным расстройством, является ключом к правильному лечению подобных расстройств.

Заключение

У большинства подростков уровень выраженности признаков невротической и психотической симптоматики был средним. Установлено доминирование показателей по шкалам индивидуалистичности и тревожности. Результаты тестирования подростков с аддиктивным поведением при ПРЛ показали высокий уровень деструктивной агрессии (у 47,5%) при дефицитном страхе (у 26,3%), дефицитном внешнем (у 43,7%) и внутреннем (у 34,0%) Я-отграничении. У 19,0% подростков выявлен деструктивный нарциссизм, у 34% подростков – деструктивная сексуальность.

Разнообразие проявлений коморбидности аддиктивного расстройства и ПРЛ с неравномерным распределением симптомов в ходе исследования позволяет сделать вывод о разнообразии изучаемых личностных особенностей подростков этой группы. Самыми тесными оказались выявленные связи ПРЛ с курением и наркотической зависимостью с характерным доминированием расстройств влечения и аддиктивной адреналиномании.

При этом нами было отмечено, что особенности подросткового возраста оказывают непосредственное влияние на понимание патологического процесса, что усложняет как сам диагностический процесс, так и принятие решений по психотерапии и прогнозу данной группы подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каледа В.Г. Пограничное расстройство личности в юношеском возрасте: особенности психопатологии и закономерности течения / В.Г. Каледа, А.А. Кулешов, Е.С. Крылова // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2023. – Т. 123, № 4. – С. 91-97. – DOI 10.17116/jnevro202312304191. – EDN RUIDIL.
2. Кулешов А.А. Клинико-психопатологические особенности пограничного расстройства личности в юношеском возрасте / А.А. Кулешов // Психиатрия. –

2022. – Т. 20, № 2. – С. 32-41. – DOI: 10.30629/2618-6667-2022-20-2-32-41. – EDN QSMDSK.
3. Alhammad M., Aljedani R., Alsaleh M. Family, individual and other risk factors contributing to risk of substance abuse in young adults: a narrative review // *Cureus*. 2022. Vol. 14. No 12. DOI:10.7759/cureus.32316
 4. Artioli M., Bougon E., Mathur A., Salles J. Factors associated with a borderline personality disorder diagnosis in the emergency department. *Front Psychiatry*. 2022. Vol. 28. No 13. DOI: 10.3389/fpsyt.2022.925462.
 5. Brager-Larsen A., Zeiner P., Mehlum L. Sub-threshold or full-syndrome borderline personality disorder in adolescents with recurrent self-harm - distinctly or dimensionally different? *Borderline Personal Disord Emot Dysregul*. 2023. Vol. 10. No 1. P. 26-30. DOI: 10.1186/s40479-023-00234-z.
 6. Ellison W.D., Rosenstein L.K., Morgan T.A., Zimmerman M. Community and Clinical Epidemiology of Borderline Personality Disorder. *Psychiatr Clin North Am*. 2018. Vol. 41. No 4. P. 561-573. DOI: 10.1016/j.psc.2018.07.008
 7. Gendy M.N.S., Remers S., Costello J., Rush B., MacKillop J. Characterizing clinical heterogeneity in an inpatient service treating mental, substance use and concurrent disorders. *PLOS Ment Health*. 2024. Vol. 1. No 2. DOI: 10.1371/journal.pmen.0000074.
 8. Guilé J.M., Zavaglia E., Berthiaume C., Bergeron L. Prevalence and comorbidity of borderline personality traits in the Quebec general population aged 12-14 years. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*. 2021. Vol. 56. No 11. P. 2053-2062. DOI:10.1007/s00127-021-02067-z
 9. Ross S., Peselow E. Co-occurring psychotic and addictive disorders: neurobiology and diagnosis. *Clin Neuropharmacol*. 2012. Vol. 35. No 5. P. 235-243. DOI:10.1097/WNF.0b013e318261e193

© Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНЕЗИС КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ КАК АГЕНТА НООСФЕРЫ: КРИТЕРИИ ПЕРЕХОДА ОТ *HOMO SAPIENS* К *HOMO CONSCIOUS*

Легостаева Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук, доцент,
SmartLab ООО «Онлайн Институт Смарт», Екатеринбург
lennylen@mail.ru

Преснецов Евгений Евгеньевич

Тольяттинский Государственный Университет;
докторант, ООО «Онлайн Институт Смарт», Салехард
presnetsov.evgeniy@gmail.com

THE GENESIS OF COLLECTIVE CONSCIOUSNESS AS AN AGENT OF THE NOOSPHERE: CRITERIA FOR THE TRANSITION FROM *HOMO SAPIENS* TO *HOMO CONSCIOUS*

**E. Legostaeva
E. Presnetsov**

Summary: Background. This article explores the hypothesis that the emergence of collective consciousness served as a pivotal factor driving humanity's technological and social development from the Neolithic period onward.

Objectives. To analyze the necessary and sufficient conditions for the formation of collective consciousness.

Study Participants. The study compares L.S. Vygotsky's cultural-historical theory, C.G. Jung's analytical psychology, Y.N. Harari's historical-anthropological approach, M. Lieberman's social neuroscience, and V.I. Vernadsky's noosphere doctrine.

Methods. Utilizing structural-analytical and synthetic-theoretical methodologies applied to the aforementioned conceptual frameworks, a comparative examination of the phenomena of individual consciousness, collective consciousness, and collective intelligence is undertaken, with the objective of explicating a hitherto unarticulated constituent of noospheric organization—collective consciousness functioning as an autonomous agent.

Results. Through examination of historical and cultural evidence, the evolution of collective representations from animism to monotheism is traced, revealing three key parameters: quantitative (critical population threshold), qualitative (adequate neurocognitive development level, including the "social brain"), and temporal (sustained transmission of cultural patterns, establishment of sign-symbolic systems and archetypal structures).

Conclusions. The study concludes that collective consciousness constitutes a systemic property of large human groups, characterized by autonomy and self-preservation, requiring an interdisciplinary approach for comprehensive investigation.

Keywords: collective consciousness, species transition, sociogenesis, neurocognitive development, collective intelligence, archetype, sign-symbolic system, cultural-historical theory, social brain, agent of the noosphere.

Аннотация: Актуальность. В статье рассматривается гипотеза о возникновении коллективного сознания как ключевого фактора, обусловившего технологическое и социальное развитие человечества, начиная с периода неолита.

Цель. Проведение анализа необходимых и достаточных условий для формирования коллективного сознания.

Выборка. Сопоставляются культурно-историческая теория Л.С. Выготского, аналитическая психология К.Г. Юнга, историко-антропологический подход Ю.Н. Харари, социальная нейронаука М. Либермана и учение о ноосфере В.И. Вернадского.

Методы. Применяя методы структурного анализа и теоретического синтеза рассматриваемых концептуальных систем, проводится сравнительный анализ феноменов индивидуального сознания, коллективного сознания и коллективного интеллекта, с целью выявления ранее не артикулированного элемента ноосферной организации — коллективного сознания как самостоятельного агента.

Результаты: на основе историко-культурного материала прослеживается эволюция коллективных представлений от анимизма к монотеизму. Выявлены ключевые параметры формирования коллективного сознания как фактора эволюции: количественный (критическая численность популяции), качественный (достаточный уровень нейрокогнитивного развития, включая «социальный мозг») и временной (длительная передача культурных паттернов, формирование знаково-символической системы и архетипических структур).

Выводы. Делается вывод о том, что коллективное сознание представляет собой системное свойство больших человеческих групп, обладающее признаками автономности и самосохранения, а его изучение требует применения междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: коллективное сознание, смена вида, нейрокогнитивное развитие, архетип, знаково-символическая система, социальный мозг, агент ноосферы.

Введение

Современный этап технологического развития, берущий начало в промышленной революции XVIII века, актуализирует вопрос о факторах, определяющих эволюцию вида *Homo sapiens*. В то время как футурологические концепции часто акцентируют внимание на киборгизации или дигитализации индивидуально-го сознания, вопрос о глубинных причинах подобного ускорения эволюции вида *Homo sapiens* остается открытым.

Одним из вероятных факторов, наряду с ростом численности популяции, могло стать формирование нового системного качества – коллективного сознания. Как отмечал В.И. Вернадский, человечество в своем развитии представляет собой не просто биологическую популяцию, но геологическую силу, преобразующую планету. Данное исследование ставит целью определение критериев, позволяющих говорить о возникновении коллективного сознания как эмерджентного свойства больших человеческих групп.

Методы

Исследование базируется на интегративном подходе, сочетающем структурный анализ и теоретический синтез культурно-исторической теории Л.С. Выготского, аналитической психологии К.Г. Юнга, историко-антропологической концепции Ю.Н. Харари, социально-нейробиологического подхода М. Либермана и учения о ноосфере В.И. Вернадского. Методом сравнительного анализа исследуются структурно-функциональные характеристики индивидуального сознания, коллективного сознания и коллективного интеллекта, что позволяет эксплицировать коллективное сознание как самостоятельный агент ноосферной эволюции по В.И. Вернадскому.

Результаты

В ходе проведенного исследования выявлены следующие закономерности формирования коллективного сознания. Рабочая гипотеза исследования постулирует, что генезис коллективного сознания детерминирован конвергенцией трех ключевых параметров, которые в макроэволюционной перспективе репрезентируют последовательные стадии становления ноосферы [1, с. 412–415]:

1. Количественный критерий. Наличие критической массы популяции (порядка ~1 млн особей и более), что создает потенциал для сложных сетевых взаимодействий. Робин Данбар в своих исследованиях показал, что размер социальной группы у приматов коррелирует с объемом неокортекса, при этом для *Homo sapiens* опти-

мальный размер устойчивой социальной группы составляет около 150 человек («число Данбара») [7, с. 89–92]. Однако переход к более крупным сообществам требует качественно иных механизмов социальной интеграции [5, с. 156–159].

2. Качественный (нейробиологический) критерий. Достижение определенного уровня сегментации мозга и развитых нейрокогнитивных структур, позволяющего оперировать абстрактными символами и участвовать в распределенной мыслительной деятельности. Ключевую роль здесь играет «социальный мозг» – термин, введенный М. Либерманом для обозначения специфических нейронных сетей (включая медиальную префронтальную кору, височно-теменной узел, предклинье), настроенных на социальное обучение, взаимодействие и понимание психического состояния других [10, с. 58–63].

М. Либерман убедительно доказывает, что эти структуры являются «настройкой по умолчанию» для человеческого мозга: когда мы не заняты конкретной задачей, мозг автоматически переключается на социальное мышление [10, с. 75–81]. Этот нейробиологический аппарат является субстратом для усвоения культурных кодов и формирования того, что Л.С. Выготский называл высшими психическими функциями [2, с. 145–148].

3. Временной (структурный) критерий. Существование указанных условий на протяжении нескольких поколений, необходимого для формирования устойчивой знаково-символической системы. По Л.С. Выготскому, именно знак выступает культурным медиатором, преобразующим натуральные психические функции в культурные. Слово становится средством произвольного направления внимания, абстрактного мышления и волевого поведения [3, с. 267–274].

Параллельно происходит кристаллизация архетипов коллективного бессознательного. К.Г. Юнг определял архетипы как универсальные, врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного [12, с. 64–67]. Они выступают глубинными психологическими паттернами, наполняющими символические системы универсальным содержанием [4, с. 154–158]. Дж. Ш. Болен продемонстрировала, как архетипы античных богов продолжают функционировать как внутренние драйверы поведения и социальных ролей в современном обществе [8, с. 28–35].

Именно третий критерий является системообразующим, однако он реализуется через второй. «Социальный мозг» (М. Либерман) выступает биологическим интерфейсом, через который индивид интериоризирует знаково-символическую систему (Л.С. Выготский), черпающую свои универсальные сюжеты из архетипического фундамента (К.Г. Юнг). Таким образом, архетип (К.Г. Юнг,

Дж.Ш. Болен), знак (Л.С. Выготский) и «социальный мозг» (М. Либерман) в совокупности образуют неразрывную триаду: биологический механизм, глубинный психологический паттерн и культурно-историческое орудие, совместно конституирующие коллективное сознание – ту самую «мысль», которая, по В.И. Вернадскому, преобразует биосферу в ноосферу.

Отсутствие хотя бы одного из этих условий, как показывают примеры изолированных сообществ [3, с. 312–315], препятствует переходу на новый уровень социальной организации и эффективности.

Эволюция психики и социальной организации: от общины к ноосфере

Сравнительный анализ с предшествующими гоминидами (например, неандертальцами) демонстрирует, что их когнитивный аппарат был в большей степени ориентирован на решение узкопрактических задач индивидуального выживания [15, с. 387–392]. Как отмечает А.В. Марков, увеличение объема мозга у неандертальцев коррелировало преимущественно с объемом операционных действий, выполняемых индивидом автономно, тогда как у *Homo sapiens* наблюдается иная траектория – развитие именно социально-когнитивных способностей [15, с. 401–407].

Переход к виду *Homo sapiens* ознаменовался возникновением новых социальных структур. При численности общин, превышающей ~150 человек, возникает феномен коллективного интеллекта, основанный на разделении труда. Переход от небольших групп к крупным общинам, как отмечает Ю. Н. Харари, стал возможен благодаря способности *Homo sapiens* конструировать и совместно верить в интерсубъективные реальности – общие мифы, которые не существуют вне коллективного воображения [9, с. 27–31].

Эти «мифы» (религии, государства, корпорации, деньги, права человека) являются проявлением формирующегося коллективного сознания, где архетипы предоставляют универсальный каркас [12, с. 89–94], а знаково-символические системы – их культурно-специфическое наполнение, усваиваемое через механизмы социального мозга [10, с. 112–118]. Этот процесс можно рассматривать как ранние этапы кристаллизации ноосферы – сферы разума, которая, по Вернадскому, представляет собой новое геологическое явление на нашей планете [1, с. 478–485].

Эволюцию этого процесса можно представить следующим образом:

Этап 1 (Анимизм). Опосредованное взаимодействие с миром через персонификацию сил природы. Л. Леви-Брюль характеризовал первобытное мышление

как «дологическое», основанное на принципе партиципации (сопричастности), когда границы между субъектом и объектом размыты [11, с. 78–84]. Зарождающиеся архетипы проецируются вовне, на природные объекты и явления [11, с. 112–117].

Этап 2 (Политеизм). Качественный скачок. Архетипы кристаллизуются в антропоморфных божествах, каждое из которых воплощает определенный аспект человеческой психики и социального опыта [8, с. 58–65]. Как показывает Дж.Ш. Болен на примере греческого пантеона, боги-архетипы (Зевс, Гера, Афина, Афродита и др.) становятся ядром знаково-символической системы, организующей социальную жизнь [8, с. 89–96]. Социальный мозг обеспечивает эффективную передачу этих сложных мифологических конструкций через ритуалы, нарративы и социальное обучение [10, с. 145–152].

Этап 3 (Монотеизм и идеологии). Дальнейшая абстракция. Заключительный этап формирования коллективного сознания, по-видимому, произошел около 8000 лет назад, ознаменовав эпоху неолита и возникновение первых цивилизаций [5, с. 198–203]. Единый Бог или светские идеологии становятся центральными символами, объединяющими огромные популяции.

Как показывает Ю.Н. Харари, именно такие «общие мифы» позволяют миллионам незнакомцев эффективно кооперироваться в рамках государств, империй и религиозных общин [9, с. 156–162]. Христианство, ислам, буддизм, а позднее – либерализм, коммунизм, национализм – все эти системы представляют собой мощные коллективные сознания, способные координировать действия миллиардов людей.

Этот этап знаменует собой становление мощных, глобальных потоков в ноосфере, где коллективное сознание начинает оказывать обратное влияние на биосферу в масштабах, предсказанных В.И. Вернадским [2, с. 89–95].

Информационные и системные аспекты коллективного сознания

Индивид не формируется в изоляции, его сознание конституируется через интерфейсы социального взаимодействия (аудиальные, визуальные, тактильные). Как подчеркивал А.Р. Лурия, развивая идеи Л.С. Выготского, сознание имеет системное строение и социальное происхождение [13, с. 45–51]. Язык не просто средство коммуникации, но инструмент формирования самого сознания [13, с. 89–97].

В данном контексте уместна аналогия с многопоточными процессами в информатике, например, задача об «обедающих философах». Отдельный индивид в социуме может находиться в одном из состояний: «размышле-

ние» (актуализация и приобретение компетенций), «действие» (реализация компетенций) или «блокировка» (кризис, вызванный невозможностью действовать из-за недостатка ресурсов или компетенций).

Коллективное сознание, будучи эмерджентным свойством системы, не сводится к сумме индивидуальных сознаний, но подчиняется принципам детерминизма и системной целостности. Э. Дюркгейм, один из основоположников социологии, утверждал, что коллективные представления обладают собственной реальностью и оказывают принудительное воздействие на индивидов [7, с. 78–84]. Согласно этого же принципа мы не можем признавать наличие коллективного бессознательного К.Г. Юнга в отрыве от непосредственно сознания [12, с. 112–118].

Ключевым отличием коллективного сознания от коллективного интеллекта (например, крупной корпорации или научного сообщества) является наличие экзистенциального измерения – страха небытия и стремления к самосохранению. Это подтверждается анализом тоталитарных идеологий XX века, где доминировала не прагматическая логика, а именно экзистенциальная риторика «выживания за счёт уничтожения другого» [6, с. 223–229].

Х. Арендт в своем фундаментальном исследовании показала, что тоталитарные режимы апеллировали к глубинному страху распада коллективной идентичности, конструируя образ внешнего врага как экзистенциальной угрозы [6, с. 367–374]. Этот механизм коренится в нейробиологии социального мозга: согласно М. Либерману, стремление к социальной связи является первичной потребностью, а социальная боль и награда обрабатываются теми же нейронными контурами, что и физическая боль, и удовольствие [10, с. 201–207].

При этом, подобно нейронным сетям, обладающим свойством нейропластичности, коллективное сознание демонстрирует способность к компенсации и восстановлению после потерь (демографических, идеологических). Идеи, религии, государства не могут быть тотально уничтожены, но лишь ассимилированы или трансформированы [14, с. 145–151]. К. Доусон убедительно показал, что религиозные традиции обладают поразительной устойчивостью и способностью к адаптации, сохраняя свое ядро на протяжении тысячелетий [14, с. 198–205].

Важно отметить, что индивид может одновременно участвовать в нескольких «сознаниях» (профессиональном, национальном, религиозном, фанатском). Это объясняет, почему индивид так глубоко погружен в «символическое поле» (Л.С. Выготский), структурированное архетипами (К.Г. Юнг). Угроза исключения из коллектива или распада его знаково-символической системы воспринимается на нейробиологическом уровне как угроза выживанию [10, с. 267–273].

Коллективное сознание, таким образом, обладая свойствами самореферентной системы, является активным агентом в ноосфере. Его экзистенциальное измерение, проявившееся в тоталитарных идеологиях XX века, коренится не только в культурном, но и в глубоком нейробиологическом страхе «социальной боли», связанной с утратой принадлежности к общей символической системе. В то же время, его созидательный потенциал, направленный на кооперацию и генерацию знаний, является главной движущей силой ноосферогенеза [1, с. 512–518].

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что коллективное сознание является сложной многоуровневой реальностью. Синтез подходов Л.С. Выготского (знаково-символическое опосредование), К.Г. Юнга и Дж.Ш. Болен (архетипическое наполнение), Ю.Н. Харари (интерсубъективные мифы), М. Либермана (нейробиология социального мозга) и, что принципиально важно, В.И. Вернадского (ноосфера как планетарный контекст) позволяет создать целостную модель его генезиса и функционирования.

Ключевым выводом является то, что коллективное сознание представляет собой не просто социально-психологический феномен, но и фундаментальный элемент перехода биосферы в ноосферу. Оно конституируется и воспроизводится через динамическую связь между глубинными архетипами, исторически изменчивыми знаково-символическими системами, биологически обусловленным «социальным мозгом» и проявляет себя как геологическая сила в рамках ноосферы.

Его изучение требует преодоления редукционистских подходов, будь то сведение общества к психологии масс или сознания – к активности нейронов [13, с. 234–241]. Природа, как правило, реплицирует успешные паттерны, и структура коллективного сознания, вероятно, является макро-уровневым повторением структур сознания индивидуального [15, с. 456–462].

В этой связи методология его исследования должна быть междисциплинарной, включая инструментарий нейронаук, социологии, антропологии и теории сложных систем [7, с. 267–273].

Практическое применение

Дальнейшие исследования в этом направлении могут позволить разработать эффективные механизмы управления социальными процессами и предотвращения деструктивных конфликтов, проистекающих из экзистенциальных противоречий между различными коллективными сознаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 576 с. – ISBN 5-8112-0481-1.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – 352 с. – ISBN 5-87604-097-5.
3. Деревянко, А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии / А.П. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 328 с. – ISBN 978-5-7803-0203-5.
4. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг; пер. с нем. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с. – ISBN 5-7664-0462-6.
5. Данбар, Р. Груминг, сплетни и эволюция языка / Робин Данбар; пер. с англ. Е. Валявко, Е. Ламановой. – Москва: АСТ, 2016. – 336 с. – ISBN 978-5-17-096331-6.
6. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Ханна Арендт; пер. с англ. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-010-3.
7. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм; пер. с фр. – Москва: Канон, 1995. – 352 с. – ISBN 5-88373-023-3.
8. Болен, Дж. Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Джин Шинода Болен; пер. с англ. Г. Бардиной. – Москва: ИД София, 2005. – 272 с. – ISBN 5-9550-0525-0.
9. Харари, Ю.Н. *Sapiens*. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари; пер. с англ. Л. Сумм. – Москва: Синдбад, 2016. – 520 с. – ISBN 978-5-906837-11-8.
10. Либерман, М. Социальность. Почему наш мозг запрограммирован на общение / Мэтью Либерман; пер. с англ. М. Бендет. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2015. – 386 с. – ISBN 978-5-91671-482-7.
11. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Люсьен Леви-Брюль; пер. с фр. – Москва: Академический проект, 2015. – 430 с. – ISBN 978-5-8291-1706-1.
12. Юнг, К.Г. Коллективное бессознательное / К.Г. Юнг; пер. с нем. – Москва: АСТ, 2020. – 352 с. – ISBN 978-5-17-122632-4.
13. Лурия, А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е.Д. Хомской. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
14. Доусон, К. Религия и культура / Кристофер Доусон; пер. с англ. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 281 с. – ISBN 5-89329-266-6.
15. Марков, А.В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа / А.В. Марков. – Москва: АСТ: CORPUS, 2011. – 512 с. – ISBN 978-5-271-36294-

© Легостаева Екатерина Сергеевна (lennylen@mail.ru), Преснецов Евгений Евгеньевич (presnetsov.evgeniy@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПРИЯТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ БАРЬЕРОВ В СИТУАЦИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВЕЩАНИЙ В КОМПАНИИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ)

Мыльников Егор Александрович
Аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена
egormylnikoov@gmail.com

PERCEPTION OF COMMUNICATION BARRIERS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION SITUATIONS (BASED ON MEETINGS IN A CONSUMER ELECTRONICS)

E. Mylnikov

Summary: The article presents the results of a study of the perception of communicative barriers in professional communication situations by senior and line managers using qualitative research methods, including questionnaires, case studies, and socio-psychological training. The study involved 27 participants, including managers and specialists in the fields of consumer electronics and information technology. The findings can be used in additional education systems and corporate training programs to enhance business communication skills.

Keywords: Communication, communication barrier, professional communication, overcoming barriers, preparation and holding of a meeting.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования особенностей восприятия коммуникативных барьеров в ситуациях профессионального общения руководящего и линейного персонала по методологии качественных исследований с применением анкетирования, кейс-технологии и социально-психологического тренинга. В исследовании участвовало 27 человек: руководителей и специалистов из области производства потребительской техники и информационных технологий. Результаты, полученные в процессе исследования, могут быть использованы в системах дополнительного образования, для разработки программ корпоративного обучения, посвященных развитию навыков делового общения.

Ключевые слова: Коммуникация, коммуникативный барьер, профессиональное общение, преодоление барьеров, подготовка и проведение совещания.

Изучение коммуникативных барьеров в ситуациях профессионального общения актуально по ряду причин. Во-первых, из-за интенсивности информационного перенасыщения. Развитие информационных и коммуникационных технологий серьезно опережает развитие человеческого восприятия, которое отвечает за адекватную обработку информации. С течением времени этот разрыв становится все более ощутимым, снижая общий уровень концентрации человека, что в свою очередь ухудшает коммуникацию между сотрудниками. Во-вторых, из-за разнообразия каналов коммуникаций. Информирование сотрудников происходит с помощью множества средств и инструментов: корпоративная почта, образовательные порталы, мессенджеры, системы управления задачами, устные совещания и телефонные звонки. Такое изобилие источников замедляет обмен информацией и затрудняет приоритизацию задач, создавая дополнительные препятствия для взаимопонимания внутри трудового коллектива. В-третьих, в силу влияния социально-психологических и культурных особенностей. К их числу можно отнести феномен групповых эффектов, оказывающих влияние на коллективное

взаимодействие. Например, эффект «мы и они» может создавать сложности в общении кросс-функциональных команд, вызывая чувство отчужденности по отношению к малознакомому коллективу. Кроме этого, в ходе деловых бесед на сотрудников оказывают воздействие их эмоциональное состояние, личные предубеждения и стереотипы, которые создают помехи для эффективного общения. Всё это может привести к снижению продуктивности сотрудников и даже к возникновению конфликтов.

Особенно остро все вышеперечисленные проблемы ощущаются во время деловых совещаний трудового коллектива, что нам удалось прочувствовать в процессе наблюдения за ходом собраний в одной из компаний по производству потребительской электроники и информационных технологий (по просьбе компании её название в статье не упоминается). Наше взаимодействие с компанией не ограничилось только наблюдением за ходом совещаний. Мы решили помочь руководителям и работникам улучшить процесс проведения совещаний, для чего провели эмпирическое исследование. Целью

исследования стала разработка специальной образовательной программы, способствующей преодолению коммуникативных барьеров во время совещаний. Его основными задачами было проанализировать какие коммуникативные барьеры мешают руководителям доносить информацию до подчиненных и выявить каким образом можно снизить их воздействие. На наш взгляд, возникающие коммуникативные барьеры можно преодолеть с помощью внедрения структурированных форматов совещаний. Ниже мы подробно изложим ход, методы, содержание и результаты нашего эмпирического исследования.

Прежде чем переходить непосредственно к нашему исследованию, стоит проанализировать основные термины, на которых оно базируется. В частности, особое значение имеют такие понятия как коммуникация и коммуникативные барьеры. Под коммуникацией мы понимаем взаимодействие двух и более индивидов посредством вербальных и невербальных каналов с целью получения и обмена опытом, знаниями и чувствами. В процессе коммуникации, отдельный человек может воздействовать на другого, влиять на его мотивацию, действия и принятие решений [3, с. 6]. Из этого следует, что для всякого процесса коммуникации присущи такие элементы, как: отправитель, задача которого оказать воздействие на того, кому он посылает какую-то информацию, сообщение, то есть закодированные и осмысленные данные, которые необходимо передать, средства или каналы коммуникации, под которыми понимаются инструменты при помощи которых передаётся информация (например, беседа, пресса, радио и т.п.) и получатель, тот кому направлено сообщение [2, с. 139-148].

В деловой среде коммуникация играет решающую роль, ведь от неё зависит качество планирования задач, скорость обучения сотрудников и благоприятный микроклимат в коллективе. При этом у деловой коммуникации есть своя специфика, которая обусловлена корпоративной этикой и некоторыми стандартами деловой культуры. От обычной коммуникации деловую отличает строгая регламентированность, детерминированность и в определённой степени системность [8, с. 5]. В профессиональной среде преимущественно используется вербальная коммуникация, которая представляет собой использование устного или письменного языка для передачи информации [5, с. 47]. В ходе делового общения часто возникают ситуации, когда информация, передаваемая от одного человека к другому, воспринимается неправильно, искажено. Причиной этого являются различные преграды, которые препятствуют эффективной коммуникации, приводят к коммуникационным неудачам [7, с. 18]. Эти преграды и называют коммуникативными барьерами.

Под коммуникативными барьерами в самом общем

виде принято понимать «психологические трудности, возникающие в процессе общения, служащие причиной конфликтов, или препятствующие взаимопониманию и взаимодействию» [4, с. 404]. Они возникают по ряду причин, могут носить как социальный, так и психологический характер [1, с. 1]. В зависимости от причины возникновения выделяют несколько видов коммуникативных барьеров в рамках делового общения. Обратимся к классификации, предложенной кандидатом психологических наук, Кустовой Еленой Ивановной: 1) Информационно-дефицитный барьер. Он возникает из-за неясности передаваемой информации в результате чего, передаваемая мысль воспринимается не так, как задумывал её отправитель. 2) Замещающе-искажающий барьер. Он появляется в том случае, если информация была передана чётко, но смысл сообщения был понят неправильно. 3) Эмоциональный барьер. Под воздействием переживаемых эмоций слова собеседника могут толковаться неверно. 4) Барьеры непонимания. Могут возникнуть в силу языковых различий, дефектов речи, не соответствия стиля и ситуации общения и т.п. 5) Социально культурные различия. Из-за различия политических, социальных, религиозных и др. взглядов собеседников, они могут по-разному воспринимать одну и ту же информацию [6, с. 74-76]. Все вышеперечисленные коммуникативные барьеры могут негативно влиять на профессиональное общение в трудовом коллективе, снижать продуктивность деятельности сотрудников.

Теоретические основы изучаемой проблемы, позволили определить направление нашего исследования, которое проходило в несколько этапов.

1 этап – наблюдение. На данном этапе мы анализировали служебные документы и должностные инструкции руководителей и сотрудников компании, а также наблюдали за процессом проведения дистанционных совещаний. По итогам наблюдений мы можем констатировать следующее: совещания в фирме проходят на регулярной основе, а их организация и проведение являются прямой обязанностью руководителей, что указано в должностной инструкции. При этом в служебной документации отсутствуют рекомендации, которые касаются организации коммуникативного поведения. Сами встречи практически всегда начинаются в заранее запланированное время, в редких случаях бывают задержки. В то же время, как правило, отсутствует четкий план встречи, что приводит к определённой стихийности при её проведении, неконкретным, размытым итогам, в результате чего не до конца ясно, каким должен быть порядок действий у сотрудников после совещания.

2 этап – анкетирование. В дальнейшем, мы разработали и провели анкетирование среди руководителей и сотрудников компании с целью выяснить с какими трудностями во время совещаний они сталкиваются. В

опросе приняло участие 27 человек, 7 из которых являются руководителями. В анкете были как закрытые вопросы, где респондентам требовалось выбрать ответ из предложенного списка, так и открытые, где отвечающие должны были оставить собственный комментарий. На вопрос «Сколько в среднем встреч у вас за одну неделю» 48% опрошенных ответили 10-15, 37% выбрали вариант «меньше 10», у отдельных сотрудников количество встреч в неделю варьируется от 15 до 30. Как мы видим, деловые совещания проходят достаточно часто, в среднем по два раза на день. При ответе на следующий вопрос «Что в текущем формате проведения встреч вас не устраивает больше всего?» можно было выбрать несколько вариантов ответов. Львиную долю опрошенных (78%) не устраивает, что вовремя совещаний много времени тратится на сторонние обсуждения, которые не касаются темы собрания. Большой процент (59%) респондентов вовсе считает, что некоторые встречи носят чисто формальный характер. Примерно каждый третий опрошенный (33%) после встречи не понимает, какими должны быть его дальнейшие действия после совещания. Часть сотрудников (15%) жалуется на технические сложности при проведении дистанционных совещаний, а именно на проблемы со связью. Ответы на этот вопрос заставляют задуматься о целесообразности проведения большого количества совещаний, по крайней мере в существующем формате. Последний вопрос был открытым и звучал следующим образом: «Опишите своими словами, что поможет проводить совещания эффективнее?». Большинство опрошенных сошлись во мнении, что для успешного проведения совещаний должна быть конкретная андженда встречи, т.е. заранее необходимо обозначить круг вопросов и проблем, которые планируется обсудить. Часть опрошенных ратует за введение «минуток», т.е. протоколов встреч, в которых фиксируется главная информация по итогам совещаний, а в дальнейшем распространяется среди сотрудников. Такая мера поможет четче зафиксировать главные вопросы, которые обсуждались во время совещания, поможет сотрудникам понять их дальнейшие действия по решению обозначенных проблем.

Таким образом, на этапе анкетирования нами было выявлено, что одной из доминирующих коммуникативных преград стало отсутствие плана встречи. Это приводило к тому, что во время совещаний много времени тратилось на обсуждение сторонних вещей, часть встреч превращалась в беседу обо всём и носила скорее формальный характер. Выявив доминирующий коммуникативный барьер в компании, мы стали искать пути его преодоления.

3 этап – разработка и проведение тренинга. Для решения обозначенных выше проблем, мы решили провести с сотрудниками компании два занятия (по часу каждое), на которых попытались сделать акцент на том, что

качественно подготовленные встречи – основа деловой коммуникации, потому что благодаря им у всех участников формируется единое видение обсуждаемых вопросов. Свою программу мы назвали «Без лишних слов», что как нельзя лучше отражает основной посыл наших занятий. Сами занятия проходили по следующему плану: 1) подготовка, 2) проведение, 3) результат.

На этапе подготовки, можно условно назвать его вводным, мы совместно с сотрудниками компании пытались понять, каким образом у них проходят совещания и что с ними не так. Мы решили пойти дедуктивным путём, от общих моментов к частным вопросам. В самом начале занятия участникам встречи было предложено в группах составить список из трёх монстров, которые мешают продуктивному общению на совещаниях, придумать для каждого из них смешное имя, после чего выбрать самого жуткого и объяснить, чем он опасен. Метод мозгового штурма в сочетании с непринужденной, отчасти шуточной формулировкой задания, позволил включить в процесс занятия всех участников встречи, способствовал формированию непринужденной атмосферы, а также дал возможность сотрудникам компании увидеть моменты, которые могут снижать эффективность их труда. Далее, для наглядной демонстрации существующих проблем во время совещаний в компании, мы познакомили работников с результатами анкетирования и обсудили их. В ходе обсуждения мы пришли к выводу, что для эффективного проведения совещаний необходимо заранее к ним готовиться, составлять план встречи, придумывать список вопросов.

На этапе проведения мы пытались отработать необходимые навыки и умения для повышения эффективности совещаний. Для упрощения процесса подготовки и проведения совещаний мы предложили участникам встречи использовать следующий алгоритм: цель – приглашение – план – проведение – завершение. 1) Цель. Прежде чем назначать совещание стоит определиться с какой целью оно проводится? Какого результата мы хотим добиться? Можно ли обойтись без встречи? Ответы на эти вопросы помогут сформулировать повестку дня, а также укажут на целесообразность проведения совещания. 2) Приглашение. Многие руководители не придают значения тому, как они оповещают сотрудников о грядущей встрече, зачастую просто ограничиваясь коротким письмом с временем проведения будущего совещания. Между тем, если приглашение уже содержит андженду встречи, это заранее упрощает восприятие информации сотрудниками компании, превращает участников встречи из пассивных в активных слушателей, позволяет преодолеть ряд коммуникативных барьеров. Поэтому на занятиях мы много времени посвятили именно вопросу подготовки приглашений на совещание. Совместно с участниками встречи мы рассмотрели примеры плохих и хороших писем, а в дальнейшем посредством кейс-

технологии сотрудники самостоятельно попытались составить такое приглашение. 3) План. Чёткий план совещания позволит сэкономить время его проведения, избежать пространных обсуждений не по теме. Для его подготовки стоит составить список вопросов, на обсуждение каждого из них отвести определённое количество времени. 4) Проведение. В процессе самого совещания важно ещё раз обозначить план встречи и ожидаемый результат, а также стремиться к тому, чтобы все участники высказались. 5) Завершение. В конце встречи необходимо ответить на следующие вопросы: какое решение принято? Кто отвечает за его выполнение? Когда это должно быть сделано? Для закрепления итогов совещания уже после его проведения стоит разослать всем его участникам письмо с протоколом встречи.

В конце занятий, мы обобщили всё о чём говорили в течение 2-х часов. Для закрепления пройденного, нами был создан специальный бот в кроссплатформенном мессенджере Telegram. В этом приложении содержатся три урока, которые в лаконичной и доступной форме передают информацию о том, как эффективно проводить встречи, рекомендации продуктивного-онлайн общения, советы для модераторов. На просмотр каждого урока требуется около трёх минут. По сути, в приложении содержатся памятки, на которые могут опираться сотрудники компании в процессе подготовки и проведения совещаний. Такой формат очень удобен, ведь телефоны всегда находятся под рукой, что позволяет сотрудниками пользоваться нашим приложением в любой момент времени.

4 этап – рефлексия. Для того чтобы оценить эффективность наших занятий мы составили очередную анкету и попросили участников встречи пройти её. Сотрудникам предлагалось оценить уровень практической пользы занятий по десятибалльной шкале. В результате, 81% опрошенных поставили максимальную оценку, по 7% выставили за занятие 7 и 9 баллов, а 4% поставили 8 баллов. На вопрос «Что в своей работе вы теперь будете делать по-другому?» было много разнообразных ответов, приведём наиболее тенденциозные из них. Так, в будущем сотрудники планируют заранее составлять чек-лист встречи, делать приглашения более содержательными, устанавливать тайминг на обсуждения, яснее формулировать цели и результаты. Также опрошенным предлагалось по десятибалльной шкале оценить уровень своей вовлеченности во время занятий, а также качество работы тренера. 70% респондентов оценили уровень своей вовлеченности на максимальный балл, остальные оценили его на 8-9 баллов. Качество же работы тренера участники опроса почти единодушно (96%) оценили на максимум. В заключении респондентам предлагалось описать моменты со встречи, которые им понравились и которые следует улучшить. Из понравившегося опрошенные выделяли разбор реальных кейсов, полезное

приложение, лёгкость и доступность информации, приятную атмосферу во время занятий, сочетание теоретических и практических заданий, разбор реальных ситуаций. Из неудачных моментов респонденты выделили некоторые технические проблемы при проведении занятия, неудачный выбор аудитории, трудности в организации рабочих групп, мало практических упражнений, лайфхаков и примеров. Из данных опроса следует, что разработанная нами программа понравилась участникам встречи и оказалась для них продуктивной. Благодаря занятиям сотрудники фирмы узнали возможные пути повышения эффективности проведения совещаний, часть из которых они уже стали использовать. Стоит также обратить внимание на негативные моменты во время занятий. Они в основном касаются организационных компонентов и, думаем, что при должной подготовке могут быть легко устранены в будущем.

Подведём итоги. В профессиональном общении неизбежно возникают коммуникативные барьеры. Они могут проявиться в следствие культурных и языковых различий, эмоционального состояния сотрудников, искажения и неточности передаваемой информации. В процессе анализа документации и наблюдением за ходом совещаний в компании по производству потребительской электроники и информационных технологий мы выявили доминирующую коммуникативную преграду между руководителями и сотрудниками, которая проявлялась в отсутствие подготовки к встречам. Это приводило к тому, что повестка встречи не всегда была ясна, обсуждения уходили в сторону от основного вопроса и затягивались, по итогам совещания оставался не понятен дальнейший порядок действий сотрудников. Анкетирование, проведенное нами среди сотрудников, лишь подтвердило наши наблюдения. Для преодоления существующих в компании коммуникативных барьеров нами была разработана и проведена программа, состоящая из двух занятий по одному часу. В рамках занятий сотрудники в теории и на практике познакомились с возможными путями повышения эффективности совещаний. Для закрепления пройденного материала нами было создано специальное приложение, содержащее алгоритм действий при подготовке и проведении совещаний. Это приложение сохранилось у сотрудников компании и теперь они могут им воспользоваться в любой удобный момент. Участники встречи высоко оценили качество занятий, часть из того, что было на тренинге они уже активно используют в работе. На наш взгляд, разработанная нами программа универсальна и может быть использована для корпоративного обучения в различных фирмах, а также в образовательных учреждениях. Вместе с тем, она требует дополнительной апробации для того, чтобы убедиться в достоверности, надежности и значимости полученных результатов, а также устранения возможных недочётов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башарова О.Г., Тимохина А.В. «Способы преодоления коммуникативных барьеров в деловом общении» / О.Г. Башарова, А.В. Тимохина. – Текст: электронный. URL: cyberleninka.ru (дата обращения 25.08.2025).
2. Василик М.А., Вершинин М.С., Павлов В.А. Основы теории коммуникации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020300 «Социология» / М.А. Василик, М.С. Вершинин, В.А. Павлов и др. – М.: Гардарики, 2006. – 615 с.
3. Горбунова М.Ю. Социальная психология: краткий курс лекций для вузов / М.Ю. Горбунова. – М.: Владос Пресс, 2006. – 222 с.
4. Исянова Д.Д. Коммуникативные барьеры и приёмы их преодоления / Д.Д. Исянова // «Экономика и социум». – 2016. - №2(21). – С. 404-407.
5. Калинина, А.В. Деловая коммуникация: Учебник и практикум для вузов / А.В. Калинина. - М.: Юрайт, 2021. - 356 с.
6. Кустова Е.И. Психология делового общения: учебное пособие / Е.И. Кустова. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – 208 с.
7. Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Коммуникативная эффективность делового общения / Л.Г. Павлова, Кашаева Е.Ю. – М.: ИНФРА-М.: РИОР, 2015. – 168 с.
8. Таратухина Ю.В. Деловая коммуникация в сфере информационных технологий: учебное пособие / Ю.В. Таратухина. – М.: «ART-менеджер», 2011. – 200 с.

© Мыльников Егор Александрович (egormylnikoov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВЯЗЬ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ И ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Набок Оксана Анатольевна

Аспирант, НОЧУ ВО «Московский институт
психоанализа»
nabok.oxana@gmail.com

THE RELATIONSHIP BETWEEN SHARED VALUES AND INTERNAL COMMUNICATION IN THE WORKING TEAM IN THE CONTEXT OF INNOVATION

O. Nabok

Summary: Background. Research on the relationship between shared values and internal communication within an organization in the context of innovation can play an important role in developing recommendations for fostering a strong corporate culture in organizations that are open to improving their processes and enhancing the quality of their products and services. This research can contribute to a deeper understanding of the factors that influence the effectiveness of innovation, which can lead to the development of more effective strategies for managing innovation projects and improving the competitiveness of organizations.

Objectives. The study of the hypothesis of the connection between common values in the workforce and the features of internal communication in it in the context of the innovative activity of the organization.

Study Participants. The sample of subjects in the practical study consisted of employees from 20 Russian companies in three industries: information technology, media, and logistics (at least 70% of the total staff).

Methods. As part of the theoretical research, a review of scientific papers devoted to the analysis of the problem was carried out, and the empirical research was conducted by analyzing correlations (correlation criterion) and conducting a comparative analysis (Kruskal-Wallis criterion).

Results. Research has confirmed that fostering shared values within an organization can lead to more effective communication and a more open approach to initiatives.

Conclusions. There is a statistically significant relationship between shared values, team cohesion, communication within the team (system of collaboration and teamwork), and openness to innovation.

Keywords: organizational culture, value-based management, team communication, innovation culture, and organizational psychology.

Аннотация: Актуальность. Исследование гипотезы о связи наличия общих ценностей и внутренних коммуникаций в трудовом коллективе в контексте инновационной деятельности может играть важную роль в разработке рекомендаций по развитию корпоративной культуры в организациях, которые открыты к совершенствованию своих процессов, повышению качества продуктов и услуг. Исследование может способствовать более глубокому пониманию факторов, влияющих на эффективность инновационной деятельности, что, в свою очередь, может привести к разработке более эффективных стратегий по управлению инновационными проектами и повышению конкурентоспособности организаций.

Цель. Исследование гипотезы о связи общих ценностей в трудовом коллективе и особенностей внутренней коммуникации в нём в контексте инновационной деятельности организации.

Выборка. Выборку испытуемых при проведении практического исследования составили сотрудники 20 российских компаний из 3 отраслей: информационные технологии, медиа, логистика (не менее 70% от общей численности штатного состава).

Методы. В рамках теоретического исследования осуществлён обзор научных трудов, посвящённых анализу проблематики, эмпирическое исследование проводилось путём анализа корреляций (критерий корреляции) и сравнительного анализа (критерий Краскала-Уоллеса).

Результаты. Исследования подтвердили, что формирование общих ценностей в трудовом коллективе может способствовать более эффективной коммуникации и открытости инициативам.

Выводы. Существует статистически значимая связь между наличием общих ценностей, сплочённостью коллектива, коммуникации в нём (системой взаимодействия и работы в команде) и открытостью инновациям.

Ключевые слова: организационная культура, управление по ценностям, коммуникации в команде, культура инноваций, социальная психология в организации.

Введение

В 21 веке эффективность, конкурентоспособность и потенциал развития организаций в большой степени зависят от слаженности и коммуникации в команде (трудовом коллективе). И корпоративная культура (как совокупность ценностей, значимых принципов, подходов и традиций, принятых в организации) является одним из важнейших факторов, от которых это зави-

сит. Согласно многочисленным исследованиям, сильная корпоративная культура организации положительно сказывается на показателях работы, способствует продуктивности и позитивному восприятию инициатив по повышению эффективности [1].

Одним из важных аспектов формирования открытой корпоративной культуры является внутренняя коммуникация. Так, О. А. Гаврилова в своей работе пишет

о том, что она играет значительную роль в создании и поддержании позитивной атмосферы, которая снижает уровень неприятия инноваций [2]. А Я.А. Николаева отмечает, что эффективная внутренняя коммуникация способствует укреплению связей между сотрудниками, повышению их включённости в рабочие процессы и, как следствие, повышению общей результативности при запуске (интеграции) процессов и проектов, связанных с инновациями [6].

Обзор научных работ также показывает, что существует взаимосвязь между характеристиками сотрудников, их идентичностью и эффективностью коммуникации в организации. В частности, было выявлено, что определённые характеристики сотрудников, их паттерны поведения, основанные на внутренних ориентирах и приоритетах, могут оказывать существенное влияние на скорость распространения информации, формирование общих целей и, как следствие, результаты работы организации, её развитие и адаптацию к меняющимся внешним условиям [3]. А такие психологические факторы играют важную роль в создании команды единомышленников — людей, которые смотрят в одну сторону и нацелены на совместное развитие [4].

Представим личность человека как сложную структуру, которая включает три измерения:

1. Личностные особенности. Черты характера, когнитивные особенности, темперамент. Они формируются в первую очередь под влиянием генетических особенностей, воспитания и опыта, приобретённого в течение жизни, и сохраняются сравнительно неизменными, хотя могут претерпеть некоторые изменения под влиянием определённых событий и открытий.
2. Ценности поколений. Связаны с контекстом исторической эпохи и определяют наше поведение в различных ситуациях и особенности построения отношений с людьми, мировоззрение и потребности.
3. Культурные коды. Среда, в которой мы живём, оказывает влияние на то, какие ценности для нас приоритетны, какую стратегию поведения мы выберем в ответ на происходящее [5].

«Стыковка» ценностей людей как важных внутренних ориентиров, приоритетов, помогают найти точки соприкосновения, создать ощущение сопричастности и формируют культуру единомышленников, основанной на доверии, открытости и взаимной поддержке [5].

Обзор научных исследований подтверждают наличие взаимосвязи между наличием в трудовом коллективе общих ценностей и качеством коммуникации. При этом внутренняя коммуникация рассматривается как важный элемент организационной культуры, влияющий на эффективность работы организации и её

инновационной деятельности. А в условиях развития цифровых технологий, когда скорость коммуникации увеличивается, от уровня взаимопонимания, основанного на общности мнений, принципов и ценностей, во многом зависит качество процессов и инициатив в организации [6, 7, 8].

Кроме того, важно отметить, что внутренняя коммуникация и корпоративная культура тесно связаны с удовлетворённостью сотрудников своей работой. Сотрудники, которые чувствуют себя частью команды и понимают цели и ценности организации, более мотивированы и продуктивны, объединяются вокруг общих целей. Это, в свою очередь, положительно влияет на общие результаты инновационной деятельности организации [5].

Исследования также показывают, что организации с сильной корпоративной культурой и эффективной внутренней коммуникацией лучше справляются с кризисами и изменениями. Они способны быстрее адаптироваться к новым условиям и находить инновационные решения возникающих проблем [7].

Связь между изучаемыми явлениями и эффективностью работы организации — вопрос, требующий всестороннего и глубокого изучения. Современные организации сталкиваются с необходимостью постоянного совершенствования своих внутренних процессов, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке. В этом контексте роль эффективной внутренней коммуникации и сильной корпоративной культуры, основанной на общих ценностях, принципах и приоритетах, становится особенно важной. Организации, которые успешно интегрируют эти элементы в свою работу, как правило, демонстрируют более высокие показатели эффективности и устойчивости.

Понимание этой связи и умение использовать её в практике управления организацией являются ключевыми факторами успеха в современных условиях.

Для анализа взаимосвязи между ценностями трудового коллектива и характером внутренней коммуникации в нём в контексте инновационного развития организации эмпирическим путём были проведены ряд опросов среди сотрудников российских организаций из разных сфер (индустрий).

Материалы и методы исследований

На этапе формирования выборки объектов эмпирического исследования были проанализированы наиболее актуальные статистические данные об организациях, чья деятельность включала в себя инновационные направления — эти данные были взяты из Российского статистического ежегодника за 2024 год [9].

По результатам анализа на текущий момент 4125 российских организаций в том или ином виде занимаются инновационной деятельностью (таблица 1).

Таблица 1.

Объём инновационных товаров, работ, услуг организаций по видам экономической деятельности в миллионах рублей на 2023 год [9]

Число организаций — всего в том числе:	4125
научно-исследовательские организации	1517
конструкторские организации	236
проектные и проектно-изыскательские организации	15
опытные заводы	30
образовательные организации высшего образования	990
организации промышленности, имеющие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	491
Прочие	846

Уровень инновационной активности этих организаций (их доля от общего числа организаций), согласно данным анализа, составляет 11,3 [9]. Получается, примерно каждая одиннадцатая организация определённым образом вовлечена в инновации.

Так как в анализе не был учтён сектор ИТ, который, как мы предполагали, должен отличаться высокой инновационной активностью, мы также воспользовались данными статистического сборника «Индикаторы цифровой экономики» за 2025 год [10]. Они показали, что уровень инновационной активности в этой отрасли — 23,1, что почти в 2 раза выше, чем согласно данным пре-

дыдущего анализа.

Другой важный сектор, который также не был исследован в статистических данных, представленных выше, — сфера услуг. Для получения данных о нём мы воспользовались статистическим сборником «Индикаторы инновационной деятельности» [11], в котором указано, что в этой отрасли уровень инновационной активности российских организаций варьируется в пределах 3,7-42,5 (рисунок 1).

На основании представленных данных наиболее релевантными для исследования гипотезы о связи ценностей трудового коллектива и внутренних коммуникаций в контексте инновационной деятельности можно считать организации из сферы ИТ и услуг, так как они показывают самые высокие (в сравнении с остальными секторами) показатели инновационной активности.

Формируя выборку организаций вышеуказанных отраслей, мы также опирались на 2 важных фактора, от которых зависел успех исследования:

1. Возможность получить данные для расчётов.
2. Отсутствие сопротивления со стороны коллектива и руководства организаций.

В конечном счёте была сформирована выборка из 20 организаций России из сферы медиа, ИТ и логистики. Объектами проводимого исследования стали мужчины и женщины 27-45 лет, являющиеся сотрудниками организаций. Среди тех, кто согласился участвовать в исследовании, мы случайным образом выбрали в общей сложности порядка 150 человек.

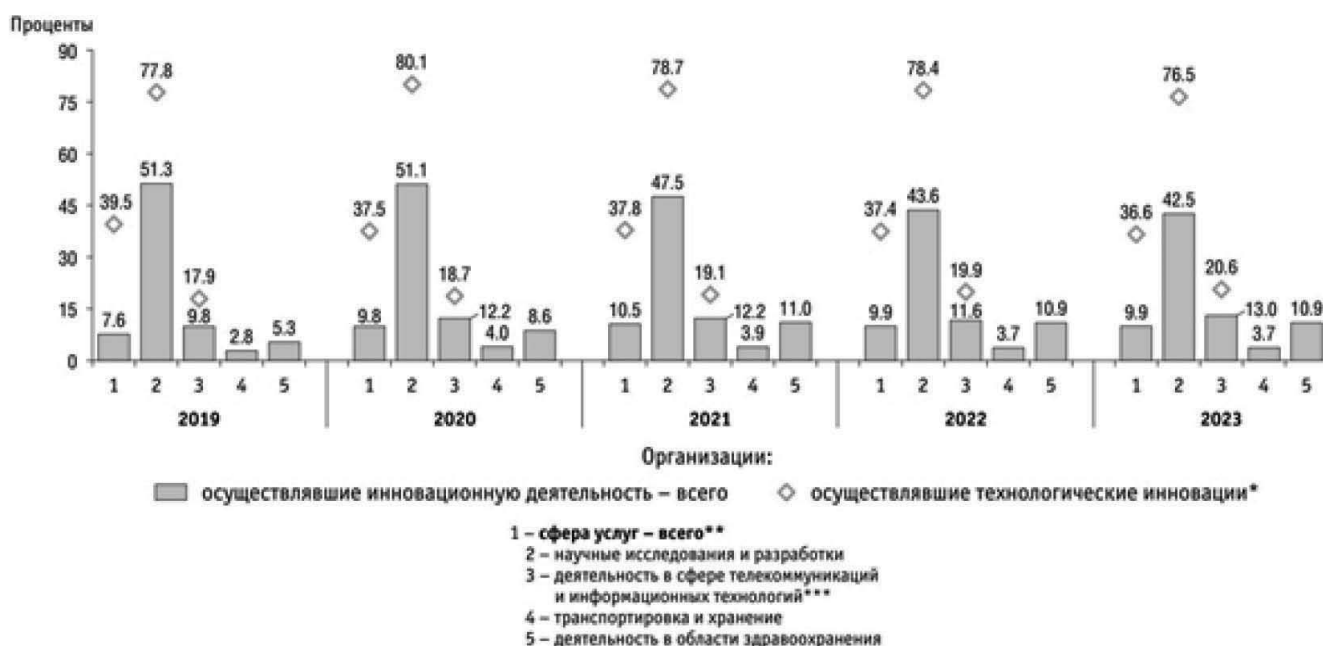

Рис. 1. Сфера услуг. Уровень инновационной активности российских организаций за 2024 год [11]

В рамках исследования был проведен сбор мнений (анкетирование) о текущей ситуации в компаниях, участвующих в исследовании, анализ основных мотивационных факторов, организационной культуры, лояльности персонала и его потребности в обучении. С этой целью этого был разработан опросник для количественного анализа гипотез о взаимосвязи различных компонентов социально-психологического климата и культуры инноваций. Опрос проводился в онлайн-режиме на независимом сайте, с целью обеспечения конфиденциальности информации.

В рамках опроса испытуемые сотрудники получили возможность давать ответы в 2 форматах:

1. Закрытый опрос. Ответы на утверждения согласно предложенной семибалльной шкале, где 1 — абсолютно согласен (согласен на 100%), 2 — согласен (согласен на 80%), 3 — скорее да, чем нет (согласен на 60%), 4 — скорее нет, чем да (согласен на 40%), 6 — абсолютно не согласен (не согласен на 100%), 7 — затрудняюсь ответить.
2. Открытый опрос. Ответы в свободной форме с возможностью написать свои пожелания и рекомендации.

Получив ответы, был посчитан средний балл по перечисленным в опроснике утверждениям (для этого поделили общее количество баллов на количество опрошенных). Так как утверждения отражали исследуемые нами показатели, после систематизации данных были получены средние баллы по 7 показателям: работа в команде (в дальнейшем будет обозначен как ценности и подходы), управление талантами, ясность стратегических целей, сила корпоративной культуры (в дальнейшем будет обозначен как взаимодействие в команде), эффективность управления, качество инноваций (в дальнейшем будет обозначен как открытость к инно-

вациям), лояльность к организации и обучение. Так как для цели описываемого исследования необходимы данные только 3 показателей, представим полученный средний балл по ним:

- ценности и подходы — 3,96;
- взаимодействие в команде — 3,51;
- открытость инновациям — 3,54.

В соответствии со шкалой опросника все 3 показателя означают, что сотрудники выражают согласие с утверждениями на 60% (скорее да, чем нет).

Также в рамках анализа была проведена социально-психологическая самооценка групп как коллективов по методике Р. С. Немова [12]. Сотрудникам испытуемых организаций был зачитан список из 70 рабочих и 5 контрольных суждений, характеризующих отношения, существующие в развитом, сформировавшемся коллективе, и предложено оценить, насколько они соответствуют отношениям в их социальной группе (коллективе), пользуясь при этом предоставленным бланком и шкалой, представленной в его верхней части. Номера суждений были обозначены в бланке вертикальными рядами цифр слева направо (рисунок 2.1). Полный список суждений представлен в приложении.

В соответствии с рекомендациями автора методики порядок работы был следующим:

- испытуемым зачитывали суждение из списка;
- испытуемые оценивали свою социальную группу (коллектив) по зачитанному суждению и выставляли справа от соответствующего ему номера выбранную оценку;
- таким образом оценивались все 75 суждений, а для тех из них, которым кто-то из испытуемых затруднялся дать оценку, он в своём бланке ставил прочерк.

Словесная оценочная шкала							
никто	почти никто	меньшинство	половина	большинство	почти все	все	затрудняюсь сказать
Количественная оценочная шкала							
0	1	2	3	4	5	6	—
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	15.
8.	9.	10.	И.	12.	13.	14.	
16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	30.
23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	
31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	45.
38.	39.	40.	41.	42.	43.	44.	
46.	47.	48.	49.	50.	51.	52.	60.
53.	54.	55.	56.	57.	58.	59.	
61.	62.	63.	64.	65.	66.	67.	75.
68.	69.	70.	71.	72.	73.	74.	

Рис. 2. 1. Бланк испытуемого к методике социально-психологической самооценки групп как коллектива Р.С. Немова [12]

Заполненные бланки (рисунок 2.1) анализировали, оценивая уровень развития 7 показателей отношений в трудовом коллективе: коллективизм, ответственность, контактность, организованность, сплочённость, открытость, информированность.

Для оценки достоверности использовались 5 контрольных суждений (крайний правый столбец в бланке на рисунке 2.1):

- если испытуемые при ответах на них выбирали вариант 0, считалось, что это добросовестный и внимательный ответ, а бланк признавался годным для последующего анализа;
- если один и тот же испытуемый давал правильные (0) и неправильные (другие варианты) ответы на контрольные суждения (но в общей сложности не более 3 разных цифр в ответе), для дальнейшего анализа использовалась только часть с верными ответами;
- если на контрольные суждения давалось более 3 разных ответов (скажем, 4, 1, 3 и 5), его также брали в дальнейшую работу.

Все годные для последующего анализа бланки разрезали на полосы по линиям столбцов. Полосы с одними и теми же показателями наклеивали на чистый лист бумаги рядом друг с другом. После этого для каждого из 70 рабочих суждений высчитывался средний балл (как и при анализе результатов опросника, о котором мы говорили выше). И на основании этих данных определялись средний балл развитости 7 показателей отношений в рабочем коллективе.

Для дальнейшего анализа в соответствии с целью исследования — выявить правдивость гипотезы — был взят показатель «сплочённость».

Результаты и обсуждения

На первом этапе статистического анализа была осуществлена оценка распределения по критерию Колмогорова-Смирнова (таблица 2).

Данная оценка проведена с целью определить, какой критерий взять за основу при дальнейшем анализе:

- для корреляционного анализа — метод корреляции Пирсона, выявляющий степень и направление линейной взаимосвязи между двумя переменными, или метод корреляции Спирмена, позволяющий измерить силу и направление монотонной связи между двумя переменными, когда измерения не соответствуют требованиям параметрической статистики;
- для сравнительного анализа — критерий различий Краскела-Уоллиса, применяемый для сравнения трёх и более независимых выборок по степени выраженности какого-либо признака при отсутствии нормального распределения данных, или дисперсионный анализ, направленный на поиск зависимостей в экспериментальных данных путём исследования значимости различий в средних значениях.

Существует так называемое эталонное распределение данных, когда преобладающая часть данных, полученных от испытуемых, сосредоточена вокруг определённого среднего значения, и доля отклонений от этого среднего значения невелика.

Оценка распределения по критерию Колмогорова-Смирнова позволяет проверить, соответствует ли распределение полученных от испытуемых данных принятому среднему значению или отличается от них. В данной интерпретации мы опираемся на уровень значимости 0,05 – превышение данного значения позволяет принять статистическую гипотезу о том, что распределение не отличается от нормального. Значение ниже 0,05 является основанием для отклонения данной гипотезы и вывода о том, что распределение отличается от нормального. По показателям сплочённости, ясности целей, открытости инновациям и эффективного управления уровень значимости $p < 0,05$, следовательно, мы делаем вывод о том, что распределение по данным шкалам отличается от нормального. Исходя из этого для дальнейшего статисти-

Таблица 2.

Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова.

Статистики критерия		Сплочённость	Наличие ценностей и подходов	Открытость к инновациям	Взаимодействие (корпоративная культура)
N		150	150	150	150
Нормальные параметры ^{a,b}	Среднее	3,4000	3,9033	3,5197	3,8531
	Стд. отклонение	,16385	,59839	,57348	,52405
Разности кстремумов	Модуль Положительные	,222	,090	,180	,095
		,222	,057	,151	,044
	Отрицательные	-,222	-,090	-,180	-,095
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		2,722	1,102	2,200	1,161
Асимпт. знч. (двухсторонняя)		,000	,176	,000	,135

стического анализа целесообразно применять непараметрические критерии (критерий корреляции Спирмена для корреляционного анализа и критерий различий Краскела-Уоллиса для сравнительного анализа) — то есть, те, в которых мы не опираемся на показатели нормальности (средние значения).

Следующим этапом анализа является поиск связей между выявленными в ходе сбора данных показателями. С этой целью применён анализ корреляций по критерию корреляции Спирмена, выбор которого мы обосновали выше. Результаты применения корреляционного анализа представлены в таблице 3, собранной на основе полученных в рамках исследования данных, которые были обработаны с помощью программы статистической обработки SPSS.

В таблице каждый из показателей проанализирован по 3 критериям:

- N — количество испытуемых, которые приняли участие в исследовании;
- Знч. 2-сторон (p) — двусторонняя значимость, определяющая статистически значимую связь (значение <0,05 говорит о наличии приемлемой статистически значимой связи, значение >0,05 говорит об отсутствии приемлемой статистически значимой связи и вероятности допустимой ошибки);
- Коэффициент корреляции (r) — связь показателей (прямая, выраженная положительным числовым значением, при котором, когда первый из показателей меняется в одну сторону — растёт или падает — второй показатель меняется в ту же сторону; или обратная, выраженная отрицательным числовым значением, при котором, когда первый из показателей меняется в одну сторону, второй

меняется в другую — скажем, если первый растёт, второй падает) и сила этой связи (определяется тем, насколько велика разница между коэффициентами корреляции для различных показателей, и может быть сильной, слабой или умеренной).

Полученные в ходе анализа данные продемонстрировали, что показатель общих ценностей и подходов статистически значимо связан со взаимодействием в команде ($r=0,938$, $p<0,05$). Связь прямая, очень сильная, то есть, чем выше показатели ценностей, тем выше показатели внутренней коммуникации в коллективе.

Также анализ выявил, что показатель открытости инновациям статистически значимо связан с ценностями ($r=0,640$, $p<0,05$), сплочённостью ($r=0,831$, $p<0,05$), взаимодействием в команде ($r=0,618$, $p<0,05$). Связь прямая, сильная и умеренно сильная, то есть, чем выше показатели ценностей, сплочённости и взаимодействия, тем выше показатели открытости инновациям.

Выводы

На основании обзора научных источников и проведенных эмпирических исследований были сделаны следующие выводы:

1. Эффективная внутренняя коммуникация способствует укреплению связей между сотрудниками, оперативному взаимодействию, повышению их включённости в рабочие процессы и, как следствие, повышению общей результативности при запуске (интеграции) процессов и проектов, связанных с инновациями.
2. Определённые характеристики сотрудников, их паттерны поведения, основанные на внутрен-

Таблица 3.

Корреляции 4 основных связей исследуемых показателей: сплочённость, наличие ценностей и подходов, открытость к инновациям, взаимодействие (корпоративная культура и внутренние коммуникации) по результатам анализа по критерию корреляции Спирмена.

Критерий/Переменные/Статистики критерия			Открытость к инновациям	Взаимодействие (корпоративная культура и внутренние коммуникации)
ро Спирмена	Сплочённость	Коэффициент корреляции	,831**	,749**
		Знч. (2-сторон)	,000	,000
		N	150	150
	Наличие ценностей и подходов	Коэффициент корреляции	,640**	,938**
		Знч. (2-сторон)	,000	,000
		N	150	150
	Взаимодействие (корпоративная культура и внутренние коммуникации)	Коэффициент корреляции	,618**	
		Знч. (2-сторон)	,000	
		N	150	

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

них ориентирах и приоритетах, могут оказывать существенное влияние на взаимодействие, скорость распространения информации, формирование общих целей и, как следствие, результаты работы организации, её развитие и адаптацию к меняющимся внешним условиям

3. Внутренняя коммуникация рассматривается как важный элемент организационной культуры, влияющий на эффективность работы организации и её инновационной деятельности. А в условиях развития цифровых технологий, когда скорость

коммуникации увеличивается, от уровня взаимопонимания и взаимодействия, основанного на общности мнений, принципов и ценностей, во многом зависит качество процессов и внедрения инициатив в организации.

4. Существует статистически значимая связь между наличием общих ценностей, сплочённостью трудового коллектива, коммуникации в нём (системой взаимодействия и работы в команде) и открытостью инновациям. Чем выше один из показателей, тем выше другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аширов, Д.А. Влияние корпоративной культуры на эффективность деятельности организации / Д.А. Аширов, Е.С. Ширяева // Менеджмент в России и за рубежом. – 2015. – №2. – С.73-80.
2. Гаврилова, О.А. Внутренняя коммуникация как фактор формирования корпоративной культуры / О.А. Гаврилова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2016. – №3. – С.134-139.
3. Иванов, М.А. Анализ взаимосвязи между характеристиками сотрудников и эффективностью работы организации / М.А. Иванов // Управление человеческими ресурсами. – 2017. – №1. – С.45-53.
4. Козлов, В.В. Психологические факторы эффективности командной работы / В.В. Козлов, А.В. Карпов // Психологический журнал. – 2017. – Т.38. – №3. – С.54-65.
5. Набок, О.А. Как «распаковать» потенциал команды: Современные подходы к мотивации на основе анализа мотивов личности и психологических потребностей / О.А. Набок // Управление персоналом. – 2025. – №14. – С. 3-17.
6. Сергеева, А.С. Изучаемые явления: анализ взаимосвязи // Организационная психология и психология менеджмента. – 2019. – Т.6, №2. – С.123-131.
7. Петрова, Е.А. Внутренняя коммуникация в контексте организационной культуры / Е.А. Петрова // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2020. – №3. – С.134-141.
8. Сидорова, А.Н. Влияние цифровых технологий на внутреннюю коммуникацию в организациях / А.Н. Сидорова // Менеджмент и цифровая трансформация. – 2021. – Т.2. – №1. – С.55-63.
9. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. [Электронный ресурс] – М.: Росстат, 2024. – С. 491.
10. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др. / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – С. 73.
11. Индикаторы инновационной деятельности: 2025: статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – С. 106.
12. Немов, Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. / Р.С. Немов. – 4-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – Кн. 3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. — С. 389-409.

© Набок Оксана Анатольевна (nabok.oxana@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПИТАНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЕДИНОБОРЦЕВ ПЕРЕД ОТВЕТСТВЕННЫМИ СОРЕВНОВАНИЯМИ

EDUCATION OF STRESS RESISTANCE OF MARTIAL ARTS COMPETITORS BEFORE RESPONSIBLE COMPETITIONS

**Yu. Pershin
A. Surkov
N. Shtukin**

Summary: The article examines in detail the factors that cause anxiety in athletes specializing in martial arts on the eve of responsible competitions, and studies have been conducted on the degree of influence of each factor on the psychological state of athletes before the start. In addition, methods are indicated that allow to increase the level of psychological competencies through which the most effective emotional state and attitude towards achieving high athletic results are achieved. The relevance of the study is due to the need to adapt the psychological state of athletes to the extreme conditions of modern sports, increase stress tolerance, as one of the main factors of the training process.

Keywords: martial arts, stress resistance, competitions, psychological training, athlete, sportsman.

Першин Юрий Лаврентьевич,

ст. преподаватель, ФГБОУ ВО МГАВМ и Б – МВА
имени К.И. Скрябина, (г. Москва)
Pershin1957@mail.ru

Сурков Александр Михайлович,

к. п. н, доцент, ФГБОУ ВО МГАВМ и Б – МВА
имени К.И. Скрябина, (г. Москва)

Штукин Николай Николаевич,

ст. преподаватель, ФГБОУ ВО МГАВМ и Б – МВА
имени К.И. Скрябина, (г. Москва)

Аннотация: В статье подробно рассмотрены факторы, вызывающие чувство тревоги, накануне ответственных соревнований у спортсменов, специализирующихся в спортивных единоборствах, проведены исследования степени влияния каждого фактора на психологическое состояние атлетов перед стартом. Кроме того, указаны методы, позволяющие повысить уровень психологических компетенций с помощью которых достигается максимально эффективное эмоциональное состояние и настрой на достижение высоких спортивных результатов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации психологического состояния спортсменов к экстремальным условиям современного спорта, повышению стрессоустойчивости, как одного из основных факторов тренировочного процесса.

Ключевые слова: спортивные единоборства, стрессоустойчивость, соревнования, психологическая подготовка, атлет, спортсмен.

Введение

Очевидно, что накануне ответственного соревнования, спортсмены в различных видах спорта различного уровня квалификации в той или иной степени подвержены стрессу. Уровень стресса у каждого атлета не всегда одинаков. Спортсмены более высокой квалификации способны контролировать уровень стресса и направлять его на максимальную концентрацию и наиболее полную мобилизацию своего потенциала. И наоборот, низкоквалифицированные спортсмены не способны полностью контролировать свои ощущения перед стартом. Задача тренера максимально эффективно спланировать психологическую подготовку спортсменов к предстоящему соревнованию с учетом индивидуальных особенностей каждого члена команды, сделать так, чтобы стресс способствовал не деструктивным переживаниям, а максимальной мобилизации всех ресурсов на достижение поставленных целей.

Материалы и методы исследования.

Материалами исследования являются научные публикации на тему психологической подготовки единоборцев. Методы исследования в научной работе включают в

себя подробный анализ архивных документов по данной тематике, анкетирование, тестирование, теоретическое обоснование и внедрение в практику предложенной методики подготовки к ответственным соревнованиям.

Проблема стрессоустойчивости единоборцев привлекала внимание многих специалистов. Авторы. Н.А. Вареников, Ю.В. Гончаренко, М.С. Сандраков. – «Психологическая подготовка в единоборствах» обращают внимание на тот факт, что «В спортивной практике тренеры в большинстве случаев основное внимание уделяют физической и технико-тактической подготовке единоборцев к соревнованиям, а психологическая подготовка проходит стихийно. Спортсмен может демонстрировать отличное владение техническими навыками на тренировках, делая все безупречно. Однако на соревнованиях не может реализовать весь свой потенциал, проигрывая часто более слабым соперникам» [3 стр.4].

Авторы А.А. Пономарева, А.В. Цинис пособия «Влияние элективных занятий единоборствами на стрессоустойчивость студентов СГМУ» отмечают «Изучая специфику активности силы воли в различных группах видов спорта, исследователи часто обнаруживают, что у представителей единоборств преобладают такие целе-

устремленность, самостоятельность, инициативность, решительность и смелость» [7 стр.43].

В статье «Психологическая подготовка спортсменов единоборств» Нестерук А.Г. анализируется значение психологической подготовки спортсменов: «Современный уровень развития единоборств и те требования, которые предъявляются к личности спортсменов, требуют максимальной мобилизации их физических и психических сил, то есть комплексной психологической подготовки для успешного выступления на соревнованиях» [9 стр.3].

В статье «Психологическая подготовка спортсменов в восточных единоборствах» Киливник И.А. отмечает, что «Психологическая подготовка является одним из значимых направлений комплексной тренировочной деятельности, наряду с технической, физической и тактической. Актуальность изучаемого модуля подготовки заключается в необходимости решения задач развития психологических компетенций спортсменов, с помощью которых достигается оптимизация психоэмоциональных состояний и высокая результативность в спорте» [4 стр.1].

Важный вклад в формирование психологической готовности и воспитание стрессоустойчивости внёс доктор психологических наук Бобрищев Алексей Александрович. Он подчеркнул, что проблема оценки и прогнозирования психологической готовности спортсменов высшей квалификации силовых единоборств является крайне значимой для спортивной психологии.

В связи с этим формирование психологической готовности к соревновательной деятельности относится к числу приоритетных задач психологической подготовки и психологического обеспечения деятельности спортсменов высшей квалификации силовых единоборств [2 стр.20].

Авторы Н.А. Вареников, Ю.В. Гончаренко, М.С. Сандраков в учебно-методическом пособии «Психологическая подготовка в единоборствах» отмечают, что «развитие психических качеств и соответственно возможность преодоления психологических барьеров не только в спортивной деятельности, но и в жизни зависит от правильно сформированной жизненной философии, которая заключается в выборе личных ценностных ориентаций конкретной личности. Так как устремления каждого человека не могут быть идентичными, но именно уверенность и приверженность к своим собственным идеалам формирует сильную и независимую личность, а соответственно имеет преимущество перед более слабыми или «не определившимися» личностями» [3 с.53].

Среди атлетов секции спортивных единоборств на базе МГАВМ и Б имени К.И. Скрябина был проведён опрос с целью выявить наиболее стрессовые факторы, влияющие на психологическое состояние спортсменов перед стартом в порядке их значимости. Данные опроса приведены в диаграмме 1.

Кроме того, каждому атлету секции было предложено пройти тест Спилбергера-Ханина на определение уровня ситуативной тревожности [10].

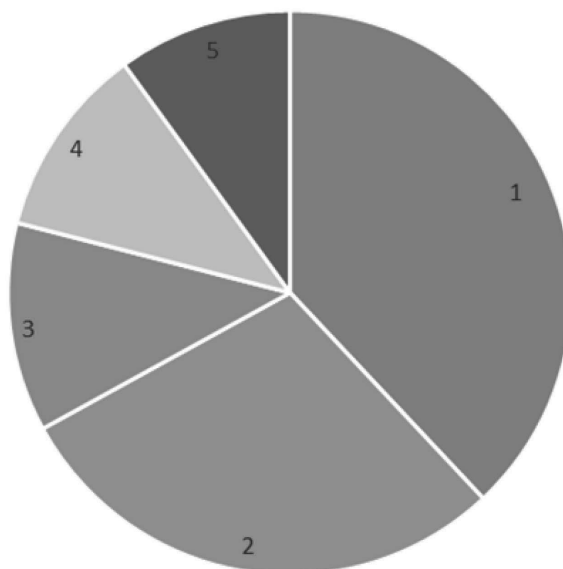

Диаграмма 1.

1. Чувство неуверенности в собственных силах - 38%
2. Давление со стороны тренера. Опасение не оправдать надежды тренера - 29%
3. Недостаточность объективных сведений о соперниках, которыми предстоит встречаться - 12%
4. Недостаточная уровень реабилитации после полученной травмы или перенесённого заболевания – 11%
5. Недостаточный уровень готовности к предстоящему соревнованию - 10%

По результатам теста все спортсмены были разделены на три группы. Первую группу попали бойцы с уровнем тревожности свыше 45 (с высоким уровнем тревожности). Во вторую группу – с уровнем тревожности от 31 до 44 баллов (средний уровень тревожности). И, наконец в третьей группе оказались с наиболее опытные атлеты с низким уровнем тревожности менее 30 баллов. Тест проводился в начале и после окончания эксперимента (таблица 1). Длительность эксперимента 6 месяцев.

Таблица 1.

Группа	Количество	До начала эксперимента	После проведения эксперимента
1 группа		5	-
2 группа		18	19
3 группа		7	11

После проведённого анализа научно-методической литературы по данной теме можно сделать заключение что, стрессоустойчивость можно и нужно тренировать также как уровень спортивного мастерства, физические и технические кондиции каждого спортсмена, специализирующегося в спортивных единоборствах. Исходя из этого посыла, тренерским коллективом было принято решение повысить стрессоустойчивость спортсменов нашей секции. В целях реализации данного плана проводилась последовательная работа по следующим направлениям.

1. Использование «волшебной» силы коллектива. Именно сплоченный, крепкий коллектив, где каждый за всех и все за каждого, способен решить любую задачу. И, если тренеру удалось создать такой коллектив, можно быть уверенным, что будут преодолены любые преграды и решены любые проблемы. Каждый боец секции будет чувствовать себя гораздо увереннее, если будет чувствовать за собой надёжную опору в виде своих товарищей, которые разделят с тобой и радость победы и горечь поражения. Исходя из этого, задача №1 тренера любой секции: создать здоровый, крепкий и сплочённый коллектив.
2. Каждый тренер в любом виде спорта должен быть своего рода психологом, чтобы найти оптимальный подход к каждому члену секции, быть внимательным и чутким наставником каждому, учитывать психологическое состояние каждого, быть в курсе основных проблем своих подопечных и ни в коем случае не оказывать давление с целью любой ценой добиться нужного результата, так как зачастую это приводит к обратным последствиям.
3. Тренер секции единоборств вместе со своими подопечными должны максимально полно владеть информацией о предстоящих соперниках. Необходимо знать их слабые и сильные стороны, чтобы использовать эти сведения в предстоящих

поединках. С этой целью желательно использовать видеосъёмку схваток основных соперников. Обладание подробной информацией несомненно повысит уровень боевой готовности и снизит уровень «предстартовой лихорадки».

4. Каждый спортсмен секции обязательно должен пройти полный курс реабилитации после полученной травмы, а также перенесённого заболевания. Необходимо помнить, что на первом месте должно находиться прежде всего здоровье каждого бойца секции и любая ошибка может обойтись очень дорого и поставить под сомнение не только репутацию каждого специалиста в области физического воспитания, но также и его профпригодность. Зачастую сам спортсмен рвется в бой, несмотря на неполное восстановление и излечение. В этом случае, задача тренера убедить и охладить «пыл» каждого до его полного выздоровления и реабилитации.
5. Необходимо учитывать тот фактор, что каждый спортсмен должен подойти к ответственному соревнованию на пике своей спортивной формы. Это также одна из важнейших задач тренера секции и, если боец по тем или иным причинам не достиг своих лучших кондиций, необходимо убедить своего подопечного отложить свои поединки до лучших времён, когда будет достигнута максимальная спортивная форма.

Все занятия в спортивной секции с сентября по декабрь проводились строго с учетом вышеперечисленных факторов. Особое внимание уделялось созданию крепкого, сплоченного коллектива.

Результаты и обсуждения

По результатам эксперимента следует отметить, что в первой группе (с высоким уровнем тревожности) не осталось ни одного спортсмена в связи с переходом во вторую группу со средним уровнем тревожности. За счет этого перераспределения увеличилось количество атлетов второй группы. В то же время выросло количество атлетов третьей группы (с низким уровнем тревожности) за счет перераспределения из второй группы.

В целом, методика доказала свою эффективность. Следует заметить значительное улучшение морального климата в коллективе. Каждый спортсмен научился бороться со стрессом. Именно поэтому задача каждого человека – не избегать стресса, а научиться его адекватно переживать и извлекать из него важный опыт. Стресс оказывает уникальное воздействие на организм – увеличивает творческий потенциал и уверенность в собственных способностях, что позволяет многого достичь не только в спорте, но и многого добиться в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамян В.А., Гусева И.В. Стресс. Психология стресса. Новое слово в науке: перспективы развития, 2015. №3 (5), с. 133-135
2. Бобрищев А.А. Результаты оценки психологической готовности спортсменов высшей квалификации силовых единоборств в экстремальных условиях соревновательной деятельности / А.А. Бобрищев // Превенция и реабилитация в психологии, медицине и педагогике: материалы международной научно-практической конференции (Санкт - Петербург, 15-16 апреля 2002 г.). - СПб.: МИРВЧ, 2002. - Вып. 1. - С. 19-23.
3. Вареников Н.А., Гончаренко Ю.В., Сандраков М.С. Психологическая подготовка в единоборствах: учебно – методическое пособие / сост. -Воронеж: ФГБОУ ВО «ВГАС», 2024 – 60 с.
4. Киливник, И.А. Психологическая подготовка спортсменов в восточных единоборствах / И.А. Киливник // Молодой ученый. – 2018. – № 20(206). – С. 64-66. – EDN XNMDWX.
5. Кузнецов А.А., Набойченко Е.С. Методики формирования и качественные модели сформированности психологических детерминант стрессоустойчивости курсантов высшей школы МЧС. - Психологическое образование в России, 2015, стр. 83-87
6. Кузнецов А.С. Психологическая подготовка борцов греко-римского стиля с учетом типов темперамента на предсоревновательном этапе подготовки. – М.: Флинта, 2015 – 164 с.
7. Пономарева А.А., Цинис А.В. Влияние элективных занятий единоборствами на стрессоустойчивость студентов // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. 2023 Т. 3 № 1 С.41-49.
8. Семиздралова О.А. Развитие стрессоустойчивости: учебное пособие / СПб.: Научное издание, 2023. – 82 с.
9. Сумер Е.В. Андриуца О.И., Пацук О.В. Управление стрессами. Социально-экономические науки и гуманитарные исследования, 2016 №13, с. 60-64.
10. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Спилбергера. Л.: ЛНИИФК, 1976.

© Першин Юрий Лаврентьевич (Pershin1957@mail.ru), Сурков Александр Михайлович,
Штукин Николай Николаевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОЦЕССА ИНФОРМАТИЗАЦИИ В КИТАЕ

Ван Хунминь

Аспирант, Забайкальский государственный университет, (г. Чита)
1982786595@qq.com

A SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE INTERPRETATION OF THE INFORMATIZATION PROCESS IN CHINA

Wang Hongmin

Summary: This article examines the development of informatization in China from a socio-philosophical perspective, situating it within the dual dimension of the global spread of technological modernity and the construction of local institutional subjectivity. By analyzing such stages of its development as “difficult beginning and instrumental imitation,” “comprehensive catch-up and integrated adaptation,” and “rational leaps and leading restructuring,” the article demonstrates that informatization in China is not a simple linear technological evolution, but a profound, state-led reconstruction of the “socio-technological system.” This process deeply reflects the complex dynamic interaction (dialectic) between technological rationality and socialist political rationality, market viability and the planned order, as well as access to globalization and civilizational self-awareness, demonstrating the unique characteristics of “biopolitical” governance.

Keywords: China’s informatization, social philosophy, technological modernization, institutional subjectivity, socio-technological system, digital governance, civilizational politics, biopolitics, global information space.

Введение

Цуй Цзяньго считает, что информатизация – это процесс преобразования общества, в котором доминирует материальное производство, в общество, в котором доминирует информационное производство, под влиянием революции информационных технологий, а также постепенный процесс трансформации из индустриального общества в информационное общество, от количественных изменений к качественным [10]. Информатизация, помимо своего технологического и экономического облика, по сути, является процессом перестройки знаний, власти, социальных отношений и даже образа жизни человека, что представляет собой глубокую социально-философскую проблему. Для такой цивилизованной страны, как Китай, пережившей стремительные социальные преобразования, путь информатизации заслуживает более глубокого анализа. Существующие исследования в основном сосредоточены на истории технологий, промышленной политике или экономическом

Аннотация: В данной статье рассматривается развитие процесса информатизации в Китае с социально-философской точки зрения, помещая его в двойственное измерение глобального распространения технологической современности и построения локальной институциональной субъективности. Анализируя такие этапы его развития, как «трудное начало и инструментальное подражание», «всестороннее наверстывание и интегрированная адаптация» и «рациональные скачки и ведущая перестройка», статья демонстрирует, что информатизация в Китае – это не простая линейная технологическая эволюция, а глубокая, управляемая государством реконструкция «социально-технологической системы». Этот процесс глубоко отражает сложное динамическое взаимодействие (диалектику) между технологической рациональностью и социалистической политической рациональностью, жизнеспособностью рынка и плановым порядком, а также доступом к глобализации и цивилизационным самосознанием, демонстрируя уникальные характеристики «биополитического» управления.

Ключевые слова: информатизация Китая, социальная философия, технологическая модернизация, институциональная субъективность, социально-технологическая система, цифровое управление, цивилизационная политика, биополитика, глобальное информационное пространство.

влиянии, им не хватает анализа внутренней динамики, противоречий и цивилизационных последствий с точки зрения социальной философии в целом. В данной статье утверждается, что процесс информатизации в Китае является продуктом непрерывного взаимного конструирования между глобальным влиянием технологической современности и осознанным ответом институциональной субъектности Китая. Это не пассивное «догоняющее» развитие, а стратегический социальный проект, осуществляемый государством в специфическом историческом и философском контексте, направленный на достижение множественных целей развития, порядка и обновления. Основная цель данного исследования – систематически объяснить, как Китай, взаимодействуя с глобальной технологической волной, выбрал уникальный путь информатизации, отличающийся от западного, и интегрирующий рациональность управления и цивилизационное сознание посредством реконструкции государственной «социально-технологической системы» с помощью социально-философской аналитической

структуры «технологической современности и институциональной субъективности», а также предоставить теоретическое обоснование для модернизации отстающих развивающихся стран.

Новизна исследования заключается в том, что именно социально-философский анализ позволил предложить целостную аналитическую рамку «технологическая современность – институциональная субъективность». Эта рамка, в свою очередь, дала критерий для выделения этапов развития информатизации в Китае: смену доминирующей логики во взаимодействии между глобальным технологическим вызовом и национальной политической системой. На основе этого критерия в работе впервые выделены и теоретически обоснованы четыре качественно различных этапа: «Стратегическое подражание в рамках логики национального выживания» (1950-е–1970-е годы), «Открытость и догоняющее развитие в рамках логики развития» (1978-2001), «Системная интеграция в рамках логики управления» (2002-2011), «Автономное формирование в рамках логики цивилизационного возрождения» (с 2012 года по настоящее время).

Таким образом, новизна работы состоит не просто в хронологическом описании, а в разработке методологического инструмента (критерия) и применении его для выявления внутренней динамики процесса. Выделение этапов позволяет продемонстрировать, как процесс информатизации в Китае эволюционировал от инструментальной рецепции технологий через их хозяйственно-политическую адаптацию к превращению в институциональный ресурс управления и, наконец, в средство цивилизационного самоутверждения. Это вскрывает механизм, посредством которого незападная политическая система через серию осознанных институциональных ответов не просто реагирует на технологические вызовы, но активно формирует собственную траекторию модернизации, предлагая теоретическую альтернативу «западноцентричным» моделям развития.

Результаты и их обсуждение

В данном исследовании процесс информатизации в Китае рассматривается как глубокая реконструкция «социально-технической системы». Основная движущая сила его эволюции заключается в том, как национальная институциональная система Китая распознает, реагирует и в конечном итоге формирует вызовы, вызванные глобальной революцией информационных технологий. Эта динамическая взаимосвязь между «реакцией национальной институциональной системы» и «глобальными технологическими вызовами» составляет внутреннюю логику разделения этапов развития.

Первый этап (1950-е–1970-е годы): Стратегическое

подражание в рамках логики национального выживания. В этот период информационные технологии первоначально рассматривались как стратегический инструмент, связанный с национальным выживанием. Столкнувшись с технологической блокадой со стороны Запада, Китай сделал выбор не в пользу обучения в условиях открытости, а в пользу копирования в условиях замкнутости. Обладая сильной политической волей, государство отделило передовые технологии, такие как компьютеры, от всего социально-экономического контекста, в котором они были созданы, и использовало их только в качестве высокоточного вычислительного оборудования для нужд национальной обороны и ключевых научных исследований, стремясь к их имитации.

Отличительной чертой этой стратегии является то, что, как отметил Сюй Цзучжэ, в «Двенадцатилетнем плане развития науки и техники» 1956 года компьютеры были включены в число четырех «чрезвычайных мер» [2]. Это решение было основано не на предвидении информационного общества, а на «рациональности выживания» в целях обеспечения национальной безопасности. Исследования Ян Юмина показывают, что первый китайский компьютер, 103, появился в 1958 году, доказывая, что начало было не слишком поздним [6]. Однако в определенных исторических условиях эта модель «концентрации ресурсов для выполнения основных задач» также привела к тому, что технологии оказались заперты в узком «безопасном ящике», не смогли распространиться в социально-экономической сфере и в конечном итоге оторвались от основного международного развития. В это время влияние глобальной волны технологической модернизации на Китай встретило высокоцентрализованную оборонительную позицию со стороны институциональной системы страны. Технология была инструментом, а целью – выживание. Чжоу Хунжэнь рассматривал этот период как «прелюдию» к ответу Китая на информационную революцию, но это была прелюдия, которая еще не была по-настоящему интегрирована в общество [11].

Второй этап (1978-2001): Открытость и догоняющее развитие в рамках логики развития. После реформ и открытости развитие заменило выживание в качестве главной цели страны. Понимание информационных технологий претерпело фундаментальные изменения: оно трансформировалось из «особой потребности» национальной обороны в «общий двигатель», движущий «четыре модернизации». Чжан Ливэнь четко указал, что информатизация, таким образом, была переопределена как ключевая движущая сила национального развития [3]. Этот сдвиг в восприятии побудил государство принять совершенно новую двойную стратегию: с одной стороны, принять глобальную технологическую волну с беспрецедентной открытостью; с другой стороны, быстро создать институциональную структуру для руко-

водства и управления этим процессом.

Открытость и догоняющее развитие были главными темами этого этапа. Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал опасность информационной изоляции и требовал, чтобы Китай «не был отделен от мира» [15], что заложило идеологическую основу для последующих политических сдвигов. «Программа 863» 1986 года и доступ к международному интернету в 1994 году [8] стали вехами в стремлении государства содействовать интеграции в глобальную технологическую систему. В то же время, инициированное государством «догоняющее развитие» также вызвало ряд новых социальных противоречий. На основе данных 2000 года Цуй Цзяньго указал, что индекс информационных возможностей Китая составлял всего 8,6% от индекса США, а «цифровой разрыв» между городскими и сельскими районами и регионами был крайне серьезным [10]. Это показывает, что когда государственная система переключает свое внимание на экономическое развитие, технологии быстро становятся мощным рычагом роста, но при этом неизбежно усугубляют дисбаланс во внутреннем развитии. Институциональная система должна искать сложный баланс между повышением эффективности рынка и обеспечением социальной справедливости.

Третий этап (2002-2011): Системная интеграция в рамках логики управления. Вступая в новое столетие, информатизация эволюционировала от «двигателя», обеспечивающего экономический рост, к «инфраструктуре» для реорганизации правил функционирования общества. Суть национальной политики заключается уже не просто во внедрении технологий, а в глубоком их интегрировании в структуру государственного управления и функционирования общества.

Наиболее заметной чертой этого периода является системный и перспективный характер национальной стратегии. Ян Юмин резюмировал, что от «движения индустриализации с помощью информатизации» (16-й съезд Коммунистической партии Китая) до «содействия глубокой интеграции информатизации и индустриализации» (17-й съезд Коммунистической партии Китая) информатизация возведена в ранг общей стратегии национальной модернизации [6]. «Национальная стратегия развития информатизации», принятая в 2006 году, является концентрированным воплощением этого стратегического мышления, которое распространяет влияние информатизации с экономической сферы на все аспекты управления обществом и государственных услуг. Исследования российских ученых К.В. Каспаряна и М.В. Рутковской дают взгляд со стороны. Они считают, что построение электронного правительства в Китае – это «гораздо больше, чем просто применение технологий». По сути, это использование информационных технологий для модернизации национальной системы

управления и укрепления ее информационного суверенитета [13]. В настоящее время технологии являются не только инструментом содействия развитию, но и институциональным рычагом для повышения потенциала национального управления и оптимизации общественного порядка. Институциональная система трансформировалась из последователя и пользователя в активного планировщика и интегратора системы.

Четвертый этап (с 2012 года по настоящее время): Автономное формирование в рамках логики цивилизационного возрождения. На нынешнем этапе процессу информатизации в Китае отведена более высокая задача. Это не только средство догнать или интегрироваться в глобальную технологическую современность, но и ключевая арена для формирования новой формы цифровой цивилизации и борьбы за ее определение. Выбор пути технологического развития напрямую связан с грандиозной концепцией «великого возрождения китайской нации».

Эта цель отражена в двух измерениях: внутреннем и внешнем. На внешнем уровне страна предложила такие стратегии, как «киберсила» и «цифровой Китай», стремясь перейти от статуса «соперника» в передовых технологиях (таких как 5G, искусственный интеллект [8]) к статусу «лидера». Российский учёный А.А. Тихоева считает, что прорывы Китая в передовых областях являются результатом стратегического вмешательства государства для завоевания технологического суверенитета и международного конкурентного преимущества [14]. Принятие таких законов, как Закон о кибербезопасности и Закон о защите данных, ещё больше свидетельствует о переходе от следования международным правилам к активному установлению норм для цифрового пространства страны. Внутри страны глубокая интеграция информационных технологий и «биополитического» управления продемонстрировала беспрецедентную социальную силу. Такие практики, как санитарные кодексы, мониторинг окружающей среды и корректировка макроэкономической политики на основе больших данных, показывают, что государство может использовать цифровые технологии для беспрецедентно точного управления жизненными процессами (здоровьем, поведением и воспроизводством) населения с целью достижения общей социальной эффективности, стабильности и безопасности. Одновременно Китай поднял свою практику управления до уровня концепции, выступая за «сообщество общего будущего в киберпространстве» [12], хотя эта модель, подчеркивающая порядок и суверенитет, часто вступает в противоречие с западными либеральными ценностями.

На данном этапе национальная институциональная система демонстрирует сильную автономию и формирующую силу; ее цель состоит не только в использова-

нии технологий, но и в определении ценностной этики и парадигмы развития технологий, исследуя новый путь к современности, который интегрирует технологическую эффективность, политический порядок и цивилизационные особенности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Работа представляет собой социально-философское осмысление процесса информатизации в Китае. Ее ключевая научная новизна заключается в предложении оригинальной аналитической рамки «технологическая современность – институциональная субъективность». Именно применение этой социально-философской оптики позволило не просто хронологически описать события, но и выявить внутреннюю логику развития процесса. Основная роль социально-философского анализа в данном контексте состояла в разработке методологического критерия для периодизации. Этот критерий, основанный на смене до-

минирующей логики во взаимодействии между глобальными технологическими вызовами и национальной политической системой, впервые позволил теоретически обосновать и выделить четыре качественно различных этапа китайской информатизации: стратегическое подражание, догоняющее развитие, системная интеграция и автономное формирование. Данный подход демонстрирует, что путь Китая представляет собой не линейное технологическое заимствование, а государственно-управляемую реконструкцию социотехнической системы, в ходе которой рациональность технологии вступает в сложное взаимодействие с политической рациональностью, рыночными механизмами и цивилизационным самоопределением. Тем самым исследование предлагает альтернативу западнцентричным моделям, показывая, как незападная институциональная субъектность способна активно формировать траекторию собственной модернизации в условиях глобальных технологических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хуалин: Прорыв в разработке микросхем – Университет Цинхуа создал транзистор с самой маленькой в мире длиной затвора // Ежедневная научно-техническая газета. 2022. С. 1.
2. Сюй Цзучжэ: Прошлое информатизации, часть 2: Когда началась информатизация в Китае? // Китайская информационная индустрия. 2004. № 22. С. 15.
3. Чжан Ливэнь: 60 лет информатизации и развития информационной индустрии в Китае // Инновационные технологии. 2009. № 2. С. 28–29.
4. Ли Хуншэн: Обзор и размышления о нескольких аспектах 30-летней информатизации Китая // Китайская информационная индустрия. 2009. № 21. С. 23–35.
5. Чжан Цзюньчан, Чжан Вэньцин: Достижения и уроки, извлеченные из 70 лет развития телерадиовещания и телевидения в Новом Китае // Медиа. 2019. № 20. С. 9–14.
6. Ян Юймин: Обзор и обобщение опыта 70 лет развития информатизации в Новом Китае // Цицихарский университет Журнал Цзинаньского университета (издание по философии и социальным наукам). 2019. № 9. С. 36–40, 44.
7. Чэнь Юньди, История развития информатизации Китая // Цифровой мир. 2003. № 2. С. 52–53.
8. Линь Айцзюнь, Мо Цзиянь, Исторический путь и современный вклад развития информатизации Китая // Журнал Цзинаньского университета (издание по философии и социальным наукам). 2023. № 5 (45). С. 25–34.
9. Му Сюйтао, Сун Сиرون, Цзоу Вэй, Обзор исследований развития информационной индустрии страны // Информационно-документационная работа. 2006. № 1. С. 34–37.
10. Цуй Цзяньго, Мысли и меры противодействия ускорению процесса информатизации Китая // Академический ежеквартальный журнал Шанхайской академии общественных наук. 2001. № 4. С. 117–126.
11. Чжоу Хунжэнь, Новый этап развития глобальной информатизации // Компьютерное моделирование. 2020. № 8 (37). С. 1–7.
12. Дзугаева А.Б. Роль КНР в Глобальном Информационном Пространстве 2018. С. 261–263.
13. Каспарян К.В., Рутковская М.В. Правительство в КНР в начале XXI трудности // Киберпространства. 2021. № 2 (20). С. 61–83.
14. Тимофеева А.А. Цифровое Развитие Китая ООО «Ноулидж», 2024. С. 146–149.
15. Научно-исследовательское бюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая: Вспоминая Дэн Сяопина (том 2) / Научно-исследовательское бюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая, Пекин: Центральное литературное издательство, 1998. С. 1562, гл.

© Ван Хунминь (1982786595@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО БУРЯТ

Жамбаев Баир Цырендоржиевич

кандидат философских наук, доцент, Бурятский институт инфокоммуникаций (БИИК), (г. Улан-Удэ)
bair1961@yandex.ru

Жамбаева Ульяна Баировна

кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, филиал, (г. Улан-Батор)

THE POLITICAL STRUCTURE OF THE HISTORICAL PAST OF THE BURYATS

**B. Zhambaev
U. Zhambaeva**

Summary: In modern Russia, there are politicians and even scientists who consider Lenin's project for the development of Russia to be far-fetched and artificial. They believe that Lenin's granting of territory to the peoples of Russia was merely a gesture of goodwill. Instead, they turn their attention to the Western experience of building federal states based on the recognition of only one principle - administrative-territorial division - without granting their peoples the right to self-determination, believing that this approach ensures the integrity and stability of the state. Meanwhile, as their own experience of building a state show, the problem of separatism is more acute in their countries than in Russia. This means that to solve the problem of separatism, it is necessary not only to pay attention to these principles, but also to constantly expand the powers of the regions, i.e., to pursue a policy of decentralization. However, as historical experience shows, a policy of decentralization is almost impossible in the face of increasing external threats.

Keywords: tribalism, politics, statehood, ancestral lands, living space, and energy.

Аннотация: В современной России есть политики и, даже ученые, которые считают ленинский проект обустройства России надуманным, искусственным. А наделение территорией ее народов лишь жестом доброй воли Ленина. При этом обращают свой взор на западный опыт обустройства федеративных государств, построенных на основе признания лишь одного принципа – административно-территориального, без права их народов на самоопределение, считая, что он обеспечивает целостность и стабильность в развитии государства. Между тем, как показывает их же опыт обустройства государства, проблема сепаратизма у них стоит на повестке дня в более острой форме, чем в России. Это означает, что для решения проблемы сепаратизма следует не только обращать внимание на данные принципы, а на их основе постоянно расширять полномочия субъектов, т.е. проводить политику децентрализации. Правда, как показывает исторический опыт, в условиях нарастания внешней угрозы политика децентрализации практически невозможна.

Ключевые слова: трайбализм, политика, государственность, родовые земли, жизненное пространство, энергия.

Государственное составляющее начало бурят, на момент прихода русских, приходится, как выше отмечено, на Джунгарское ханство (1635–1758) – современная территория северо-западной Монголии, в том числе, включающее на тот период части территории Казахстана, Китая, Афганистана и Алтая. Именно это государство, возникшее на осколках некогда великой монгольской империи, пытались буряты использовать как инструмент реализации идеи Чингисхана – строительство мирового древа-государства и, тем самым стали причиной его тотального уничтожения, включая геноцид ойрат-бурятов, ойрат-калмыков (в рассматриваемый исторический период, они составляли единый этнос) [1, с.219-220].

Падение Джунгарского ханства, в свою очередь, во многом объясняет окончательное подчинение бурят Московскому царству. Последний смертельный удар был нанесен уже на ментальном уровне. Дело в том, что: «Сосредоточенность на духовном – это отличительная черта общественного сознания при восточном типе цивилизации» [2, с. 23]. Здесь речь идет о чрезмерной материализации общественного сознания западных людей, в противовес восточной культуре, сметающих на своем

колониальном пути устоявшийся многовековой жизненный уклад кочевников. И, тем самым, уникальный опыт самоорганизации общественно-политической жизни бурят был уничтожен под натиском наступающего капитализма. В обобщенной форме, по поводу этого явления, В.П. Алексеев, А.И. Першиц в своей работе «История первобытного общества», писали: «Понятно, что остатки первобытности заметнее всего сохранялись в таких классовых обществах, которые могли возникнуть непосредственно в распаде первобытнообщинного строя, т.е. в обществах древневосточных и феодальных, в меньшей степени в античных и почти никогда в капиталистических» [4, с. 332].

В нравственном плане, наступающий капитализм, Ф.Энгельс оценивал как упадок, грехопадение. Так, он писал: «Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают

старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» [3, с. 107]. По поводу упорного продвижения казаков на восток Т. Дугаржапов писал: «Казачьи шли на восток за «мягкой рухлядью» - шкурками ценного меха соболей, колонков, бобров и т.д. В ту пору этот товар был «российской нефтью», и, как водится, за счет его экспорта пополнялась казна» [6, с. 139]. Хотя А.П. Окладников выделял иную причину колонизации Сибири, а именно завоеватели усердно искали серебряную руду и золотые россыпи [2, с. 57]. Этот момент лишней раз доказывает, что русские люди «шагали в ногу» с историческим временем. Например, обнаруженное конкистадорами, в одной из стран Латинской Америки, больших залежей серебра в жерле потухшего вулкана сыграло не последнюю роль в быстром развитии капитализма в Европе.

Вместе с тем, А.П. Окладников обращал внимание больше на внутренние причины подчинения бурят, например, на рост сопротивления со стороны данников-киштымов в ответ на опустошительные бурятские набеги [2, с. 49]. Другой причиной подчинения бурят русским, по его мнению, является упадок торговли в условиях постоянных войн. Так, он писал: «Военное время прервало старые торговые связи. Пути на запад к бухарским товарам были отрезаны войной с канскими князьями, постоянные бои с китайскими людьми вряд ли способствовали нормальному развитию торговых сношений с Востоком и проникновению китайских товаров. Может быть, с этим связано и обилие соболей, скопившихся на руках у отдельных князцов бурятской земли и затем частично попавших в руки Петра Бекетова в счет ясака» [2, с. 52–53]. Отсюда, он утверждал: «Подчинение царю явно означало, таким образом, свободу торговли, но только для тех, кто был заинтересован в торговых операциях и имел чем торговать, а не для всей улусной массы» [2, с. 53]. Вместе с тем, по мнению А.П. Окладникова, успешное завоевание русскими бурятских земель является следствием «... значительной роли внутренних противоречий в бурятском обществе...» [2, с. 55]. Речь идет о распаде родового строя на основе возникновения классов, с их антагонистическими противоречиями [2, 54].

Такая интерпретация А.П. Окладникова, вписывается в марксистское клише, стереотипную схему поступательного или поэтапного развития человечества на основе классовых противоречий. Она была бы приемлемой в случае незнания более древней истории бурят, а главным образом истории Монгольской империи, в том числе истории Джунгарского ханства. О каком таком «разложении родового строя» в XVII в. у бурят может идти речь тогда, когда они в более древнее историческое время прошли в своем развитии этап государственной жизни. Это же касается и коренных жителей Америки, т. е. утверждение Ф. Энгельса, изложенное в начале работы, также не выдерживает критику в контексте принципа историзма и в последующее время оно было опровергнуто на основе

анализа письменности индейцев Ю.В. Кнорозовым.

«Сосредоточенность на духовном» стала, пожалуй, той благодатной почвой для проникновения в социальное пространство бурят-монголов буддизма (ламаистского толка), что сказало, в той же мере, на их военной доблести. Массовое обращение к религии во многом объясняется, с одной стороны, утратой веры в единение разных народов для преодоления агрессивной природы человека и социума, а с другой – попыткой ухода от капитализации общественной жизни с ее абсолютизацией материальной ценности в ущерб духовной.

Вышеприведенная идея о том, что родовые земли бурят рассматривались ими как место отдыха и, тем самым вполне осознанно были выведены за рамки политической жизни, находит подтверждение также у В.А. Хамутаева. Он писал: «Страна бурят – Баргуджин-Токум, где еще в 13 в. зафиксированы баргуты, булагачины, кэрэмчины, ойраты, тумэты, хори и пр., явилась родиной предков Чингис-хана и была объявлена им Их хориг, т. е. заповедной, особо охраняемой территорией монголов. Она совпадала с территорией современной этнической Бурятии» [5, с. 43].

На завершающем этапе подчинения бурят сыграла свою крайне негативную роль политика трайбализма, которая «... во все века становления народов-наций был огромным фактором, губящим любую борьбу самых близкородственных племен и родов против колонизаторов...» [5, с. 65]. Печально то, что последствия данной политики бурятский этнос переживает до сих пор в виде западных – якобы более цивилизованных и восточных – менее цивилизованных, т.е. некогда успешно посеянное зерно раздора продолжает портить отношения внутри бурятского этноса. Симптоматично, что в 30-е годы прошлого столетия этническую территорию бурят раскололи на три части, собственно Бурятию и в виде двух автономных округов в составе других субъектов. Такая политика отражает суть колониальной политики, сведенной к принципу – «разделяй и властвуй».

Например, о подлинной причине кризиса российской государственности, в пору становления Московского государства, писал Н. М. Карамзин в исторической повести «Марфа – посадница, или покорение Новгорода». Становление Московского государства на принципах унитаризма во многом объясняется им необходимостью преодоления зависимости от монголов и внутренней междоусобицы. Интересно, то что посол – «боярин Иоаннов», обращаясь с посланием «Князя московского и всея России» к свободным или непокоренным гражданам Новгорода ссылается на историю изначального становления русского государства не только на договорной (федеративной) основе, но и на наличествующие в ней признаки унитаризма. Так, само обращение по Карамзину выгля-

дело следующим образом: «Граждане новгородские! – вещает он, - Князь московский и всея России говорит с вами – внимайте! Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. ... Граждане новгородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого» [7, с. 48].

«Власть единого» - именно эта идея лежит в основе унитарного государства, что становится инструментом покорения народов Сибири и Дальнего Востока, ибо практически все насильственные действия «первопроходцев» совершаются от имени царя и, в той же мере, им прикрываются. Здесь симптоматично и то, что речь посла завершается словами: «Да здравствует князь московский, великий и мудрый! Такому ли государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? ... Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного. Народ и граждане! Да властвует Иоанн в Новгороде, как он в Москве властвует! Или – внимайте его последнему слову – или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирят мятежников!.. Мир или война? Ответствуйте!» [7, с. 51].

Смеем «ответствовать», что народ, обладающий опытом самостоятельной государственной жизни, вряд ли добровольно откажется от своего суверенитета. И в случае с новгородцами, несмотря на разные увещевания посла Иоанна, всё же отказались подчиняться «власти единого». И, даже после поражения в борьбе за свою независимость, новгородцы обращаются к Иоанну: «Если казна твоя оскудела, если богатство новгородское прельщает тебя – возьми наши сокровища: завтра принесем их в стан твой с радостью, ибо кровь сограждан нам драгоценнее золота, но свобода и самой крови нам драгоценнее. Оставь нас только быть счастливыми под древними законами, и мы назовем тебя своим благодетелем...» [7, с. 79]. Иоанн же «ответствовал»: «Покорность без условия, или гибель мятежникам!» [7, с. 79] и с гневом отвратил лицо свое. А жизнь организатора сопротивления Марфы обрывается на словах: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!..» [7, с. 88]. Здесь читателю напомним, что население государства при монархическом режиме обретает статус подданных царя без каких-либо конституционно-договорных прав и полномочий, соответственно, при респу-

бликанском – политико-правовой статус граждан оговаривается в конституции.

Колониальное расширение Московского государства, в последующее историческое время, протекает в рамках вопрошания «Мир или война?». При этом незнание исторического прошлого бурят породило идею привнесения на бурятскую землю более развитой русской культуры. Именно незнание исторического прошлого бурят, в том числе весьма своеобразного их политического мироустройства, на постоянной основе порождает кризис российской государственности. Более в глобальном аспекте речь шла о необходимости учета опыта Монгольской империи, т. е. народам, имевшим опыт государственной жизни, следовало бы даровать различные формы автономий. Этот тотальный пробел в обустройстве России глубоко осознал лишь В.И. Ленин, который на категорической основе требовал предоставления территории практически всем народам, проживающим в России, а именно на признании принципов федерализма – национально-территориального и государственно-территориального, а не только административно-территориального.

Вопрос об обустройстве народов Российской империи решался за долго до самой революции в рамках работы второго съезда РСДРП (1903 г.). «Австромарксисты» Реннер и Бауэр предлагали решить национальный вопрос в России на основе экстерриториального принципа, т. е. без предоставления территории народам, ибо не видели прямой связи между территорией и специфическими национально-культурными запросами этносов.

О поэтапных мероприятиях по организации бурятского государства подробнейшим образом описал Н.Д. Шулунов в своей статье «В. И. Ленин – основатель бурятской социалистической советской автономии», посвященной сорокалетию Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики (1963 г.). Из этой статьи видно, что в течение 1920–1923 гг. была проведена огромная организационная работа в деле становления республики. Если попытаться выделить основные моменты, то они сводятся: во-первых, к определению границ единой территории республики на основе уточнения мест проживания бурят; во-вторых, был выявлен ее экономический потенциал с учетом действующих предприятий; в-третьих, была реализована политика районирования; в-четвертых, была организована работа по обеспечению кадрами, в том числе определен основной управленческий орган власти – Бурятский революционный комитет, функционировавший до созыва Первого съезда Советов Автономной области; в-пятых, была определена численность населения, прежде, в автономных областях [8, с. 3 - 17].

По поводу последнего момента, следует напомнить, что предтечей образования республики стали две бурят-

ские автономные области: одна в составе РСФСР, другая в составе ДВР. Первая из них возникла 9 января 1922 г. на основе принятого декрета ВЦИК. В нем сказано: «Все-российский Центральный Исполнительный Комитет постановляет: образовать автономную Бурятскую область в границах, определенных соглашением между Сибревкомом и представителями бурят-монгольской народности в составе аймаков: а) Тункинского с центром в с. Тунка, б) Эхирит-Булагатского с центром в с. Ользоны, в) Боханского с центром в с. Бохан, г) Аларского с центром в с. Кутулик, д) Селенгинского с центром в городе Селенгинск» [9]. «Общая площадь территории Автономной области составляла 101 677 кв. верст, с населением в 185 192 души обоего пола, из которых бурят было 129 000, или 70%» [8, с. 9].

Вторая Бурятская автономная область возникла: «К этому же времени при активном участии Бурсекции Иркутской организации РКП (б) и ЦК бурят-монголов Восточной Сибири... в составе Дальневосточной республики – ДВР» [10, с. 66]. «В состав Бурятской Автономной области Дальнего Востока входили аймаки и уезды: Агинский, Хоринский, Баргузинский и Чикойский. Общая численность населения области составляла 112 173 чел.» [8, с. 13].

Такое расчленение Бурятии на две части объясняется нарастанием военной интервенции на Дальнем Востоке. Именно в этой связи была образована ДВР (в состав которой входила вторая Бурятская автономная область) в

качестве буферного государства для того, чтобы остановить агрессоров – оккупационные войска Японии и США. И, как известно из истории гражданской войны, в начале 1922 г. РККА, усиливая свой натиск в направлении Дальнего Востока, разворачивает широкомасштабные военные операции, опираясь на местных партизан и, сумели разгромить остатки белогвардейских формирований и войска интервентов, отбросив их за пределы Дальнего Востока. Отсюда необходимость в сохранении ДВР сошла на нет. И далее в связи с ускоренной советизацией Дальнего Востока встал вопрос об объединении двух Автономных областей РСФСР и ДВР.

И в данном историческом контексте: «Трудящиеся массы Бурятии, - отмечал Н.Д. Шулунов – с энтузиазмом встретившие присоединение Дальнего Востока к РСФСР, настойчиво требовали создания единой Советской Республики, которая должна была явиться основой дальнейшего развития всей политической, экономической и культурной жизни бурятского народа» [8, с. 13].

Таким образом, многовековая устремленность бурятского народа к обретению своего национального государства нашла свою реализацию, благодаря глубоко продуманной национальной политике Ленина. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК постановил объединить в одну Автономную Бурят-Монгольскую социалистическую Советскую Республику Автономные области бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гатапов А.С. Монгольская историческая энциклопедия – Улан-Удэ, 2015. – С. 216–220.
2. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. – Улан-Удэ, 2014. – С. 47, С. 429.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. -М., 1973. – С. 102, 103, 100, 104, 105.
4. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990. – С. 332.
5. Цит. по: Хамутаев В.А. Присоединение Бурятии к России: история и современная политика. – Улан-Удэ, 2012. – С. 20, 12, 43, 65, 67.
6. Дугаржапов Т.А. Секретная история бурят. – Улан-Удэ, 2014. – С. 139.
7. Карамзин Н.М. Избранное. – Л., 1985 – С. 48, 51, 79, 88.
8. Шулунов Н.Д. Ленин В.И. – основатель Бурятской Социалистической Советской автономии // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1963. – С. 3–17.
9. Известия ВЦИК от 12 января 1922. № 8.
10. Ербанова С.Я., Басаев Г.Д., М.Н. Ербанов. – Улан-Удэ, 1974. – С. 66.

ИДЕИ ВСЕЕДИНСТВА И БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ В. СОЛОВЬЕВА И С. БУЛГАКОВА

Королева-Конопляная Галина Иосифовна

Доктор политических наук, профессор, Московского
экономического института (НОЧУ ВО МЭИ)
koroleva-1944@mail.ru

THE IDEAS OF UNITY AND GOD-MANHOOD IN THE PHILOSOPHY OF V. SOLOVYOV AND S. BULGAKOV

G. Koroleva-Konoplyanaya

Summary: In the Great Litany of today's church service there are the words: «For the peace of the whole world, the welfare of the holy churches of God and the union of them all, let us pray to the Lord.» And although the modern Orthodox Church is very critical of the religious and philosophical ideas of V. Solovyov, S. Bulgakov and other representatives of the Russian religious Renaissance, considering them an attempt to correct Orthodoxy and the writings of the Holy Fathers of the Church, many of these ideas deserve attention and research, and are significant because «the integrity of his thought managed to unite philosophy with theology,» and the idea of unity in a modern unbalanced, often hostile world is becoming more relevant. In addition, discussions about the meaning of philosophical and religious ideas in Solovyov's, Bulgakov's assessment of their personality by their contemporaries and twentieth-century scientists is very contradictory and ambiguous. In this article, the author attempts to examine the ideas of unity and God-manhood of two philosophers: V. Solovyov and S. Bulgakov, to show the difference between their ideas and Orthodox Orthodoxy, although there may be more questions than answers.

Keywords: unity, God-manhood, Sophia, sobornost, universal soul, theodicy, Neoplatonism, pantheism, mystical experience, kabbalistics, absolute.

Аннотация: В Великой Ектиньи сегодняшней церковной службы есть слова: «О мире всего мира, благосостоянии святых Божьих церквей и соединении их всех, Господу помолимся». И хотя православная церковь, в том числе и современная, весьма критически относится к религиозно-философским идеям В. Соловьева, С. Булгакова и других представителей русского религиозного ренессанса, считая их попыткой исправить православие и писания Святых отцов церкви, многие из этих идей заслуживают внимания и исследования, являются значимыми, поскольку «целостность их мысли сумела объединить философию с богословием», а идея всеединства в современном разбалансированном, часто враждебном человеку мире становится все более актуальной. Кроме того, дискуссии о значении философско-религиозных идей В. Соловьева, С. Булгакова, оценка их личностей современниками и учеными-богословами XX весьма противоречивы и неоднозначны. В данной статье автором сделана попытка рассмотреть идеи всеединства и богочеловечества двух философов: В. Соловьева и С. Булгакова, показать в чем расхождение их идей с ортодоксальным православием, хотя, возможно, здесь будет больше вопросов, чем ответов.

Ключевые слова: всеединство, богочеловечество, София, соборность, мировая душа, неоплатонизм, пантеизм, мистический опыт, каббалистика.

Введение

Русская философия начала конца XIX-начала XX века – это общемировой и в то же время чисто отечественный пласт мысли, затрагивающий широкий спектр вопросов культурологического, исторического, богословского, этического и социального характера. Возникшее под влиянием славянофилов, Ф. Достоевского и Л. Толстого новое религиозно-философское направление, получившее название «духовный ренессанс» или «русское богоискательство», пыталось создать т.н. новый «катехизис», чтобы подготовить человечество к переходу на более высокую ступень эволюции, на вершине которой возникает возвышенное, высокодуховное, без эгоизма и вражды – «богочеловечество».

В философском аспекте теория всеединства под влиянием В. Соловьева разрабатывалась братьями С. и Е. Трубецкими, С. Булгаковым, Н. Лосским, А. Лосевым, В. Зеньковским, П. Флоренским и др. мыслителями на ру-

беже XIX и XX вв. Русскую интеллигенцию интересовала не только религиозно-философская проблематика, но и искренняя тревога за историческое будущее России, поскольку русская православная церковь теряла духовное влияние над обществом. Появляются различные кружки, организации, в том числе и радикального характера, по обсуждению различных проблем развития.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900) – сын известного историка С. Соловьева и один из ярких представителей, а скорее основатель, нового религиозно-философского направления – поэт, мистик, оккультист, оказал значительное влияние на развитие русской религиозной мысли, литературу и поэзию серебряного века, но вызвал и многочисленные дискуссии.

Как светская, так и богословская мысль в разные периоды времени не однозначно воспринимала стремление исправить «традиционное христианство», заменив его новыми религиозными идеями В. Соловьева, «вехов-

цев» и других теоретиков «всеединства». Одни восхищаются им, объявляя В. Соловьева величайшим философом XIX в., «пророком не только русской цивилизации, ... но и мирового «целесолагания» в целом).[9] Другие указывали на прямой вред философии В.Соловьева для христианской веры и православной церкви. Его современник священник - философ Г. Флоровский пишет об оторванности «наших богословов из светских», от церковного сознания, метанием в разные стороны, обожествление мира в учении о Софии и, как следствие, «представление о предначертанное всей мировой истории»[4]; архиепископ Антоний (Храповицкий), отмечая одаренность, поэтический и философский талант Соловьева, широкую образованность, отзываясь о его богословских идеях резко отрицательно: «Пользуясь беспросветным невежеством русского общества в христианском учении, в Библии и истории церкви, они («веховцы» и Соловьев) допускают самые невероятные вещи, извращая учение Иисуса Христа». [1] Мало изменилась трактовка идей Соловьева современными православными (за некоторым исключением) богословами. Так, в лекции известного доктора богословия профессора Осипова А.И., прочитанной студентам Духовной академии в 2022г, говорится, что В. Соловьев «был ярким представителем дворянской интеллигенции, которая почти не была знакома с православием, хотя учила Библию, Катехизис, писания Святых отцов ...но при этом пыталась исправить историческое христианство, подменив его платоновскими, экуменистическими идеями, олкультизмом, осуществлением царства Божия на земле» [5]

Попробуем разобраться подробнее в «ренессансной» философии В. Соловьева и С. Булгакова и факторах влияния, послуживших ее появлению. Невозможно рассмотреть все направления философии В. Соловьева и С. Булгакова, она слишком многогранна, а только то, что заявлено в теме.

В становлении Соловьева как философа ряд ученых и богословов выделяют ряд периодов: очень короткий – славянофильский, увлеченность идеями Ф. Достоевского, Л. Толстого. Следующий – увлечение западным материализмом, рационализмом (Кантом, Спинозой, Шопенгауэром, Фихте, Гегелем), социалистическими идеями и даже полным отрицанием религии. Однако позже (1874г) в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии. (Против позитивизма)», уже пишет о неизбежной необходимости возникновения исторически и логически «новой философии как синтеза религии, метафизики и положительной науки», соединяющих в себе содержания духовных созерцаний Востока и логическое совершенство западной формы. От почти полного отрицания православия, он возвращается к религии, к идее Бога и человека, но в своей интерпретации. Затем новые искания. Склонность к мистицизму и вера в возможность непосредственного единения человека

с Богом или Абсолютом связана с его раннем детством, когда во время Божественной литургии, он впервые узрел Софию - Божественную Премудрость, явившуюся ему в образе женщины необычайной красоты, которая, якобы, предрекла ему великий путь. «Лазурь кругом, лазурь в душе моей. Пронизана лазурью золотистой, В руке держа цветок нездешних стран, Стояла ты с улыбкою лучистой, Кивнула мне и скрылась в туман» - так он описал это свое первое видение в автобиографической поэме «Три свидания. Этот мистический опыт Соловьев пытается расширить. В 20 лет отправляется в Англию, где изучает каббалистику, посещает спиритические сеансы А.Н. Аксакова. Затем увлекается оккультизмом и теософией. Во время работы в Британской библиотеке - опять видение, явившаяся вновь София направляет его в Египет. В пустыне под Каиром в начале 1875 г. он увидел опять безбрежную космическую лазурь с женским лицом. Это третье свидание -видение Софии Премудрости Божией он описал так:

«Вся в лазури сегодня явилась предо мною царица моя....
Тихим светом душа засветилась. А в дали, догорая светилась
Злое пламя земного огня».

Такое эмоционально - умозрительное состояние, постоянные искания истины, резкие изменения, переход от одной крайности к другой, несомненно, сказались и на его весьма противоречивой философии, и на личности, и на психическом состоянии.

Идея Всеединства является главной в философии В. Соловьева, она определила постановку исторических вопросов и проблем человека. Основы учения о всеединстве, как начале и цели мирового процесса были изложены им в докторской диссертации «Критика отвлеченных начал», в работах «Духовные основы жизни», «История и будущность теократии», «Россия и вселенская церковь» и т.д.

«Все существует во всем» - такова общая постановка вопроса его теории. Истина – это «всеединство», постигаемое в цельном знании, в основе которого лежит синтез религии, философии и науки или веры мысли и опыта, есть результат совместного действия органов чувств, разума и интуиции. Видя в этом гармонию и согласованность всех частей Вселенной, Соловьев делает вывод, что, абсолютное всеединство - это Бог, творческая воля которого пронизывает весь мир; несовершенное, внебожественный мир - это природа; человек занимает как бы среднее положение между безусловным и переходящим миром явлений. Мир содержит божественный элемент (всеединство) как идею. Но без элемента божественного всеединства он не может существовать, поскольку всеединство есть то, к чему стремится жизнь духа, который находит свое выражение в процессе познания. [6]

Осуществление «живого всеединства», согласно Соловьеву, совершилось в лице Христа. Оно явилось для людей «как высшая сила, которая овладела ими, но которую они не овладели» или овладели немногие. Для основного же большинства Христос, как воплощение всеединства, гармонии, идеального и материального стал далеким и непостижимым фактом. Этим воспользовалась церковная организация, которая пыталась одухотворить общество, самого человека верой в чудо, тайну, авторитет, но стала застывшей структурой.

На основе всеединства, В. Соловьев строит свое учение о «Вселенской теократии». По его замыслу все христианские народы должны объединиться, прежде всего духовно. Россия, как крупнейшее государство, должна стать инициатором и главной опорой духовного объединения христианских стран. Но во главе этого духовного объединения по его замыслу должен стать папа Римский, а светскую власть - возглавить российский император. Первым шагом к этому должно было стать соединение Восточной и Западной Церквей. [7]

Несмотря на то, что в теократической системе Соловьева России принадлежит важная роль - она должна осуществить земное царство Мессии, но русская империя отдает свою политическую власть в распоряжение папе. При этом сам указывает, что только русская церковь - единственная церковь в мире, «сохраняет и утверждает начало вселенского социального единства против эгоизма отдельных лиц и стремления к обособленности отдельных наций, одна она хранит свободу духовной власти против абсолюта».[8]

Идея объединения не нова, но она не могла быть осуществима в силу не только разногласий канонического и богослужебного характера, нарушения моральных норм самими иерархами католической церкви, но и притязания Римских пап на вселенское руководство церквами, политическое влияние на светскую власть, насильственное крещение вновь завоеванных народов (Соловьев кстати, в работе «Россия и вселенская церковь» отмечает, что средневековый клерикализм и папизм привели к появлению протестантизма и лютеранства как протеста против стремления путем принуждения объединить народы), что в корне отвергалось православной церковью

Однако, разбирая отдельные канонические догматы, он не находит особых противоречий для разногласий, считая их несостоятельными для объединения Восточной и Западной церквей, акцентируя внимание больше на сходстве, чем различиях, тем самым игнорирует историческую действительность, скатываясь на позиции католицизма. При этом он не мог предвидеть, что через каких-то 100 лет, католическое христианство (церковь) начнет скатываться в пропасть, переиначивая положе-

ния Евангелия, по-своему толкуя послания Апостолов и святых отцов, отказываясь от традиционных человеческих ценностей, превращая храмы в «клубы по интересам», чтобы привлечь людей. В то же время именно Россия и русская православная церковь сохраняет традиционные ценности и все больше верующих наполняют ее храмы, притом в разных странах.

Учение о всеединстве является важной частью религиозной системы В. Соловьева и естественным образом перерастает в идею богочеловечества. С момента возникновения христианства история общества превращается из процесса человеческого в процесс богочеловеческий. Согласно идее, Богочеловек - это одновременно существо отдельное и универсальное, охватывающее все человечество, где «религиозное развитие есть реальное взаимодействие Бога и человека, это процесс богочеловеческий», поскольку религия есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего...». [8]

Преследуя цель совершенствования человека, избавления его от греха, Бог появился в земном историческом процессе в виде Богочеловека - Иисуса Христа, который подвигом своей жизни начинал с победы над нравственным злом и закончил победой над злом физическим - над законом смерти и тления, открыв таким образом людям Царство Божие. Человек стремится к Богу через любовь, добро, справедливость, нравственное совершенствование, отвергая в себе злую волю, осознавая себя частью универсальной личности - Богочеловека.

Туманность, многозначность и противоречивость многих философских положений является следствием невозможности соотнести его учение с русским ортодоксальным православием, прежде всего софиологию с учением о Святой Троице. София у Соловьева - «не Христос, и не Дух Святой, а некое единящее начало в Боже-стве, посредствующее звено между миром Божественным и миром тварным определяется как пассивное, женственное, и получает название «вечной женственности». Учение о Софии связано с теорией всеединства, которая призвана раскрыть внутреннее органическое единство бытия.

В. Соловьев внес свой вклад, по сути, во все направления философской мысли, и в христианскую философию, и интеллектуальную жизнь России. Несомненно, это был человек гениального склада ума, о чем говорят его многочисленные философские, литературные произведения и поэзия. К. Мочульский отмечал сложный, мечущийся характер Соловьева и при этом редкое обаяние - «люди влюблялись в него с первого взгляда». Он «был не философом определенной школы, а Философом с большой буквы и таким он останется для России навсегда».[5]

Несомненно, что В. Соловьев был верующим человеком, но вера его была своеобразной, православие он понимал по-своему и хотел исправить, но это не снижает его вклад в русскую философию и культуру. «Этот странник был зачинателем оригинальной, своеобразной русской философско-религиозной мысли, ... всегда жил верой, всегда жил мистическим прозрением, всегда жил порывом к вечности... Владимир Соловьев был ярчайшая личность, которой может гордиться каждая культура». [11]

Еще один представитель русского религиозного ренессанса Сергей Николаевич Булгаков (протоиерей о. Сергей) (1871-1944) – религиозный философ, экономист, богослов, также проходит сложный и даже тернистый путь поиска: от веры к увлечению марксизмом, затем к богословию, от современности к православию. Профессор Московского университета, доктор политэкономии принимает священство, что в кругах интеллигенции того времени вызывает непонимание и даже скандал. В 1922 г. был выслан из Советской России, долгое время был профессором Парижской Духовной академии.

При анализе работ С. Булгакова до настоящего времени существуют также разногласия – он больше философ или богослов. [10]

Естественно, что, его философия, как и философия В. Соловьева, вызывала неоднозначную оценку. Даже была назначена специальная комиссия по выявлению и «еретическому искажению православных христианских догматов» в его трудах, закончилась она для него, правда, без серьезных последствий, однако же многие положения были осуждены Архирейскими соборами официальной русской (1935г) и зарубежной в Карловцах (1937г.) православными церквями.

Не имеет смысла приводить большое число различных высказываний по этому поводу. Остановимся на отрывке из статьи епископов Кирилла и Мефодия (Зинковских): «Свободная и нетрадиционная трактовка философом основных догматических понятий, присвоения исключительного статуса Софии, тенденция к смешению сфер ипостасного и природного бытия, нарушение баланса личностного и природного начал с усилением значения последнего приводят к неоднородности и неопределенности всей его догматической системы. А... убеждение в необходимости изменения матрицы христианского мировоззрения путем ее «софийного» переосмысления, представляются авторам оспариваемой осью о. Сергия... и отходом от святоотеческой традиции». [4]

Достаточно подробно идеи софиологии С. Булгакова разбирались и за рубежом. Так, на конференции в Праге в 1924 г. с подробным анализом выступили те же Зинковские, не поддержали эту идею и многие евразийцы. [3]

В основе философии С. Булгакова лежит понимание космоса, как живого, одушевленного целого, в связи с этим возникает идея «мировой души», силы, которая соединяет мир, проявляет свое действие всегда, – она «многолика, пребывая субстанционально единой». Одним из важных тезисов философии С. Булгакова является «... миру не принадлежит бытие-оно ему дано». Этим утверждается творческая сила и неистощимость мира. Имея множество «бываний», тварное бытие имеет универсальную подоснову – материю, духовную телесность, живоносное, рождающее начало всего многообразия мира.

Не без влияния философии В. Соловьева и П. Флоренского, С. Булгаков обращается к религиозному пониманию мира, что выходит за рамки чисто космологической темы, однако рассматривает идею всеединства и богочеловечества в несколько ином ключе чем они. В своих двух работах «Свет невечерний: созерцания и умозрения» и «О Богочеловечестве. Агнец Божий» учение о всеединстве и богочеловечестве, как связующего звена между Богом и миром, полностью связано с идеей Софии.

В отличие от софиологии Соловьёва и Флоренского, где София Премудрость Божия есть начало, посредствующее меж Богом и миром, София в у Булгакова есть сама природа Божья- Усия, понимаемая ... как раскрывающееся содержание; Божественная природа есть не только сила жизни, но и содержание, — абсолютное содержание абсолютной жизни со всеми ее «свойствами», - свойство всех свойств. [2] «Этому содержанию соответственно включать в себя Все, ... это Все может быть понято как... органическая внутренняя целостность, целомудрие в единении, - Все как единство и единство как Все - Всеединство. Жизнь Божия есть это положительное Всеединство, и Всеединство есть природа Божия.... Когда мы говорим о Божестве Бога, то разумеем одновременно Его природу как источник жизни, и ...самую жизнь, причем они... тождественны, как тождественны Усия и София». [2]

София может быть отождествлена с Логосом, поскольку она есть Премудрость; она может быть отождествлена с Духом Святым, поскольку она есть Слава и Красота Божья; она может быть отнесена к Отцу, поскольку она есть мир Божий. Здесь речь идет о Святой Троице. Это важное утверждение опровергает высказанную им в «Свете Невечернем» мысль, которой Булгаков называет Софию «гранью» между Богом и творением, наделяет ее «личностью и ликом», именуя ее новой, «особой иного порядка, четвертой ипостасью», что позволило церкви не только сомневаться в принадлежности его к православной традиции, но, по-видимому, привело к осуждению этих положений Архирейскими соборами 1935, 1937 гг..

Утверждая, что София не четвертая ипостась, в рабо-

те «Агнец Божий» Булгаков подчеркивает, Божественная София есть не свойство Бога, а «живое и живущее существо»); она есть «Жизнь жизни» — «в Боге, которой есть Любовь». Поэтому благодаря Софии «Все» связывается во Всеединстве», так что София представляет собою «органический образ многоедиинства», такую целостность его, которая может быть названа «целомудрием», «соборностью». Божественная София не ипостасна: она не есть личность, не есть дух, а только душа; как «усия», она есть Божество, которое не есть личность, хотя и принадлежит Лицу (и Лицам) и в этом смысле «насквозь ипостасирована» Лицами Св. Троицы. [3]

С. Булгаков одним из первых поставил вопрос о соотношении божеского и человеческого естества, как основу их соединения в Богочеловеке. В соответствии с его концепцией о богочеловечестве он развивает учение о мировом историческом процессе в его целостности, от акта творения, через «падшесть» и конечное Преображение, представляя как «Богочеловеческий процесс» воссоединения твари с Богом.

Через этот постулат Булгаков раскрывает образ и подобие, по которому человек был создан. Человек, согласно Булгакову, имеет в себе образ Божий, как онтологическую основу своего существа, причем этот образ «не ограничивается какой-либо одной стороной или свойством, но проникает во всю его жизнь, в отношении к миру, в духе». Но будучи образом и подобием Божиим человек все-таки имеет отличия. Человек «абсолютен в идее, в своём сознании. Триипостасность абсолютного проявляется в нём как воля, ум и чувство, Добро, Истина и Красота. Человек ипостасен и в плане личностного характера своего бытия». Земной человек имеет свой первообраз в идее вечного небесного человека, Адама, который выражен во второй ипостаси Бога-Сына. Принцип человека воплощает в себе как микрокосме всеединство тварного мира. Природа человека двуедина: принцип пола, разделения на мужское и женское, заложен в духовности человека. [2]

Естественно, Булгаков не может обойти стороной проблему появления зла в мире, которую пытаются объяснить богословы еще со времен средневековой патристики. «Человеческая духовность и свобода имеет начало в Боге», — пишет он. От Бога индивидуальное человеческое «Я» получает план своей жизни». Однако человеку дана свобода выбора в реализации этого плана и как он воспользуется данной ему свободой, «пойдет путем Христа или отклонится от начертанного ему пути». Из свободы, утверждает Булгаков, и «проистекают...» своеволие, различные степени греховности и зла».

Идеи Всеединства и Богочеловечества рассматриваются С. Булгаковым во многих его работах, комментировать которые достаточно сложно, потому что, на наш взгляд, для этого надо глубоко знать православное богословие. И хотя о. Сергей отмечает, что философия «уже и есть богословие», поскольку пытливая «систематическая мысль — это неотъемлемая черта человеческого разума», остается принять или отрицать его идеи. Он имел право на свое видение, считая, что богословие не может стоять на месте и должно развиваться. Но русская православная Церковь и некоторые православные иерархи в России и за рубежом настороженно и даже отрицательно высказались, особенно об идеях софиологии, усматривая в них ересь, «противоречие устоявшимся традициям православия», искажение и «попыткой переосмыслить догматизм».

На основании вышеизложенного напрашивается следующий вывод: Владимир Соловьев и Сергей Булгаков (о.Сергей) — фигуры многогранные, широко образованные жили и творили в беспокойный, противоречивый период русской истории, ставящей много вопросов как политического, так и богословского характера, постоянных дискуссий о пути развития России и роли в нем православной церкви и эти противоречия не могли не отразиться на их философии и на них самих. Сейчас идет переосмысление творчества этих выдающихся личностей, однако едва ли дискуссии на этом прекратятся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоний (Храповицкий) Архиепископ. Ложный пророк. Собрание сочинений. -М.: Дар. 2007. Т2. С.262-266.
2. Булгаков С. (протоирей). Агнец Божий. О Богочеловечестве. - Париж: YMCA-PRESS. 1933. С.125-129.
3. Булгаков С.Н. (протоирей). Ипостась и ипостасность. Scholia к (Свету Невечернему). Публикация и комментарии А.И. Резниченко// Сергей Булгаков. Pro et contra. Т.2/ Сост.коммент.иеромонаха Мефодия (Зинковского), иеромонаха Кирилла (Зинковского), иеромонаха Тихона (Васильева), А.И. Резниченко. - Спб.РХГА. 2021. С148,150, 156, 159, 184.
4. Кирилл (иеромонах), Мефодий (иеромонах) Зинковские. Богословское понимание единства протоиереем Сергеем Булгаковым в свете богословия личности. Azbyka.ru/otechnik/Kirill_i_Mefodij_Zinkovskie/bogoslovsoe-ponimanie-edinstva-prot-sergiem-bulgakov-v-svete-bogoslovija-lichnosti// Дата обращения 29.01.26.
5. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. - Париж: YMCA-PRESS.1936. Электронный ресурс: <http://rodon.org/mkv/vsjin.htm> (размещено в сети 27.06.2007). Дата обращения 26.01.26.
6. Неопубликованные письма Г.Флоровского П.Флоренскому. Vuzdoc.ru/95179/filosofiya_nasledniki?ysclid=mk1brnmeiw30699391. Дата обращения 10.02.26
7. Осипов А.И. Лекция, прочитанная в Духовной Академии о В.Соловьеве. Alexey-osipov.ru/video/wise-lekci/nauka-apologetika-2/2005-2006-10-31-a1-0-

- visoloveve?ysclid. Дата обращения 10.01.26).
8. Соловьев В.С. История и будущность теократии. Т.1.-Загреб: 1887. -С. IV, XX, 23, 29.
 9. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. 1 и 2 кн. - С.-Петербург: 1912. - С.5, 33, 52, 147, 125, 164.
 10. Соловьев В.С. Чтение о богочеловечестве. Теоретическая философия- М: 2011. Академический проект. С.43.
 11. Терещенко А. Отец русской философии Владимир Соловьев: странствующий рыцарь-монах.vatnikstan.ru/history/otecz-russkoj-ilosofii-solovyov/?ysclid=mk5at6xmh209458449. Дата обращения 10.02.26 .
 12. Иеромонах Тихон (Васильев). Русская христианская гуманитарная академия. Богословие и философия в трудах С. Булгакова. 1993. pureportal.spbu.ru/files/100671299/_pdf. Дата обращения 22.01.26 .
 13. Цыплаков Дмитрий (дьякон). Владимир Соловьев: «Блудный сын русской философии». Православный свято-тихоновский гуманитарный университет. 1911. Pravoslavie.ru/48086.html?yclid= mkux0w2pv0629124505. Дата обращения 10.02.26.
-

© Королева-Конопляная Галина Иосифовна (koroleva-1944@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОЗНАННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ: ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ БУДУЩЕМУ

Рябова Екатерина Юрьевна

преподаватель, ФГБОУ ВО МГУ им. Н.П. Огарева,
(г. Саранск)
ryabova.katerinka@bk.ru

CONSCIOUS CONSUMPTION: A PATH TO A SUSTAINABLE FUTURE

E. Ryabova

Summary: Conscious consumption is today a response to irrational purchases and one of the solutions to the problems of sustainable development in society. A number of studies on conscious consumption have focused on analyzing the gap between the behavior and the actual attitude of ethically responsible consumers. However, no specific solution has been proposed to encourage consumers to do what they say they will do. To complement this practice and improve the quality of companies' offerings, a study was conducted using qualitative methods to identify the factors that hinder or promote conscious consumption.

Keywords: green consumption, innovation, conscious consumption, irrational purchases, risk of social failure, social responsibility, environmental risk, sustainable development.

Аннотация: Осознанное потребление сегодня является ответом на нерациональные покупки и одним из решений проблем устойчивого развития общества. Ряд исследований в области осознанного потребления сосредоточены на анализе разрыва между поведением и фактическим отношением ответственных в этическом плане потребителей. Тем не менее, не было предложено конкретного решения, чтобы потребители начали делать именно то, что они говорят. Чтобы дополнить эту практику и повысить качество предложений компаний, было проведено исследование с использованием качественных методов на выявление факторов, препятствующих или способствующих возникновению осознанного потребления.

Ключевые слова: зеленое потребление, инновации, осознанное потребление, иррациональные закупки, риск социальной несостоятельности, социальная ответственность, экологический риск, устойчивое развитие.

Введение

Осознанное потребление активно обсуждается в последние годы, признавая необходимость изменения существующих моделей потребления, особенно в развитых странах, для достижения устойчивого развития. На Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге была подтверждена необходимость принятия образа жизни и моделей потребления, отвечающих требованиям устойчивого развития. Организация Объединенных Наций подтвердила свою приверженность этим целям на XXI век [1].

В поиске альтернативных моделей потребления, которые являются источником экологической и социальной нагрузки, ответственное потребление становится новой реальностью. Граждане, осознавая необходимость взять на себя ответственность, добровольно принимают привычки и образ жизни, способствующие устойчивым моделям потребления, и активно участвуют в проекте устойчивого развития. При этом они учитывают последствия потребления, знают о существующих альтернативах, имеют мотивацию и стимулы для изменений, а также способность выбирать в соответствии с имеющимися ресурсами и инфраструктурой [2, с. 11].

Современное осознанное потребление представляет собой акт приобретения товаров или услуг, который способствует положительному влиянию на окружающую

среду и общество. Оно является ответом на иррациональные покупки и одним из способов решения проблемы устойчивого маркетинга. Согласно исследованию Observatoire de la Consommation Responsable (OCR), в 2022 году 67,6% жителей Квебека приобретали товары у экологически чистых компаний, а 61,3% выбирали социально этическое потребление. Однако, несмотря на стремление этих потребителей защитить окружающую среду и общество, исследователи обнаружили противоречие у некоторых ответственных потребителей, которые предпочитают иррациональные продукты.

Множество исследований было посвящено исследованию поведения потребителей и противоречий, связанных с ним. Однако, мнение потребителей редко отражается на их фактическом покупательском поведении. Большой интерес представляют исследования, нацеленные на выяснение того, насколько беспокойства потребителей действительно влияют на их ежедневные покупки. Результаты этих исследований до сих пор остаются неоднозначными.

Одной из причин такого неоднозначного ответа является отсутствие мотивации у людей действовать в соответствии с их моральными установками. Бихевиористская теория показывает, что, изменяя свой опыт, последствия покупок и использования продукта позволяют потребителям пересмотреть свои предпочтения в отношении товаров и компаний. В соответствии с теорией ментального учета, потребители придают большую

ценность прибыли, когда она разделена, и меньшую - когда она интегрирована. Однако, эти теории не предлагают конкретных решений [3, с. 301].

В ходе исследования были поставлены следующие задачи: определить, почему потребители, которые считают себя «осознанными», покупают не этичные товары; Какова роль риска «осознанного» потребителя, который противоречит своим убеждениям? Исследование направлено на выявление факторов, мешающих или способствующих развитию этического потребления. Результаты так же помогут улучшить практику управления компаниями-производителями. Для достижения этих целей использовались качественные методы исследования. В обзоре литературы рассмотрены теоретические аспекты иррациональных покупок и «осознанного» потребления.

Обзор литературы

В последние годы набирает популярность тренд на осознанное потребление, которое подразумевает сознательное отношение к окружающему миру и ресурсам так, чтобы не ущемлять в удовлетворении своих потребностей будущие поколения [4].

Ряд исследований предлагает различные подходы и практики, связанные с ответственным потреблением. Например, И.В. Арндачук предложил модель ответственного потребления, основанную на потребительской этике с четырьмя характеристиками: воздержание от потребления, снижение потребления, покупка или использование продуктов и услуг с экологическими и социально-устойчивыми качествами, а также покупка или использование заменителей продуктов или услуг, которые предлагают экологически и социально приемлемые решения [3, с. 302].

Согласно определению Н.Ю. Изюмовой и Д.Р. Шишкиной, «осознанное потребление – модель потребительского поведения, суть которой заключается в отказе от ненужных покупок в пользу заботы о себе и окружающей среде, а также в игнорировании брендов, продвигающих аморальные идеи» [5, с. 58]

Как отмечает В.В. Герасименко, современные ценностные ориентиры, безусловно, воздействуют на те мотивы, которыми руководствуется потребитель в процессе выбора товара. Технологии общественной презентации своей позиции через социальные сети создают возможности реального воздействия на производителей, что усиливает у потребителей мотивацию к коммуникации с брендом [6, с. 9].

Исследования, посвященные проблемам, стоящим на кону в этом потреблении, а именно: отказ от покуп-

ки продуктов, произведенных в стране, политические действия которой осуждаются, рост справедливой торговли, потребление органических продуктов и т.д. и их влияние на покупку, определяют этическое потребление как взвешенный и осознанный подход к выбору, учитывающий социальные, политические и экологические аспекты [7].

Согласно теории обучения, потребители должны дать себе возможность делать реальный выбор, уменьшать неопределенности, дополнять и обновлять свои знания, переосмысливать свое поведение, размышлять о своих установках и, наконец, перейти от того, что они знают, к тому, чего они не знают [8, с. 10]. Можно выдвинуть гипотезу о том, что «*вопросы осознанного потребления оказывают положительное влияние на покупку потребителей, которые ведут себя вопреки их настроению*», чтобы окончательно проанализировать эффект чувствительности к риску.

Риски, особенно связанные с продуктами питания, здоровьем и благополучием, являются центральной проблемой. Анализируя влияние чувствительности к риску на комбинаторную связь между измерениями осознанного потребления и иррациональной покупки, некоторые исследователи отмечают, что риск, который предполагается внешним по отношению к потребителю, навязывается ему как экзогенный фактор. В свою очередь, потребитель связывает это со своими личными предпочтениями, определяя иерархический набор действий, которые приводят к рассматриваемому решению. Таким образом, потребитель, который на самом деле подвержен уровню риска, который считается высоким, может сделать это либо потому, что он или она действительно «не склонен к риску», либо потому, что, хотя он или она не склонны к риску, он или она плохо информированы о риске, которому он или она на самом деле подвергается [7].

Таким образом, формулируется вторая гипотеза о том, что «чувствительность к риску влияет на покупку этического потребителя, который ведет себя вопреки своему отношению». Для них физический риск, связанный со здоровьем, сенсорный риск или риск производительности, связанный с органолептическим разочарованием, идентификационный или психологический риск (потеря идентичности), неодобрение со стороны окружающих или социальный риск, финансовый риск, связанный с потерей финансовых ресурсов, юридический риск, связанный с возможностью быть оспоренным законом, и глобальный риск — это то, чему подвергаются потребители.

На основе вышесказанного можно предложить концептуальную модель с двумя направлениями исследования (рисунок 1).

Рис. 1. Концептуальная модель исследования
 Источник: составлено автором исследования.

Методология исследования

В данном исследовании использовались полуструктурированные и экспертные интервью. С целью избежать неполноты информации, которая могла бы быть собрана во время опроса, мы решили не ограничивать социально-демографический профиль участников. Всего было опрошено 15 респондентов. Полученные данные были подвергнуты контент-анализу, начиная с расшифровки выступлений респондентов. Затем были проанализированы значимые элементы речей и выделены эквивалентные предложения и ответы по темам. Используя тематический и оценочный анализ, был произведен анализ различных ответов.

Результаты исследования

Результаты этого исследования подтверждают гипотезу о наличии разных траекторий перехода к этическому поведению. Наша статья предлагает новое понимание многообразия возможных траекторий, которые ведут к принятию этических и ответственных практик потребления. Особенностью этих трех траекторий является эволюция этического и ответственного поведения. Траектория экспансии характеризуется постоянным принятием новых ответственных моделей поведения, траектория стагнации имеет периоды плато, а траектория колебаний отмечена временными взлетами и падениями.

Благодаря представлению жизненных историй, связанных с этими траекториями, мы смогли выявить общие темы. Во-первых, каждая типология объединяет осознанных потребителей, развивших свою идентичность как этических потребителей по-разному. Некоторые испытывают внутренние конфликты, в то время как другие нет. Управление этими конфликтами, кажется, частично определяет траекторию, которую выбирают эти индивиды. Во-вторых, решение информанта признать этическое потребительское поведение часто сопровождается убеждением, которое также может влиять на траекторию его поведения.

Принятие новых моделей потребительского поведения может привести к формированию новой индивидуальной идентичности, которая развивается параллельно с изменениями на рынке. Для более глубокого понимания особенностей трех траекторий перехода к осознанному потреблению важно изучить процесс формирования и развития этой идентичности.

В литературе этот процесс формирования ответственного потребления редко обсуждается. Некоторые авторы исследовали его, но в контексте конкретных случаев, таких как отказ от собственности или добровольная простота. Из этих исследований следует, что переходящие люди не просто принимают существующую модель потребления, а скорее создают свою собственную, устанавливая собственные границы. Наблюдается индивидуализация целей идентичности, которые достигаются через тройную траекторию. Именно поэтому большинство опрошенных не чувствуют принадлежности к коллективной идентичности, связанной с группой этических потребителей. Однако эти исследования сфокусированы на определенных типах потребления и не позволяют полностью исследовать различные способы формирования идентичности, связанной с этическим потреблением в целом. Изучение всех аспектов этих потребителей не только позволило противостоять фрагментарности предыдущих исследований, но и продемонстрировало многообразие и сложность, проявляющиеся в их переходе, особенно через совместное формирование идентичности.

Среди тех, кто придерживается траектории экспансии, можно выделить тенденцию иметь персонализированное и идеалистическое представление о том, что означает быть осознанным потребителем. Это идеалистическое видение побуждает их стремиться к непрерывному самосовершенствованию, что приводит к вечной траектории роста. Экспансионисты придерживаются высоко регулируемого образа жизни, что отличает их от тех, кто выбирает колебательную траекторию. Последние имеют прагматическое, а не идеалистическое представление, что делает их более уязвимыми к изменениям в окружающей среде.

Среди литературных исследований по вопросу идентичности осознанного потребления важно упомянуть исследования, которые сосредоточены на множественности идентичностей (С.В. Бородулина, И.Н. Пронина, М.В. Тлостанова и др.) [9, с. 248], [10, с. 186], [11, с. 198]. Авторы исследуют управление дилеммами и внутренним моральным напряжением, возникающим из-за множественности идентичностей, присутствующих внутри индивидуума. Для преодоления этого конфликта индивид переживает трансформацию своего образа жизни и способа потребления, чтобы создать целостное моральное «я». Сначала потребитель строит жизненный проект, называемый «Life Project», достигая идеализированного образа жизни и себя. Потом он постепенно создает общую «Тему нравственной жизни», которая охватывает проблемы, которые индивид хочет решить своим повседневным образом жизни. Именно эта жизненная тема направляет его множество жизненных проектов. В результате управления множественностью идентичностей появляется проект «Металайф», объединяющий различные проекты в рамках единого целостного идеализированного проекта. Таким образом, моральная согласованность практически неизбежно претерпевает метаморфозу в форме проекта «Металайф».

Осознанное потребление превращается в систему ценностей, которая применяется в различных сферах повседневной жизни индивида. Этот процесс достигается через достижение двух целей: стремления к идеальному образу жизни и соответствию своим ценностям. Наши результаты показывают, что этот процесс проявляется в расширении сфер деятельности, напоминающем «эффект перелива», когда экологическое поведение усиливает склонность к участию в дополнительных экологических действиях.

Осознанное потребление, которое приносит пользу обществу, может конфликтовать с личными интересами. Результаты отечественных и зарубежных исследований показывают, что наличие морального «самолицензирования» может стать инструментом, который позволяет потребителям с чистой совестью следовать скажем так эгоистическому поведению и сохранять хорошую репутацию. Другие люди склонны отрицать свою ответственность, убеждая себя в том, что они не несут личной ответственности за последствия своих действий, и что внешние факторы, такие как правительственная политика, должны учитываться. Эти различные стратегии нейтрализации помогают объяснить, почему достигается плато в ответственном поведении, что приводит к застою.

Следует отметить способ, которым «осознанная» идентичность формируется в человеке, а также то, как человек справляется с внутренними конфликтами, определяют траекторию перехода к ответственному поведению. Различия в траекториях в этом процес-

се позволяют новым образом взглянуть на эволюцию осознанного потребления.

Результаты исследования показывают, что люди стараются преодолеть внутренние противоречия. Ощущение вины может возникать, когда потребители осознают свое неответственное поведение. В последние годы исследователями было обнаружено взаимосвязь между ответственным поведением и эмоциями, испытываемыми потребителями. Некоторые информанты нашего исследования, следуя траектории экспансии, выразили чувство вины. Чтобы преодолеть это, они начали придерживаться этического поведения. Наоборот, пользователи, принадлежащие траектории флуктуации, зачастую ощущают постоянную вину, что ранее не отмечалось в литературе. Потребители, следующие за более крутой траекторией флуктуаций, ощущают себя «беспомощными» в ситуациях, где они оказываются. Это особенно заметно, когда они сталкиваются с ситуациями, где их действия не имеют значения по сравнению с другими. В случае с потребителями, находящимися в застойной фазе, чувство вины нейтрализуется описанными выше защитными механизмами.

Другие потребители, проявляющие высокую степень индивидуальной ответственности за свои действия, склонны перекладывать эту ответственность на окружающих. Таким образом, когда люди в их окружении, а также принимающие политические или экономические решения, игнорируют определенные факторы, эти информанты часто испытывают разочарование. Это разочарование может быть направлено на всех, кто не принимает меры, на правительства, некоторых политических лидеров или даже на определенные предприятия, включая продуктовые магазины.

В целом также есть ощущение непонимания между политическими решениями и их восприятием текущей ситуации. Другие будут использовать это разочарование, чтобы предпринимать больше действий на индивидуальном уровне, расширяя свой спектр, а третьи будут пытаться влиять на окружающих, используя различные тактики. В крайнем случае, эта разочарованность превращается в своеобразную мотивацию к действию. Это распространяется как на тех потребителей, которые движутся в сторону расширения, так и на тех, кто движется в сторону колебаний. Это разочарование, по всей видимости, заложено в основе недовольства и даже определенной тревоги, которые испытываются во время такого переходного периода.

Заключение

Исследовательский подход имел важное значение для данного исследования. Впервые была рассмотрена идея различных траекторий в индивидуальных переходах к

этичному потребительскому поведению. Возможность включить в анализ более широкий спектр этических потребителей, не ограничиваясь конкретным сегментом потребления, позволила выделить три типа траекторий перехода: расширение, колебания и стагнация.

Таким образом, хотя некоторые авторы полагают, что потребление и ответственный образ жизни являются непрерывными или даже бесконечными процессами, изучение типологий траекторий показало, что это утверждение не всегда является верным. В то время как большинство осознанных потребителей стремятся постоянно внедрять новые инициативы для уменьшения негативного влияния своего потребления на общество

и окружающую среду, т.е. следуют траектории расширения, многие этические потребители проходят через этот переход по-разному. В частности, мы обнаружили траекторию стагнации, где ответственное поведение может остановиться на плато, и то, как мы относимся к этому типу потребления, может радикально изменить ее траекторию. Открытие траектории колебаний привело к исследованию новых концепций. Было выявлено существование регрессивной фазы осознанного потребительского поведения, о которой до этого не упоминалось в литературе. Кроме того, были выявлены преграды на пути поддержания осознанного потребления среди информантов, которые испытывают больше колебаний, но чаще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml
2. Бабкин А.В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития / А.В. Бабкин, Д.Д. Буркальцева, Д.Г. Костень, Ю.Н. Воробьев. - DOI 10.18721/JE.10301 // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. - 2019. - Т 10, № 3. - С. 9-25. - URL: <https://economy.spbstu.ru/article/2019.65.1/>
3. Арндачук И.В. Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 287–307. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307>
4. Machado A., Richter M. Integrative review: relations between sustainable consumption and conscious consumer. Researchgate.net. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/353393515_INTEGRATIVE_REVIEWRELATIONS_BETWEEN_SUSTAINABLE_CONSUMPTION_AND_CONSCIOUS_CONSUMER.
5. Изюмова Н.Ю., Шишкина Д.Р. Влияние осознанного потребления на маркетинг // Современные проблемы и перспективы развития туризма и сферы услуг: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2022. – с. 58-60.
6. Герасименко, В.В. Идеология осознанного потребления и восприятие ценностей бренда / В.В. Герасименко // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2021. – Т. 13, № 3(41). – С. 7-24. – DOI 10.38050/2078-3809-2021-13-3-7-24. – EDN QWXXGU.
7. Де Ферран Ф. Чувствительность и мотивация к потреблению этических продуктов: применение в области продуктов справедливой торговли, 2-е Дни потребителей в Нормандии, Кан. 2022, 280 с.
8. Сибирская Е.В., Овешникова Л.В., Михайкина Л.А. Цифровая экономика России: анализ современного состояния //Экономический анализ: теория и практика. – 2020. – Т. 19. – №. 1. – С. 4-24.
9. Бородулина, С.В. Потребление и идентичность (обзор теоретических подходов к взаимосвязи явлений) / С.В. Бородулина // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2-1(78). – С. 247-250. – EDN RAPNEF.
10. Пронина, И.Н. От вещи к бренду: символические практики потребления как поиск идентичности / И.Н. Пронина // Регионоведение. – 2010. – № 4(73). – С. 184-191. – EDN NCHJAN.
11. Тлостанова, М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности / М.В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 191-217. – EDN NQXEMV.
12. Брунц К.Х. Исследование истоков этического восприятия компании/бренда: ответ на комментарии Ши и Кона, Журнал бизнес-исследований, 2020, том 12, No 63, с. 1364-1367.
13. Волкова, Т.И., Кузнецова, М.Н. Венчурное финансирование: модели и оценка потенциала инновационных проектов / Т.И. Волкова, М.Н. Кузнецова. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2021. – 185 с.
14. Гагарина Г.Ю. и др. Региональный аспект анализа производительности труда как показателя эффективности экономики России //Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2019. – №. 3 (59). – С. 10.
15. Корниш Л. Этическое потребление или потребление продуктов? Исследовательский анализ мотивации, стоящей за покупкой этических продуктов, *Advances in Consumer Research*, 2021, том 41, с. 337-341.
16. Семиллер, К., и Грейс, М. Поколение Z: столетие в процессе становления. Нью-Йорк: Рутледж. 2018.
17. Сингх, А. Вызовы и проблемы поколения Z. *IOSR Journal of Business and Management*, 7 (16), 2014. С. 59–63.

© Рябова Екатерина Юрьевна (ryabova.katerinka@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОСТСОВРЕМЕННУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, Алтайский
государственный педагогический университет
(г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

TEMPORAL ASPECTS OF HUMAN EXISTENCE: THE TRANSFORMATION OF CLASSICAL CONCEPTS INTO A POSTMODERN REALITY

V. Skopa

Summary: Human existence is organized through a complex network of chronological parameters that have undergone fundamental reinterpretations throughout the development of philosophical discourse. The movement from the unified views of the classical period to the variable models of our era reveals dramatic reorientation in the interpretation of the essence of being. The pre-modern philosophical period has developed rigid paradigms for understanding chronology based on the principles of sequence, networks of interdependencies and universal patterns of evolution. These paradigms were perceived as immutable and beyond doubt, providing a solid foundation for interpreting the historical process and personal development. During the transition to the postmodern period, there was a radical revision of these provisions. Repetitive patterns have displaced the sequence of development, disintegration has displaced the unity of representation, and the diversity of interpretations has shaken faith in the only true world order. Chronology has lost its status as an independent reality and transformed into a constructed reality that allows for reinterpretation and decomposition based on the specifics of circumstances and the observer's point of view.

Keywords: society, being, social philosophy, time, man.

Аннотация: Существование человека организуется через сложную сеть хронологических параметров, которые претерпевали кардинальные переосмысления на всём протяжении развития философского дискурса. Движение от унифицированных воззрений классического периода к вариативным моделям нашей эпохи обнажает драматические переориентации в интерпретации сущности бытия. Досовременный философский период выработал жёсткие парадигмы для осмысления хронологии, основанные на принципах последовательности, сетях взаимозависимостей и универсальными закономерностями эволюции. Данные парадигмы воспринимались как непреложные и не подлежащие сомнению, обеспечивая твёрдую основу для интерпретации исторического процесса и личностного становления. При переходе в постсовременный период произошел радикальный пересмотр этих положений. Повторяющиеся паттерны потеснили последовательность развития, дезинтеграция вытеснила единство представления, разные толкования расшатали веру в единственно верный миропорядок. Хронология утратила статус независимой данности и трансформировалась в сконструированную реальность, допускающую переосмысление и разложение исходя из специфики обстоятельств и точки зрения наблюдателя.

Ключевые слова: общество, бытие, социальная философия, время, человек.

Человеческое бытие разворачивается сквозь многоплановую структуру временных измерений, которые претерпели значительные трансформации на протяжении истории философской мысли. Путь от фундаментальных представлений классической традиции к плюралистичным концепциям современности отражает глубокие сдвиги в понимании природы существования [1].

В классической парадигме время предстаёт упорядоченной последовательностью мгновений, в которой человек занимает подчинённую позицию. Модернистские подходы расширили это видение, признав активную роль субъекта в конструировании собственного временного опыта. Однако постмодернистская перспектива кардинально переосмыслила саму возможность унифицированного восприятия времени, предложив взамен фрагментарность, нелинейность и множествен-

ность одновременно сосуществующих хронологических реальностей [8]. Такая эволюция обнажает противоречивость современного человеческого положения. Мы одновременно связаны наследием прошлого, захвачены мгновением настоящего и неопределённо ориентированы на возможные будущие состояния. Это создаёт уникальное напряжение между стремлением к смыслу и признанием его изначальной ускользаемости в контексте постмодерной действительности.

Категория грядущего актуальна как для естественно-научного, так и для социально-гуманитарного научного арсенала. Однако её практическое приложение варьируется в зависимости от мировоззренческих ориентиров исследователя. Постмодернистская традиция, рассматриваемая в культурологическом ракурсе, в первую очередь задействует социально-гуманитарную интер-

претацию этой категории. Таким образом, постмодернизм, воспроизводя логику культурного развития, одновременно оспаривает установки модернизма и отчасти воскрешает досовременные способы понимания действительности.

Фундаментом философской мысли служило убеждение в объективности психического начала, религиозно интерпретируемого как божественная субстанция, предшествующая материальному миру. Содержательное наполнение такого понимаемого психического – от сенсорных впечатлений до абстрактного мышления воспроизводит материальную реальность предметов. Классическое выражение этот подход получил в древнегреческом платонизме как множество разумных существ материализуют трансцендентную иерархию умопостижимых идей, составляющую упорядоченное целое универсума [2, 6]. Такая парадигма обусловила то, что в древние времена и на заре средневекового периода природные процессы неизменно получали социально-гуманитарное толкование. Скажем, механическое передвижение предметов трактовалось как целенаправленное, их взаимодействие раскрывалось через понятия «любви-вражды», ответственности, полезности и прочие социальные категории. В финальном отрывке аристотелевской «Физики», где рассматривается источник движения объектов, прямо упоминается о нематериальной причине: «первый двигатель вызывает вечное движение в бесконечности времён... он неделим, лишён частей и величины» [2, с. 262]. По сути, телеологический механизм – вот что, по мнению Аристотеля, приводит тела в движение, поскольку целевая причинность в природе предполагает действие высшей силы. Столетия спустя церковный мыслитель Василий Великий, развивая эту концепцию, высказал мысль: «мироздание представляет творческое созидание... и в нём раскрывается разумность его Создателя» [4]. Подобное отношение к природным явлениям было органично для мировоззрения, укоренённого в традиции. Источники такого мировоззрения восходят к архаическому мифологическому сознанию, которое по природе своей антропоморфно и наделяет человеческими качествами всё окружающее.

Идеология модернизма, возникающая в Европе на закате Средневековья, вступает в противостояние с этим наивным мифотворчеством. Конфликт этот носит, в свою очередь, религиозную окраску, что ярко проявилось в одном из острейших споров эпохи – дискуссии между реалистами и номиналистами, что приходится на XI–XII века.

Номиналисты, утвердившие в философском лексиконе концепцию модерна, доводят монотеистическое учение до своего логического завершения, то есть акцентируют внимание на индивидуальности Божественного начала. Божественная личность не универсальна, как

миропонимание платонизирующих мыслителей древности и христианства, а исключительно своеобразна. Безграничная, выходящая за пределы человеческого разума воля Творца делает Его замыслы непостижимыми для сотворённых разумных существ. Природные явления, порождаемые Богом, могут обладать определённым назначением поскольку они суть результат сверхъестественного деяния, а не закономерного процесса. Однако этот божественный замысел становится принципиально недостижим для человеческого понимания [3, 6]. Человеку остаётся лишь выдвигать гипотезы относительно наблюдаемых им явлений.

Новая онтологическая схема модерна, в отличие от средневекового наследия, переворачивает соотношение материального и духовного начал, трансформируя при этом сущность последнего. Материальный объективный мир получает приоритет и преломляется в субъективных понятиях человеческого разума. Понижение метафизического значения духовного начала создавало условия для становления современного естествознания начиная с XVI столетия. Его методология базируется на построении учёными бесстрастных, не содержащих элементов очеловечивания предположений о закономерностях природы и их экспериментальной проверке. В философской традиции XVII–XIX веков эта парадигма получила выражение в деистических и материалистических системах, в том числе в историческом материализме. Закономерно и то, что в живописи нового времени доминирует воспроизведение видимого мира – проявление натуралистического мировоззрения, расцвет жанровых сцен, интерьеров, точное воплощение моментов человеческого бытия. Здесь царствуют ясность композиции, логическая упорядоченность, чёткие причинно-следственные цепи, линейная перспектива и виртуозность исполнения.

Схожая по масштабам трансформация произошла и в осмыслении временных категорий. В традиционном мировоззрении человек, обладавший доступом к сакральному знанию, ясно представлял финальное назначение универсума, к которому устремлялись все сущности. Грядущее, таким образом, было ему открыто и по существу совпадало с должным порядком; будущее подлежало воспоминанию. Эта логика питала процветающий жанр пророчества: от личной судьбы вплоть до мировых катаклизмов (апокалиптических видений).

В модернистской системе сохранялась объективность времени из наследия традиции, однако духовный смысл исчез и временной поток в естественном мире утратил свою универсальную гуманитарную размерность. Время в философии классического модерна – скажем, в произведениях И. Ньютона – рассматривается как параметр закономерного хода природных процессов, в которых человеческое присутствие совершенно несущественно.

В эпоху XIX–XXI столетий на культурной арене появляется постмодернистский феномен. И, как отмечалось ранее в настоящем исследовании, грядущее снова приобретает отчётливый социально-гуманитарный смысловой пласт. Это происходит вследствие того, что в постмодернистском синкретизме, помимо прочих характеристик, коренится своеобразная онтологическая позиция, чуждая как древним воззрениям, так и новоевропейскому мышлению. А именно: психика и вещество обретают субъективный статус. Такое положение дел непосредственно указывает на интеллектуальные корни постмодернизма, поскольку данная концепция в развёрнутом виде была выдвинута И. Кантом. Напомним: учение прусского философа обозначается (с известными оговорками) субъективным идеализмом ввиду того, что материальная действительность предстаёт в нём как творение человеческого разума. Отсюда следует кантовский парадокс в теории познания: «мы постигаем в (вещественных) предметах только то, что внесено в них нами самими» [5, с. 88].

Поскольку человеческая деятельность по своей природе целенаправленна, порождаемый его мышлением материальный универсум должен обладать антропологическим характером. Наряду с природным бытием этот характер должен распространяться и на временное измерение. Но здесь возникает острая философская проблема: что понимается под «человеческим началом»? Ведь, согласно Канту, коренной вопрос философского знания, на который ищут ответ онтология, этика и теология, звучит как: «в чём суть человеческого существа»? [5, с. 280]. Данное затруднение особенно явственно проступает в «Критике способности суждения», где Кёнигсбергский мыслитель развивает учение о целесообразности природных процессов. Он приходит к формулировке: «целесообразное без определённой цели». Этот кантовский оксюморон косвенно намекает на наличие некоей цели в природном мироустройстве, однако её содержание остаётся принципиально недоступным. Причина кроется в том, что, по Канту, наряду с материальным миром, конструируемым индивидуальным мышлением, существует иная – действительная, то есть независимая от сознания – реальность. Эта область – царство «вещей самих по себе» – принципиально скрыта. И. Кант, исповедовавший протестантскую веру, призывает принять трансцендентную природу этого скрытого мира на основе доверия, а доверие в протестантской традиции выступает главным аргументом божественного бытия [5].

Кантовское наследие имплицитно пронизывает смысловой фундамент постмодернистской парадигмы современности. Единственным, но существенным онтологическим нововведением выступает переакцентировка на социальной размерности человеческого бытия, вследствие чего и ментальность, и материальность дополнительно обретают интерсубъективное содержание:

природное начало интегрируется в культурный контекст. В результате в философских школах новейшей эпохи (позитивизм, экзистенциализм) формируется тенденция к поиску универсальных связей между категорией сущего и феноменом языка как центрального механизма социализации. Однако с позиций постмодернистского миропонимания признание того факта, что существует аутентичная, однако принципиально недоступная познанию действительность, в конечном счёте девальвирует все культурные артефакты (мировоззренческие системы, повествовательные структуры, знаковые комплексы и т. п.). Ибо эти явления функционируют как, по существу, лишённые объективного основания социальные комбинации.

Показательный пример в постнеклассическом научном знании – практический подрыв статуса истины, обнаруживающийся в настоянии на проверяемости теоретических положений и систематическом обращении к эмпирическому опыту. В современной философской мысли аналогичный процесс развёртывается через принцип деструкции текстуальности вплоть до отвлечённого скопления символов. Что касается художественной сферы, постмодернизм предлагает многообразные бессюжетные, фрагментарные произведения живописи (супрематизм, сюрреализм и др.), алогичные стихотворения и прозаические описания, театр парадокса и, наконец, «беспорядок вместо гармонии». По этому поводу рецензенты справедливо констатировали, что это «отступление от канонов в оперном жанре произрастает из того же пласта, что и ... нарушение норм в изобразительном искусстве, в словесности, в научном знании» [9, 10].

Один из ранних постмодернистских программных документов – «Манифест Дадаизма» – преднамеренно играет с ассоциациями детского лепета уже в самом названии. «Слово «да-да» репрезентирует наиболее элементарное отношение к феноменальному миру ... действительность предстаёт как одновременная какофония звуков, колористических оттенков и пульсирующих ритмов» [11]. Младенец в манифесте выступает символом прямого контакта с бытием. Речь идёт о призыве к человеку вернуться в архаическое состояние, предшествующее культурной социализации, когда сенсорный поток ещё не подвергнут фильтрации культурными парадигмами в материальные объекты. Это требование несёт в себе этическое измерение, поскольку побуждает индивида избавиться от внушённых обществом предубеждений (вероисповедных, сословных, национальных, идеологических, гендерных, прочих) и актуализировать свои творческие способности [11]. Что же касается генезиса самого потока ощущений в психике, здесь вновь плодотворно обратиться к философской системе И. Канта. Существует объективная, однако недоступная познанию сфера множественности «вещей самих по себе», и в глубинах человеческого существа коренится одна из них, в чём и заключается трудность дефинирования категории «чело-

век». Эта интимная «вещь в себе» – точка пересечения с истинным бытием [5]. Она функционирует подобно «чёрной дыре» в психическом поле, связывающей различные измерения реальности и на границе события, которой порождаются чувственные впечатления. Если принять во внимание священные подтексты кантовской философии, сохранившиеся в скрытом виде в постмодернистских парадигмах, то конструирование материального универсума в разуме, по всей видимости, направлено целью. Это обуславливает необычное восприятие временности. Заметим, что постмодернизм – явление многоплановое, в значительной степени синкретичное. Отдельные его проявления воспроизводят инерцию доминирующих традиций и модернистского миропонимания в том или ином нетрадиционном модусе. В таких конфигурациях, несмотря на их периферийный статус, временной поток обладает объективностью и движется по стандартной траектории – от минувшего к грядущему.

Постмодернизм как многогранное явление частично наследует модернистские и традиционные подходы, сохраняя объективность времени и его движение от прошлого к будущему. Однако в направлениях, опирающихся на субъективность ментального и материального, а также на непостижимость объективной реальности, время приобретает субъективный характер. Оно разворачивается в обратном направлении — от будущего к

прошлому. В этом контексте непредсказуемое будущее определяет известное прошлое, что перекликается с идеями М. Хайдеггера о «первоисточнике времени в будущем» и Ж.-П. Сартра о «преобладании существования над сущностью» [7, 10].

Таким образом, вопрос о восприятии и переживании времени в жизни людей претерпел кардинальные изменения на протяжении истории мысли. От традиционных философских концепций к современным интерпретациям развернулась полная переоценка того, как мы понимаем длительность, последовательность и значимость временных процессов. Классическая эпоха предложила устойчивые схемы осмысления времени, опираясь на линейность, причинно-следственные связи и универсальные законы развития. Эти модели казались абсолютными и неоспоримыми, предоставляя надёжный фундамент для понимания истории и индивидуального опыта. С наступлением постсовременной эпохи произошла фундаментальная переоценка этих постулатов. Циклические структуры вытеснили линейность, фрагментация заменила целостность, множественность перспектив подорвала идею универсального порядка. Время перестало восприниматься как объективный континуум и стало рассматриваться как конструкт, подлежащий переинтерпретации и деконструкции в зависимости от контекста и позиции субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. – 314 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 1981. – 613 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. – 294 с.
4. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/ (дата обращения 15.03.2026).
5. Кант В. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. – С. 69-756.
6. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. – С. 25-39.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. – С. 169-183.
8. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Человек. 1994. № 2. – С. 85-97.
9. Тугаринов В.П. Личность и общество. М., 1965. – 284 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. – 503 с.
11. Хюльзенбек Р. Дадаистский манифест 1918 г. // Крещатик. № 3. 2012. – С. 85-96.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ В МИРЕ РУССКОЙ СКАЗКИ

EXISTENTIALS IN THE WORLD
OF RUSSIAN FAIRY TALESE. Fetisova
N. Pashchenko

Summary: This article analyzes the existential themes of fairytale characters within the Russian folk tale. The authors draw a parallel between the key characteristics that define the uniqueness of human existence in the real world and those of characters in the fairytale world. It is concluded that the existential themes woven into the algorithms of how a subject experiences powerful, fateful events are the same in both worlds. This fact opens a new dimension in understanding the role of Russian folk tales in the process of human development. This process, through the playing out of magical stories, helps to form value nodes and meanings that facilitate acceptance of the world's absurdity and the search for meaning in life through the very process of existence, filled with choice and responsibility.

Keywords: existential, Russian fairy tale, existentialism, human existence, absurdity, freedom, hero.

Фетисова Евгения НиколаевнаК.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», (г. Хабаровск)
evseneya@mail.ru**Пащенко Николай Алексеевич**ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», (г. Хабаровск)
nik.khv2005@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются экзистенциалы сказочных героев в рамках русской народной сказки. Авторы проводят параллель между ключевыми характеристиками, определяющими уникальность человеческого существования в реальном мире и героев в мире сказочном. Делается вывод, что экзистенциалы, вплетенные в алгоритмы проживания субъектом сильных судьбоносных событий одинаковы для обоих миров. Этот факт открывает новую грань в осознании роли русской народной сказки в процессе становления человека как личности. Данный процесс помогает через проигрывание волшебных историй формировать ценностные узлы и смыслы, способствующие принятию абсурдности мира, поиску смысла жизни в самом процессе существования, наполненном выбором и ответственностью.

Ключевые слова: экзистенциал, русская сказка, экзистенциализм, бытие человека, абсурд, свобода, герой.

Актуальность анализа русской сказки через призму экзистенциальной философии обусловлена тем, что любая из отечественных сказок перекликается с основной проблематикой экзистенциализма. Сказочные герои сталкиваются с переживаниями и проблемами, которые присущи и человеку в обычном мире. Причем схемы проживания серьезных испытаний, реакции на трудности, страшные события содержат в себе универсальные ключевые модусы, которые и являются экзистенциалами.

В качестве философской категории экзистенциалы впервые введены философом-экзистенциалистом Мартином Хайдеггером и в рамках его философии сводились к следующим: Бытие-в-мире, Бытие-к-смерти, Страх, Забота, Настроенность, Понимание, Речь [3]. В современной философии экзистенциалы в более широком смысле представлены как априорные структуры человеческого существования, формирующие его уникальность. В сказках эти фундаментальные структуры представлены в предельной форме, поскольку позволяют себе купаться в волшебстве.

Цель статьи: показать, что мир русской народной сказки демонстрирует экзистенциалы, схожие со способами проживания бытия человеком в реальном мире. Сказку в этом смысле можно назвать зеркалом, в котором отражается бытие человека, но в его гротескном, абстрактном варианте.

Сказка многогранна, она и развлекает, и дает важные советы, и помогает проходить уроки. Сказка и намекает на фундаментальные вопросы о смысле мира и человека, о месте человека в мире, который часто предстает абсурдным. Сказочные герои, как и простые люди, научаются ценить свободу и силу выбора в рамках этой свободы, силу духа перед смертельной опасностью, этику и долг. Они проявляют смысл экзистенциалов через сильные испытания, граничащие с пограничными ситуациями. Логический парадокс в виде задания из сказки об Андрее-стрелке: «Иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», подчеркивает абсурдность сказочного мира. Загадку надо решить, и это решение так же абсурдно, но при этом достижимо. Просто методы должны быть волшебные, выходящие за пределы понимания в мире реальном. Но экзистенциалы, которые используют сказочные герои и обычные люди в обоих мирах одинаковые. Данный факт позволяет утверждать, что русская народная сказка является источником экзистенциальной мудрости, она помогает читателю в игровой увлекательной форме вместе с героями сражаться за свое существование во всей полноте и моще, быстрее и глубже понимать свой путь в жизни. Пусть эта жизнь абсурдна и полна страдания, но она есть великая ценность, ее ценность и в твоей уникальности.

Сказки часто населены героями, поставленными перед экзистенциальным выбором. К примеру, Иван-дурак в качестве центрального персонажа многих сказок,

предстает не просто простаком, но фигурой, сознательно отвергающей общепринятые нормы и ценности. Его безрассудство – это форма бунта против предрешенности судьбы, против социального давления. Он ищет свой путь, часто вопреки ожиданиям, и в этой свободе выбора – квинтэссенция экзистенциального поиска. Иван-царевич, стоящий на распутье трех дорог, символизирует человека, вынужденного принимать решения в условиях неопределенности, неся полную ответственность за последствия личного выбора. Его выбор – это не просто вопрос внешней судьбы, но и акт самоопределения, конструирования собственной личности. Любой сказочный герой проходит через испытания, преодолевает страхи и сомнения, чтобы обрести себя и найти свое место в мире. Этот путь самопознания и самоопределения является ключевым элементом экзистенциального поведения. Подобно бердяевскому пониманию свободы, выбор героя в сказке не детерминирован внешними обстоятельствами, а является проявлением его духовной сущности [1].

Именно в этом контексте стоит рассматривать и символ дороги, который в русских сказках является скорее метафорой жизненного пути героя, требующего постоянного выбора. Классический мотив: «Направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь – голову сложишь, прямо пойдёшь – женату быть». Это о камне на распутье. Герой стоит перед экзистенциальным выбором в условиях неопределённости. Каждый путь — это проект жизни со своими рисками и потерей. Выбор определяет всю дальнейшую судьбу. К примеру, в сказке об Иване-Царевиче и Сером Волке описывается знаменитый эпизод выбора дороги, который связан с ответственностью за последствия этого выбора.

В волшебных образах Бабы-Яги, Кикиморы, Лешего, Кощея Бессмертного и пр. четко просматривается проблема абсурдности и иррациональности существования, которая поднимается в философских изысканиях Льва Шестова. Подобные персонажи всегда живут в состоянии логических противоречий, невозможно разрешить загадки их сказочного бытия. У этих вопросов «всегда есть шапка-невидимка: как только к ним подкрадываются, чтоб изловить их, они тотчас покрываются шапкой и пропадают из виду» [6, с. 94-96]. Такие персонажи иррациональны, алогичны, живут по своим сказочным законам, воплощают собой ту бездну, в которую, по мнению Шестова, необходимо заглянуть, чтобы понять истину. Они обрекают героев к осознания того факта, что разум не всегда готов объяснить происходящее, что истина может лежать за пределами понимания.

К примеру, Баба Яга всегда сталкивает сказочных героев с иррациональной стороной бытия. Она – проводник в мир испытаний, где герой должен проявить свою сущность, сделать выбор, от которого зависит его даль-

нейшая судьба. Её избушка на курьих ножках – метафора нестабильности, хрупкости человеческого существования. Здесь нет готовых ответов, нет гарантий успеха, есть лишь необходимость действовать, принимая на себя всю полноту ответственности за последствия [5].

Экзистенциал, связанный со смертью, конечностью бытия ярко проявляется во всех русских сказках. Осознание бренности существования с одной стороны порождает самый сильный экзистенциальный страх, с другой заставляет ценить жизнь во всех ее проявлениях, помогает принимать и зло в качестве дополнительного ресурса. Со смертью связан образ иного мира, некоего зазеркалья, куда герой обречен попасть для выполнения своей сказочной миссии. Часто в потустороннем мире и происходит победа добра над злом, а герой получает заслуженную славу, царство, любовь и т.п. Для читателя экзистенциал «бытие-к-смерти» через сказочное осмысление становится более целостным и не таким пугающим.

К примеру, сказание о Кощее Бессмертном можно рассматривать как аллегория экзистенциала «бытие-к-смерти», неизбежности конца жизни. Даже у, казалось бы, у настоящего бессмертного персонажа есть своя ахиллесова пята. Кощей тщательно спрятал свою смерть и считал себя не уязвимым. Его фобия умереть хорошо символизирует самый сильный экзистенциальный страх в жизни человека. Кощей живет, чтобы делать зло, но победа над Кощеем, над его бессмертием показывает не просто торжество добра. Здесь заложен глубокий экзистенциальный смысл: ценность жизни не сводится к процессу отсрочивания смерти или к ее преодолению, ценность жизни в ней самой, сколько бы она не длилась. И важно не просто осознать конечность бытия, но и принять это как данность, помогающую ценить свою историю. Человеческая воля, вера в себя помогает в аллегорическом смысле преодолеть саму смерть. Это акт экзистенциального утверждения себя в мире, полном неопределенности и страданий [4].

Важную роль в русских сказках играет община, в которой каждый человек и даже животное несут ответственность и за себя, и за благополучие целой деревни, города, царства. Эта коллективная ответственность, этот негласный договор о взаимопомощи и поддержке, становится своеобразной формой экзистенциального противостояния хаосу и одиночеству. В сказках подчеркивается важность единства, солидарности, взаимопомощи, помогающие преодолеть самые страшные невзгоды и испытания. Так в сказке «Репка» демонстрируется важность коллективного труда и взаимопомощи. Один человек не может вытащить огромную репку из земли, но благодаря совместным усилиям всей семьи, включая домашних животных, задача оказывается выполнимой. Огромная репка символизирует неспособность в одиночку выполнить важное задание, например, собрать

урожай. Необходима помощь со стороны. И даже самая малость (маленькая мышка) может стать последней каплей, после которой цель осуществится.

Теме фатализма, предначертанности пути в сказках уделяется достаточно места. Но, с другой стороны, герой всегда имеет возможность выбора, возможность изменить свою судьбу, проявить волю. Эта борьба между фатумом и свободой воли является центральной для экзистенциальной проблематики. Сказка о Емеле («По щучьему веленью») часто трактуется как история о лени, но в ней есть и другой пласт. Емеля, лежащий на печи, олицетворяет собой абсурдного героя, отвергающего социальные нормы и целесообразность («Почему я должен ехать за дровами?»). Это своеобразный манифест свободы от социальных условностей. Его магическая сила символизирует внешнее выражение внутренней свободы от условностей. Однако, его свобода оборачивается одиночеством и изоляцией. Лишь когда он начинает использовать свои способности во благо другим, его жизнь обретает смысл. Емеля не стремится к богатству или власти, он хочет жить согласно своей природе, что и приводит его к закономерному царствованию в финале сказки.

Экзистенциальные мотивы пронизывают и образ времени в русских сказках. Время предстает не как линейная прогрессия, а как нечто циклическое, повторяющееся. Смена времен года, дня и ночи, рождение и смерть – все это подчеркивает конечность человеческого существования и неизбежность перемен. Герой оказывается заброшенным в этот поток времени, вынужденным принимать его вызовы и искать свой путь в этом вечном круговороте, научатся жить в настоящем, но и привносить в него уроки из прошлого. И именно осознание этой временности, этой хрупкости бытия, побуждает к действию, к проживанию жизни в полной мере с учетом экзистенциального открытия, что все временно.

Зачастую, чтобы достичь цели, героям приходится совершать поступки, противоречащие здравому смыслу, полагаться на интуицию и веру, а не на логический расчет. Встреча с чудесным, с необъяснимым – это не просто элемент фольклора, но и указание на то, что реальность сложнее, чем кажется, и что за видимостью обыденности скрываются глубинные, непостижимые силы, которые могут стать для героя палочкой-выручалочкой, а могут обернуться невиданным злым чудовищем. Дуалистические мотивы в отношениях сказочных героев с внешним миром считаются в описании роли природы. Природа предстает не просто фоном для событий, а живым, одушевленным существом, которое оказывает влияние на судьбу героев. Лес, реки, поля наполнены таинственной силой, которая может как помочь, так и навредить. Герой должен научиться взаимодействовать с природой, понимать ее законы, чтобы выжить и достичь цели. Это взаимодействие с природой становится своеобразным

экзистенциальным диалогом, поиском гармонии с окружающим миром.

Одиночество и отчужденность – еще одна важная тема, пронизывающая русские сказки. Герой часто оказывается один на один с враждебным миром, лишенным поддержки и понимания. Он чувствует себя брошенным, потерянным, но именно в этом одиночестве он обретает силу и способность к самоанализу. Он начинает искать смысл своего существования, задаваться вопросами о своем предназначении и о ценности жизни. Так, в сказке о Василисе Прекрасной героиня, в одиночку отправляясь в лес к Бабе Яге, проходит через испытания, которые ставят под сомнение не только ее физическое выживание, но и ее моральные принципы. Она вынуждена делать выбор, определяющий ее дальнейшую судьбу, осознавая при этом смертность и конечность своего бытия. Ее встреча с Бабой Ягой – это метафора столкновения с Абсурдом, с силой, не поддающейся рациональному объяснению.

Проблема одиночества сказочных героев перед лицом опасности в русских волшебных историях затронута остро. На современном языке многие ситуации в старых сказках можно назвать пограничными. Но герои всегда выходят из них победителями, даже в одиночку. Например, в сказочной истории «Гуси-лебеди» маленькая героиня на поиски брата отправляется в опасный путь совсем одна. Иван-дурак не вписывается в общепринятые схемы поведения, считается никчемным. С этой точки зрения Иван-дурак одинок. Но он научается принимать свою инаковость через преодоление себя, через испытания. Экзистенциальные мотивы в русских сказках не выражены в философских терминах, но проживаются героем на практике. Путь Ивана является экзистенциальным проектом: уход из дома (разрыв с привычным), столкновение с абсурдом и смертельной опасностью, принятие ответственности за свой выбор и, в итоге, обретение себя и своего места в мире (возвращение, но уже в новом качестве царя или мужа). Сказка утверждает, что смысл не дан изначально, его нужно найти, пройдя через испытания, оставаясь верным себе и человечным.

Добро и зло – эти вечные категории в русских сказках предстают не просто как противоборствующие силы, но и как отражение внутреннего мира человека. Человек не рождается абсолютно добрым или абсолютно злым, он сам выбирает ту сторону, где ему предстоит развиваться. Герой должен сделать выбор между добром и злом, между любовью и ненавистью, между правдой и ложью. Этот выбор определяет его судьбу и его место в мире. Борьба с внутренними демонами, с собственными слабостями и пороками, становится важной частью экзистенциального путешествия героя.

Русские народные сказки – это кладезь ярких образов

и поучительных сюжетов, демонстрирующих различные модели поведения и их последствия. Например, сказка «Морозко» отчетливо показывает разницу между трудолюбием и ленью. Падчерица, кроткая и работящая, получает от Морозко щедрые дары, в то время как родная дочь, избалованная и ленивая, наказана за свою спесь и нежелание трудиться. Этот пример иллюстрирует ценность упорства и уважительного отношения к окружающим. Сказки предстают не просто как развлекательное чтение для детей, а как богатейший источник мудрости, содержащий в себе зачатки экзистенциального мировоззрения, предвосхитившего философские искания XX века. Они напоминают нам о вечных вопросах, которые волновали и будут волновать человека во все времена, и предлагают свои, глубоко символические ответы.

В сказке «Царевна-лягушка» раскрывается тема внутренней красоты и верности слову. Иван-царевич, несмотря на насмешки, выбирает лягушку в жены, а она, обладая мудростью и волшебными способностями, помогает ему пройти все испытания. Преображение лягушки в прекрасную царевну подчеркивает, что внешность обманчива, а истинная ценность человека заключается в его душевных качествах. Кроме того, эта сказка учит ответственности за свои слова и принятые решения, следование которым вознаграждается, например, искренней любовью и непреходящей красотой.

Сказка «Колобок» предостерегает от гордыни, которая приводит к опасности и смерти. Колобок считает себя хитрым и умным настолько, что впадает в гордыню, как бы обрывает нить саморазвития. Вначале самоуверенность позволяет ему уйти от опасных зверей. Но в конце концов колобок становится жертвой лисы, более хитрой и предусмотрительной. Также, в сказке заложена мудрость, что не надо пренебрегать советами людей, которые в силу своих лет знают цену ошибок и могут направлять героя в правильном русле (создатели колобка - бабушка и дедушка) [2].

Важно отметить, что интерпретация русских народ-

ных сказок как носителей экзистенциальных мотивов не является единственно верной. Однако, такой взгляд позволяет увидеть в них нечто большее, чем просто поучительные истории. Он открывает возможность для глубокого философского анализа и помогает нам понять, что даже в самых простых сюжетах могут скрываться сложные и важные вопросы о человеческой природе и смысле жизни. Сказки напоминают нам о вечных ценностях и помогают ориентироваться в сложном мире, полном неопределенности и противоречий. Это не просто наследие прошлого, а живое искусство, которое продолжает волновать и вдохновлять нас. Они заставляют нас задуматься о главных вопросах бытия и помогают нам найти свой собственный путь к истине и свободе. Они учат нас не бояться трудностей и верить в свои силы, напоминая о том, что даже в самых темных временах всегда есть надежда на лучшее. Встречаясь с героями сказок, совершающими подвиги или терпящими поражения, мы учимся на их опыте, усваиваем уроки и формируем собственное представление о том, как следует жить. В современном мире, полном информации и технологий, русские народные сказки не теряют своей актуальности. Они продолжают быть источником вдохновения для художников, писателей, музыкантов и режиссеров. Они находят свое отражение в литературе, кино, театре и изобразительном искусстве. Они помогают нам сохранить связь с нашими корнями, с нашей культурой и историей.

Русскую сказку можно обозначить как своеобразную экзистенциальную лабораторию, где моделируются и проигрываются экзистенциалы, позволяющие осознать глубинные связи между человеческим бытием и миром. Она синтезирует фольклор и философскую мысль, позволяет взглянуть на привычные вещи под новым углом, учит ценить жизнь, быть ответственными за свои поступки, верить в собственные силы, не бояться трудностей. И самое главное – она дарит надежду на то, что даже в самых темных и сложных ситуациях всегда есть возможность для светлого финала. Сказки многогранны, в них за внешней простотой сюжета скрыт глубокий символизм, позволяющий находить личные смыслы в универсальных архетипах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы / М.: Путь. 1911. IV. 280 с.
2. Ким В.С. Сказка «Колобок» и ее сюжетная классификация // Международный академический вестник. 2018. № 27. С. 63-65.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. - М.: Ad Marginem. 1997. 451 с.
4. Хайрнурова Л.А. Традиционные формулы в фольклорном тексте (на материале русских и башкирских народных сказок) // автореферат диссерт. на соискание уч. ст. канд. филологических наук. Башкир. гос. ун-т. Уфа. 2013.
5. Хаждодова Н. К вопросу об изучении образа Бабы Яги в русской фольклористике // Словесность 2022. № 1. С. 142-151.
6. Шестов Л. Соч.: В 2 т. М. 1993. Т. 1. С. 94-96.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru), Пашенко Николай Алексеевич (nik.khv2005@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шустов Александр Федорович

*Д. филос. н., профессор, Брянский государственный
аграрный университет
shustovaf@mail.ru*

SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE DEVELOPMENT OF TECHNICAL ACTIVITIES

A. Shustov

Summary: The relevance of this article is due to the fact that the current development of technical detail has undesirable social consequences on all aspects of our lives. In this regard, philosophical research on the social responsibility of technical development is necessary in order to avoid its destructive impact on nature, society, and culture.

Keywords: technical activities, technology, responsibility, social responsibility, social assessment, responsible choice.

Аннотация: Актуальность данной статьи объясняется тем, что современное развитие технической детальности оказывает нежелательные социальные последствия на все стороны нашей жизни. В этой связи становятся необходимыми философские исследования социальной ответственности развития с целью избежать деструктивного влияния ее развития.

Ключевые слова: техническая деятельность, техника, ответственность, социальная ответственность, социальная оценка, ответственный выбор.

Проблема социального оценочного отношения к технической деятельности имеет длительную историю, но предметом философского анализа она стала в последнее время. Значительную роль в актуализации исследований проблематики социальной ответственности сыграла возросшая технологическая мощь и ее негативные последствия. Эта ответственность усиливается еще и тем, что эволюционное сравнительно медленное развитие технической деятельности сменилось лавинообразным. Техника стала силой, которая угрожает человеку, культуре, природе. Тенденции негативных последствий нашли осмысление в современной философии техники.

Анализ ответственности в философии техники обусловлен тем, что именно в ее традиции происходит переосмысление прежнего содержания ответственности, которое в первую очередь вызвано новым отношением человека к возможностям его собственной свободы. Новая степень свободы, существующая также и в свободе разрушения всего живого, выходит за рамки традиционных норм и ценностей, тем самым актуализируя вопрос о масштабах и формах ответственности человечества в техногенном мире. В ситуации, когда техническая власть инженера, проектировщика, ученого оказывается все большей, преобладает над знаниями о последствиях, моральная рефлексия о технике становится рефлексией, о будущем развитии человечества. «В наше время техника в качестве универсальной силы, равно как и в отдельных своих формах, обрела столь мощное влияние, что часто она решает, что будет с отдельным человеком и человечеством» [1, с. 408]. В философии техники речь идет об ответственности, прежде всего, ученого, инженера, проектировщика, т.е. субъекта, который создает и

внедряет технику в жизнь. Социальная ответственность при создании технических объектов тесно связана с социальной оценкой, которая должна носить комплексный характер. Необходимость их единства обусловлена взаимозависимостью их друг от друга. Вне комплексной социальной оценки, социальная ответственность становится абстрактной, а социальная оценка вне социальной ответственности бессмысленна. Проблема ответственности за способы получения и последствия применения результатов технической деятельности, об определении субъекта, условий и характера этой ответственности, осознается все более широким кругом людей, как практически и мировоззренчески значимая. «Это требует новых правил поведения и норм, которые относятся уже не только к отдельным индивидам, но также и к группам, командам и пользователю» [2, с. 381].

Ответственность как характеристика человека, проявляющаяся в различных видах его деятельности, всегда была присуща субъектам занимающимся изобретением технических устройств и способов их использования. Ответственность является непосредственным феноменом культуры, наиболее ярко выражающим ее духовно-практическую природу. Выполняя функцию упорядочивания в поведении субъекта, а стало быть, и в жизни общества. Ответственность всегда выражает конкретно исторический характер взаимосвязи индивида и общества. Она является обязательным условием свободной деятельности человека и любой социальной группы [3].

Действия субъекта характеризуют содержание ответственности как процесса и включают в себя ряд последовательных взаимосвязанных этапов. Среди них: познавательный этап - ответственность за правильное

определение объективной необходимости, рефлексивный этап - ответственность за адекватную оценку субъектом своих способностей и возможностей реализовать данную необходимость, инструментальный этап - ответственность за правильный выбор эффективных средств и методов реализации необходимости, аксиологический этап - ответственность за ценностное основание, практический этап - ответственность за ход и результаты практических действий, реализующих требования поставленной цели.

Таким образом, ответственность как духовно-практическая категория может быть понята как внутренний контроль и побудитель сознательного выбора действий, раскрывающих и реализующих потребности и интересы субъекта, соотношенные с объективной необходимостью. В рамки ответственности входит система мировоззренческих ориентиров, нравственные идеалы и ценности и сами практические действия с помощью тщательно отобранных и аксиологически выверенных средств.[4]

Из этого следует, что ответственный выбор, выражающийся на субъективном уровне в предпочтении одних возможностей другим, объективно является средством упорядочивания, оптимизации и определенности в развитии технической деятельности. Ответственность выбора усугубляется тем, что однажды внедренная технология укореняется и приобретает мощную и устойчивую тенденцию дальнейшего развития, инерция которой как бы выходит из-под контроля человека. Способствует этому и специфика научно-технического мышления, которое в постоянном стремлении к повышению эффективности легко пренебрегает такими неколичественными параметрами, как красота и справедливость. Ответственность всегда носит конкретно-исторический характер, так как абстрактной ответственности нет и быть не может.

В философской традиции выделяются два подхода в понимании социальной ответственности. Первый подход связан с традицией ограничения. Хорошо известен рассказ Плутарха об Архимеде, отказавшимся изложить некоторые свои математические открытия в виду опасности их инженерных приложений. Он применял их сам и только при угрозе военной опасности. Второй подход связан с именем Галилея, с точки зрения которого научное исследование не может быть подвергнуто каким-либо извне продиктованным ограничениям. Второй подход явно доминировал в истории и преобладает в какой-то степени и сегодня.

Со второй половины 20 века все чаще ставится вопрос о воздействии техники на нетехнические области жизни, об ответственности инженеров перед обществом за результаты своей деятельности. В инженерной среде ведутся дискуссии о необходимости разработки прин-

ципов профессионального поведения, этики социальной ответственности, поскольку власть, находящаяся в руках инженеров, все возрастает [5, 6]. То, что техника становится средой существования человека, изменяющей его по своему шаблону реальность, в которой существует современный человек. Происходящие изменения требуют своего осмысления. В противопоставлении «человек-техника», человек может перестать быть управляющим, смыслообразующим элементом.

Именно в связи с этим поднимается проблема меры, внутренней и внешней регуляции деятельности техников. Врачи издавна подчинялись профессиональным стандартам (клятва Гиппократова), регламентирующим их деятельность. Позже они получили право самим определять условия членства в медицинских союзах. Идеал профессиональной регуляции, по крайней мере, среди врачей сохранился до наших дней. Вопрос об ответственности в инженерии традиционно решался подчинением инженеров социальной организации. Первоначально инженером в древнем Риме назывался тот, кто создает таран, катапульты, другие «машины войны» и управлял ими. Инженерия была, с начала своего возникновения и до конца 17 века преимущественно военной. Поведение инженера, как и любого военнослужащего, определялось, прежде всего, принципом повиновения, первой ответственностью состояла в том, чтобы выполнять приказы.

Появление в 18 веке гражданской инженерии, связанной с проектированием общественных работ, не изменило этой ситуации. Но как только техническая власть, находящаяся в руках инженеров, начинает расти, усиливается напряженность между подчиненными, инженерами и стоящими над ними контролирующими органами. В связи с этим обсуждается проблема ответственности инженеров, появляются первые кодексы инженерной этики. Их специфика заключалась в том, что ответственность инженеров определялась по отношению к работодателю. С середины столетия понятие, ответственности приобретает новый смысл. Ответственность мыслится, как ответственность за результаты деятельности.

По содержанию она проявляется в различных видах, самые распространенные из них: юридическая, профессиональная, религиозная и моральная ответственность. По форме она выражается на уровне субъекта, группы, сообщества. «Есть три формы, в которых определяется ответственность инженеров за использование техники и за ее результаты. Первая форма - это индивиды в повседневной практике их работы, вторая - это группы в технических обществах и третья - вынесение вопросов, ранее бывших компетенцией только специалистов, на публичное обсуждение в связи с угрожающими проблемами, вырастающими из деструктивных применений техники» [7, с. 107].

Вынесение наиболее значимых решений по созданию и функционированию технических объектов на коллективные и публичные обсуждения позволит более точно оценить их параметры с целью избежать негативного их воздействия на человека, природную среду и культуру. И такой положительный опыт уже имеется в организации технической деятельности на предприятиях Японии, когда тот или иной вопрос, ранее бывший компетенцией узкого круга специалистов, выносится на коллективное публичное рассмотрение. Значение этих видов и форм ответственности возрастает пропорционально с увеличением технической мощи человека. Разработка сложных технических систем требует усилия многих субъектов технической деятельности, как на личностном, так и коллективном уровне. В связи с этим встает проблема ответственности за последствия их внедрения и функционирования. Естественно, ответственность не может быть возложена на одного человека, но ее и нельзя абстрактно «навесить» на всех как некое общее понятие.

Ленк Х. Предлагает выход из этой ситуации, с которым трудно не согласиться: «Совместную ответственность в сложных системных взаимосвязях нужно модельно расчленить ... каждый несет совместную ответственность сообразно занимаемому им в стратегическом плане месту в сфере влияния и действия и занимаемых взаимосвязях системы, особенно в зависимости от того, в какой мере, он может чинить препятствия системе, ее сохранности, притом активно или из-за своей невнимательности, или бездействия» [8, с. 90-91]

На интеллектуально-информационном этапе разви-

тия технической деятельности, информационным системам, в сложных областях управления и контроля, будет все в большей мере передана функция принятия решения. По логике вещей, компьютеру будет предоставлена функция принятия решений по жизненно важным социальным, военным и индивидуальным проблемам. Здесь, по-видимому, речь идет о возникшей и не существовавшей доселе новой опасности - снятия самого чувства ответственности с человека, который по своей природе и роли в производстве и обществе должен ее нести и передачи этой ответственности компьютерным системам.

Фундаментальный вопрос, касающийся ответственности в сфере информационной технологии вообще, можно сформулировать следующим образом: может ли компьютерная обработка информации быть полностью контролируемой человеком, и если нет, то имеет ли смысл говорить о деятельности по производству и использованию компьютеров как области морально релевантной? Полная передача ответственности машине за контроль протекания процессов в той или иной технической системе, отстраняет нас от ответственности, воплощает в себе торжество зла. Ибо, если все делается за нас, если мы более ни за что не несем ответственности, то нас уже нельзя считать людьми.

Суммируя выше сказанное можно сделать вывод, что сегодня с новой силой звучит просветительское положение И. Канта, о том, что человек должен нести ответственность за созданные им искусственные технические орудия производства и должен это оправдать и обосновать перед «судом благоразумия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности //Философия техники в ФРГ М.1989.
2. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники// Философия техники в ФРГ М.1989.
3. Шустов, А.Ф. Роль норм и ценностей в развитии технической деятельности / А.Ф. Шустов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. -№ 1. – С. 10-12
4. Шустов, А.Ф. Техническая деятельность как элемент культуры/ А.Ф. Шустов // Современна наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2023. - № 5. – С.30-32
5. Митчем К. Что такое философия техники? М.1995,
6. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники М.1998,
7. Митчем К. Что такое философия техники? М.1995, С. 107
8. Ленк Х. Размышления о современной технике М.,1996, С. 90-91.

© Шустов Александр Федорович (shustovaf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Ardashev R. – Doctor of Philosophy, Candidate of Law, Professor, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Irkutsk State University

Cherepakha D. – Graduate student, Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky

Darenskih S. – Candidate of Psychological Sciences, associate professor, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Moscow International University"

Fattakhov R. – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Kazan State Institute of Culture

Fetisova E. – Ph.D., Associate Professor, Pacific State University, Khabarovsk

Isagulova E. – PhD Psychol. Sci., head of the Mental Health Clinical Center

Koroleva-Konoplyanaya G. – Doctor of Sciences, Professor, Moscow Institute of Economics (NOCHU VO MEI)

Legostaeva E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Online Institute Smart LLC, Yekaterinburg,

Molina L. – Creative Association "League of Music"

Mylnikov E. – Graduate student of the Herzen State Pedagogical University of Russia

Nabok O. – Graduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis (Non-State Educational Institution)

Okeanskaya Zh. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Russian State Social University (Moscow); Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire

Our authors

Service of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation (Ivanovo)

Pashchenko N. – Pacific State University, Khabarovsk

Pershin Yu. – senior lecturer, FSBEI HE MGAVM i B – MBA named after K.I. Skryabina, Moscow

Presnetsov E. – Togliatti State University; PhD Candidate, Online Institute Smart LLC, Salekhard

Ryabova E. – Lecturer, N.P. Ogarev Mordovian State University, Saransk

Shtukin N. – Senior Lecturer, FSBEI HE MGAVM i B – MBA named after K.I. Skryabin, Moscow

Shustov A. – doctor of philosophy, Professor, Bryansk State Agrarian University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Surkov A. – PhD, Associate Professor, FSBEI HE MGAVM i B – MBA named after K.I. Skryabina, Moscow

Wang Hongmin – PhD Student, Transbaikal State University, Chita, Russia

Xia Junwei – Director of the Art Education Research and Innovation Center, Changchun Guanghua University (Changchun, People's Republic of China)

Zhambaev B. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Buryat Institute of Information Communications (BIIK)

Zhambaeva U. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar Branch

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).